

Гай Юлий
Орловский



Марго
Генер

Потерянная



Золотой Тадисман

Потерянная



Гай Юлий Орловский
Марго Генер

Золотой Ладисман

Гай Юлий Орловский
Марко Генер

Потерянная



Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-66

Разработка серийного оформления *Андрея Старикова*

**В оформлении обложки использованы рисунки
художников *Андрея Липаева* и *Вячеслава Коробейникова***

Орловский, Гай Юлий.
О-66 Потерянная / Гай Юлий Орловский, Марго Генер. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Золотой
Талисман).

ISBN 978-5-699-94353-1

Люди не смогли ответить на вопрос, кто такая Каонэль. Сол-
нечные эльфы пришли в замешательство, пытаются понять, откуда
взялась своенравная красавица с пепельной кожей, какая сила таится
в желтых глазах. Друзья стремятся разгадать загадку серой эльфийки.
Но больше всех это хочет выяснить она сама. Чтобы вернуть память,
эльфийка пускается в опасный путь на поиски Золотого Талисмана...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94353-1

© Орловский Г.Ю., Генер М., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Ощущение боли пришло неожиданно и оказалось таким сильным, что я дернулась. Кости ломит, кожу печет. Попробовала разлепить веки, но свет ослепил. Пришлось зажмуриться и ждать, пока не перестанут плавать пятна. Когда открыла глаза, долго шурилась и моргала.

Надо мной бледное, почти белое небо с рядами облаков, за ними сияет желтое пятно. Порезы саднит, словно туда соли натолкали, попробовала шевельнуть ушами, но те не сдвинулись.

Над головой раздалось протяжное:

— Ка-аррр!

В небе нарезает круги огромный ворон. Белые глаза сверкают, как слюда, крылья переливаются синевой, птица наблюдает за мной с высоты.

Когда горячий ветер принес облачко пыли, лоб зачесался. С превеликим трудом мне удалось поднять руку и поскрести пальцами, но через секунду силы кончились, и я уронила ладонь в песок.

— Летай, — прохрипела я. — Пользуйся превосходством.

Ворон сделал еще несколько кругов и улетел.

Глянув вниз, я скривилась — короткая юбочка едва прикрывает бедра, грудь стянута куском ткани. Ноги босые, серая кожа потрескалась от солнца.

Вокруг песчаные дюны, ветер гонит тучи желтой пыли. От самых пяток тянется зигзагообразный след и теряется где-то в бархане.

Я шумно сглотнула, в груди шевельнулась тревога. Но когда пригляделась, заметила по краям ямки от трехпалых лап и облегченно выдохнула — не змея. Ящерица.

Вокруг пусто, но на всякий случай развернулась в сторону бархана и сделала самое суровое лицо, на какое способна в таком состоянии.

— Не видать вам сегодня свежего мяса! — крикнула я хрипло.

Горло обожгло, я закашлялась. Попытка подняться обернулась головокружением, еле удержалась, чтобы не упасть. Пришлось лечь на спину и сделать несколько глубоких вдохов.

Я прислушалась к состоянию, надеясь на улучшение. Но в порезы попал песок, раны горят, я сжимаю губы и молчу — что-то внутри заставляет терпеть.

С трудом перевернувшись на живот, я несколько мгновений неподвижно лежала на песке. Горячие крупинки впились в щеку, словно пытаются проникнуть под кожу.

Когда все же заставила себя подняться, резко повело в сторону, пришлось растопырить руки и ждать, пока мир перестанет качаться.

Всего в нескольких шагах зеленеет роща, от деревьев тянет прохладой. Тяжело переставляя ноги, я добралась до травы и пробормотала:

— Подожди, смерть... Не сегодня.



Под ногой шевельнулось, я устало посмотрела вниз. Между пальцев выполз жук с перламутровой спинкой и с недовольным гудением улетел.

Длинные кончики ушей все еще безжизненно висят. Влаги в них не больше, чем в остальном теле, но слабеют первыми потому, что кожа тонкая и мяса внутри почти нет.

Я пролепетала:

— Пить. Нужно срочно попить.

Доковыляв до ближайшей тени, я села под дерево и раскинула ноги.

Ветка противно царапнула плечо, выступила густая сукровица и тут же схватилась корочкой. Я безразлично посмотрела на рану.

Голова снова закружилась, пришлось вцепиться пальцами в траву, чтоб удержаться сидя. Из нее потек зеленоватый сок с сильным мятным запахом. Когда попал на ссадины, порезы сильно запекло. Я измотанно опустила взгляд, наблюдая, как пузырится сукровица.

Наконец жжение прекратилось. Осмотрев ладонь, с изумлением обнаружила здоровую серую кожу без единой царапины.

— Ну и дела, — прошептала я и уставилась на руку. — Чудо-травы, природная магия.

Наверху хрустнуло. Я подняла голову, но успела заметить лишь черный силуэт и ветку, усыпанную крупными плодами. Она еще раз хрустнула и полетела вниз.

Надо было сгруппироваться, подвинуться, но я лишь подтянула колени. Ветка пронеслась рядом, задев уголок уха.

— Проклятая деревяшка. Нашла, куда падать... — произнесла я пересохшими губами.

Коряга замерла у самого колена. Я с изумлением уставилась на нее, втайне надеясь, что это не мираж. На секунду закралось подозрение — вдруг плоды несъедобные. Но пальцы сами потянулись к пище.

Сорвав плод, я с наслаждением впилась в сочную мякоть и поглощала плоды, пока на ветке не остались одни черешки. В животе довольно булькнуло, уши потеплели и поднялись.

— Не умру, — прошептала я в пустыню все еще хриплым голосом. — Слышишь, ящерка? Не сегодня.

У меня хватило смелости сорвать пучок и натереться, пока раны не воспалились. Кожу запекло; когда все порезы вспенились, я откинулась на ствол и замерла. Жжение проникло в самую глубину, словно крошечные жуки вгрызаются в тело.

Чтобы не потерять сознание, попыталась думать об исцелении, о полезности травки, хоть и жгучей до дурноты. Я молча терпела с каменным лицом.

Боль отступила неожиданно и полностью. Сукровица исчезла, раны затянулись, даже шрамов не осталось.

Как только телесная боль отступила, в черепе загудело. Я тряхнула головой, пытаясь освободиться, но шум лишь усилился. Миллионы голосов зашептали на разных языках — галдят, пытаются перебить друг друга.

Я зажала уши ладонями и закричала:

— Оставьте меня в покое!

Рой моментально затих. Я замерла в ожидании новой волны, но мысли будто поняли, кто тут хозяин, — разбежались и тихонько выглядывают из-за углов.

Повисла тишина.

Из глубины сознания поднялась мысль, настолько огромная, что я съежилась. Она уставилась пустыми,



бездонными глазами и зашагала вперед. Даже слышно стук каблуков, а может, это просто кровь в висках пульсирует.

Мысль царственно подошла и поклонилась.

— «Кто я», — представилась она.

Во рту пересохло, теперь уже от нервов.

— Кто я? — механически повторила я и опустила руки в траву.

Мысль зловеще захохотала и растворилась в пустом сознании.

По небу плывут реденькие облака, солнце беззаботно сияет. Ветерок играет с кронами деревьев и шелестит листвой. Мир такой, как прежде, и просуществовал еще миллионы лет. Ничего не изменилось, кроме одного — я не помню этого «прежде».

Я с силой потеряла лоб, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но в голове пусто, разве что муха не летает по кругу.

— Может, все сон? — спросила я себя. — Во сне всегда не помнишь, как уснул.

Ожидала, что величественная мысль снова поднимется из неведомых глубин, но та предательски молчит.

Снова потеряв лоб, я проговорила быстро:

— Нет. Боль была вполне реальной, такое не спутать. Имя! У меня должно быть имя! Все плохо, все очень плохо!

В районе солнечного сплетения ухнуло, будто оборвался подвесной мост, по телу прокатилась волна паники. Я подскочила, едва не стукнувшись о ветку, и в ужасе кинулась в глубину роши.

Несколько раз чуть не осталась без глаз из-за кривых веток. Еловые колючки ободрали кожу, листья

налипли на лоб и плечи. От чумного бега в затылке потеплело, даже уши нагрелись.

На пути выскочил раскидистый куст с блестящими от сока шипами. Попыталась обогнуть слева, но споткнулась о пенёк и рухнула в заросли.

Колючки оставили неглубокие, но длинные порезы. Я взвыла от досады, но падение в терновник немного отрезвило. Поднявшись, я встала рядом с кустом, чтобы осмотреть на наличие яда.

— Вырос, бестолочь! — процедила я, будто пенёк может понять.

Пенёк, естественно, не ответил, стоит себе у куста, качает грибочками на тонких ножках. Зато куст цветет и благоухает, призывно раскрыв бутоны. Над ними гудят пчелы, от чего куст кажется неведомым зверем.

Поняв, что яда в нем нет, я осмотрела царапины. Они оказались не глубокими и заживут без магической травы.

Но все же пришлось минуту стоять без движений и глубоко дышать, приводя мысли в порядок и заставляя сердце биться ровно.

— Хорошо, — попыталась рассуждать я, — мне не известно имя, откуда и куда направлялась. Но я жива, могу связно думать и изъясняться. Какая-то тварь дала по голове и бросила погибать в пустыне. Не с неба же я свалилась. Но потеря памяти не бывает вечной. Скоро вернется. Непременно должна вернуться.

Наивные выводы немного успокоили, но в груди заворочалась смесь обиды и гнева. Я сдавленно зарычала и двинулась сквозь заросли в поисках разумной жизни.

Мысли потекли пустые и безответные, похожие на разбавленный кисель. Безмолвная тревога притаилась



в районе груди и время от времени напоминает о себе короткими спазмами.

Я понимала: произошло что-то нехорошее. Возможно, сама натворила что-то ужасное — съела чей-то обед или пришла на прием в одинаковом наряде с какой-нибудь королевой. Но за это не убивают. Или убивают?

В ветках пискнула синица. Вспорхнув с ветки, она села мне на плечо и залилась звонкой трелью. Я с удивлением покосилась на бесстрашное создание. Птичка перестала петь и развернулась пестрым боком. Глаз-бусинка внимательно уставился на меня.

Я поднесла палец к пушистому брюшку, осторожно прикоснулась. На ощупь перышки мягкие, как высококлассный шелк. Птичка встрепенулась, растопырила крылышки, но не улетела.

— Привет, козявка, — прошептала я в пернатую голову. — Не боишься?

Птичка повернулась, посмотрела другим глазом, будто поняла. Затем чирикнула и упорхнула к сородичам.

Я вздохнула, в голове проплыли странные мысли о небе, полетах и бескрайних просторах, даже подумала, что из меня бы получилась отличная птаха. Тогда бы точно не попала в эту нелепую передрагу. Просыпаясь, чистишь перья и отправляешься ловить жуков, чирикать хором и гадить с веток. Если не нравится — лети в другое место, где небо выше, трава зеленее и жуки жирнее.

Под ногами похрустывают ветки, приходится ступать осторожно, иначе напугаю местное зверье или еще кого-нибудь. В лесу обитают такие твари, которых лучше не встречать.

Вверху тихо шелестит листва, тень от нее настолько густая, что полностью накрывает нижний ярус. Из-под зеленых кочек время от времени выпрыгивают любопытные белки, смешно растопыривают лапы, шевеля рыжими носами.

Я покосилась на них и произнесла, стараясь заставить голову работать в нужном направлении.

— Итак, — проговорила я. — Помню названия зверей и растений, но не помню ничего о себе. Думала, если память отшибает, то полностью.

Густая поросль кончилась, вместо нее пошли аккуратные кустики с прозрачными зелеными шариками. Сразу видно, что кто-то нарочно высадил, то ли для красоты, то ли для удобства сбора ягод. Я на ходу сорвала горсть и отправила в рот. Круглые шарики с треском лопнули на зубах, расплескивая горький вяжущий сок.

Я скривилась, терпкий вкус высушил язык, пришлось выплюнуть.

Через несколько шагов выбралась на хорошо утоптанную тропу. Из дальних зарослей донеслось фырканье и сопение. Медленно подкравшись к обочине, я раздвинула ветки.

За кустом в середине полянки скачет енот вокруг огромного ореха, коготки царапают скорлупу, пытаясь расколоть. Орех катается по траве и разваливаться не торопится. На шорох енот обернулся, шерсть вздыбилась, глаза испуганно уставились на меня.

— Может, тебя надо изловить и съесть? — поинтересовалась я.

Енот словно понял, уши прижались, он сжал коготками орех и испуганно присел на задних лапках. Когда представила, что придется гоняться за ним, подманивать, возиться — уши уныло повисли.



— Радуйся, звереныш, — сказала я. — Мне идти надо.

Я отпустила ветки и отошла. Из зарослей донесся топот убегающих лап.

Тропа двинулась навстречу. Ноги по щиколотку утопают в пыли и противно чешутся, но под рыхлым слоем чувствуется утоптанная земля. Такое бывает после суховея, только непонятно — откуда в роще степной ветер.

Деревья редеют, кто-то явно позаботился о том, чтобы по тропе можно было свободно передвигаться даже ночью. По обочинам воткнуты палки с намотанными на концы тряпками. От ткани идет резкий маслянистый запах.

У старых деревьев ветки толстые, их подперли деревяшками. А деревца помоложе сами торчат, как веники. Видно — умелые руки любовно обрезали ветки, чтоб те скорее достигли плодоносного возраста, окопали.

Уверенности у меня прибавилось. Жители, которые бережно заботятся о кустах, непременно должны быть добродушными. И уж конечно окажут посильную помощь потерявшей путнице.

Тропа стала шире, деревья ниже, трава превратилась в кудрявый спорыш. Наконец роща кончилась, и передо мной открылось пшеничное поле.

Высокие колосья с приятным шорохом шумят на ветру и клонят золотистые головы. Я провела рукой по желтому ковру и облегченно выдохнула — землю возделывают, помощь близко.

Пришлось оставить спасительную тень и двинуться сквозь пшеницу. В прокаленном мареве пахнет соломой, в зарослях стрекочет то ли кузнечик, то ли еще

кто-то. Воздух тяжелый, и солнце палит, но душа ликует.

Через каждые три шага холмики кротовых нор, слишком больших для обычных кротов. Приходится перепрыгивать. Под ногами шмыгают разжиревшие мыши.

Впереди замаячили коренастые фигуры мужчин и женщин, я подошла ближе и присмотрелась.

Те, что впереди, — орудуют косами. Лезвия срезают тонкие стебли, оставляя у земли невысокие черенки. Другие следуют за ними на почтительном расстоянии, укладывают пшеницу аккуратными рядами и вяжут в снопы.

— Точно, — прошептала я. — Как и думала. Фермеры. Добродушные фермеры.

Вскинув ладони в приветственном жесте, я направилась к ним.

Глава 2

Первой мое приближение заметила толстая баба с пучком соломы в кулаке. Она приглядывалась и щурилась, пока я прыгала через кротовые норы. В конце концов, баба бросила солому и приложила ладонь козырьком ко лбу. Глаза медленно округлились, она подхватила подол юбки и истошно заорала:

— Эльфы! Чертовы эльфы вернулись!

Потом резко развернулась и бросилась убежать через выкошенное поле.

Я уронила руки и застыла, оттопырив уши. Горячий ветер буквально скребет кожу, треплет волосы, в лицо летят остатки соломы.



— Мне... мне помощь нужна, — пробормотала я изумленно.

Тут же поняла, как глупо это прозвучало.

Работяги на секунду замерли в замахе, приглядываясь ко мне. Лица хмурые и настороженные.

Женщины еще секунду смотрели на меня, потом с поросычьим визгом крутанулись и кинулись вслед за первой. Мужчины хором взревели и ринулись на меня.

Мелькнула запоздалая мысль — надо бежать обратно в рошу, а не стоять истуканом посреди поля. Но ноги словно приросли к земле. Я выпучила глаза, наблюдая, как приближается толпа разъяренных мужиков. Когда наконец смогла шевелиться, фермеры окружили меня плотным кольцом и наставили острия кос прямо в живот.

Я мысленно выругалась. Конечно, только мне могло прийти в голову, что фермеры раскроют объятия непонятно кому. Рожи перекошенные, носы картошками — такими только малышей пугать.

Чтобы не раздражать незнакомцев, пришлось поднять руки над головой.

— Я с миром, — сказала как можно дружелюбней. — Я вам не враг.

Рыжий мужик со шрамом на щеке замахнулся косой и оскалил гнилые зубы.

— Заткнись, мерзкая тварь! — проревел он басом. — Не враг, ишь ты! Незамеченной решила пройти? Ничего, Старейшина решит, что с тобой делать.

Он выставил лезвие перед собой, медленно обошел, не сводя с меня злого взгляда. Остальные замерли с поднятыми косами. Пока я таращилась на фермеров, мужик прошмыгнул за спину и скрутил руки колючей

веревкой, при этом умудрился удержать черенок косы. Затем бесцеремонно толкнул в спину и проорал:

— В деревню ее, под замок!

Я зажмурилась. Перед глазами поплыли цветные круги, в ушах зазвенело. Самое время взмолиться каким-нибудь богам, но, как назло, ни одного не помню.

Когда открыла глаза — почему-то стало еще страшней. Вокруг угрюмые фермеры со сверкающими косами и растворяться, как дурной сон, не намерены.

В животе похолодело, по спине пробежала холодная струйка и растаяла где-то внизу. Мужики сверлят глазами и качают остриями над землей. Если с размаху ударят — голова с плеч.

Я нерешительно шагнула, но споткнулась о сухой корень. Ноги резко поджались и аккуратно спружинили, будто обладают собственным разумом. Я выпрямилась и опустила изумленный взгляд на стопы.

Мужик гаркнул прямо в ухо:

— Шевелись, тварь!

Мое самообладание пошатнулось, я сдавленно выдохнула и покосилась на фермеров, которые издаleка казались такими дружелюбными. Пальцы затрясло мелкой дрожью, я сжала кулаки, понимая — нельзя выдавать страха. И уши прижимать тоже нельзя.

Я нервно сглотнула, проталкивая комок в горле. Рыжий поднес лезвие к самому носу.

— Ну, пошла! Тебе два раза повторять надо? — заорал он в нетерпении.

Я подчинилась.

Пока шли, незаметно рассматривала фермеров. Кожа бронзовая от солнца, могучие тела закрыты рубашками. Бороды настолько длинные, что можно заплетать. В глазах чернота, смотрят враждебно,



будто я что-то украла. Рыжего слушают — значит, главный.

Руки быстро затекли в неестественном положении. Попробовала растянуть узел, но сухая веревка лишь сильнее впилась в кожу. Я в бессилии закусила губу.

Пытаясь выглядеть бесстрашной, я выпрямила спину, голову подняла. Рыжий заметил и больно ткнул черенком в плечо.

— Не выделяйся, эльф, — сказал он и поскреб пальцами подбородок. — Старейшина быстро собьет с тебя спесь.

Ключки смелости моментально испарились.

— За что? — вырвалось у меня.

Мужик не ответил, только многозначительно гыкнул, губы расползлись в ухмылке, обнажив гнилые зубы. Я отвела взгляд, чтобы не видеть мерзкой рожи.

Мы пересекли поле и вошли в деревню. В нос ударил запах тухлятины и навоза. Я скривилась, щеки сами надулись, стараясь сдержать дурноту.

Рыжий снова толкнул в бок и указал на дорогу. В груди закипело, страх перемешался с гневом, я прошипела:

— Чтоб тебе провалиться! Не обязательно все время тыкать. Можно и словами.

Фермер трубно высморкался, лезвие пролетело над головой, еле успела уклониться, чтобы уберечь уши.

— Словами будешь со своими болтать, — бросил он и тут же злорадно улыбнулся. — Хотя нет. Скорее всего, тебя прибьют сегодня.

Пока мужик вытирался рукавом, огляделась. С десятков деревянных домов выстроены по кругу и обнесены частоколом. В середине высокий терем с длинным крыльцом и резными колоннами. Двор похож на

гигантское грязевое поле, две глубокие колеи тянутся мимо ряда корыт и теряются где-то за домами. Вместе с поросятами в луже кувыркаются дети, такие похожие, что не отличить, кто есть кто.

Из-за телеги с сеном вывернула та самая баба, которая подняла шум. За ней уверенно шагают две дородные девки с полными корзинами. Из плетенок тянет кислыми плодами и гнилым мясом. В носу за-свербело, я с трудом сдержала чих.

Тетки решительно приблизились. Баба злобно оскалилась и запыхтела. От постоянного солнца и ветра лицо толстухи покрылось паутиной морщин, щеки обвисли, сотрясаются, как обезвоженные уши.

Она уперла руки в бока.

— Вы когда-нибудь видели что-нибудь более мерзкое? — бросила она подругам через плечо.

Сердце застучало, как безумное, уши дрогнули, но я проговорила, скривив губы:

— Ты себя вообще видела? Я грязная и неодетая. Но точно не мерзкая. Если бы не веревки, не косы, нацеленные в живот, — задушила бы собственными руками.

Девки глупо захихикали, подставляя бабе корзины с тухлостями.

— Что-о? — только и смогла выдохнуть бабка.

Ее щеки надулись, как у жабы в летнюю ночь, глаза выпучились. Она выхватила из кучи красный блестящий плод и запустила мне в лицо.

Сама не поняла, как успела увернуться, колени резко согнулись, спина выгнулась, на секунду я застыла параллельно земле. Потом мышцы во всем теле сократились, меня моментально выпрямило, как ивовый прут.



Я с трудом сдержала победную улыбку. Баба побелела от злости и завопила:

— Ах ты тварь! Ловкая, значит? А если так?

Она обернулась к подругам и подхватила подол юбки.

— Ну-ка, девочки, — прокричала она, — покажем эльфийской заразе, кто здесь главный! Хватайте помидоры!

Девки заржали, будто только и ждали, когда тетка даст команду, и обрушили на меня поток тухлятины.

Затылок моментально потеплел. Прежде чем успела что-то осознать, тело изогнулось, корпус отклонился назад и быстро завертелся, избегая унижительных встреч с помидорами. Я крутилась и проявляла чудеса гибкости. Краем глаза заметила, как мужики и бабы тарашатся с открытыми ртами, даже дети побросали порсят и выглядывают из-за юбок.

Рыжий вскинул широкую ладонь, обстрел моментально прекратился.

— Довольно! Ведите в темницу. Макар! — гаркнул он и обернулся к коренастому мужику в красной рубахе. — Иди к старейшине. Скажи, мы поймали эльфа-шпиона.

Мужик с бородой до груди бесцеремонно толкнул меня и повел к низенькому сараю. Двери нараспашку, будто специально ждали весь день. Из прохода тянет затхлой сыростью и старой картошкой.

Мы спустились по скрипучим ступенькам в небольшое темное помещение. По глазам прокатилась желтоватая волна, через секунду проступили мельчайшие детали, как если бы кто-то включил свет.

Нет. Лучше.

От солнечного света получается масса бликов, а тут предельная четкость и глубина. В груди затрепетало. С ночным зрением можно попытаться сбежать, когда деревня уснет. Правда, пока не знаю как.

Стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, задержала дыхание и украдкой глянула на стражников. Те нелепо шурят, вглядываясь в сумрак подвала, и держат косы наготове. Можно рвануться сейчас, но выход сторожат несколько фермеров. Придется ждать.

Мужик указал в конец подвала, который полностью занят клеткой. Прутья толщиной в руку.

— Туда, — сказал он.

Я угрюмо опустила голову и подошла к решетке. Лязгнул засов, двери камеры распахнулись, и меня с силой толкнули внутрь. Снова успела перескочить с ноги на ногу и спружинить.

— Да чтоб вас! — процедила я едва слышно и угрюмо покосилась через плечо на мужика.

Послышались грохот замка, топот на лестнице и стук двери. Через секунду в подвале затихло. Руки развязать мне никто не потрудился, оставили со стянутыми локтями.

Камера с земляным полом и решетчатым окошком под потолком моментально навееяла тоску и уныние. Чтобы хоть как-то отвлечься от хандры, стала разглядывать помещение. Фермеры потрудились укрепить стены подвала деревянными балками — весной наверняка подтапливает. На них полки с глиняными кадушками, в основном пустые, иначе учуяла бы. Лишь в одном остатки какой-то кислятины. Пол завален мешками с картошкой. Мыши постарались на славу — снизу ткань вся в дырах. Трухлявая лестница



без перил, кажется, выходит прямо из земли и заканчивается на выходе.

От сырости и примесей мышиной жизни в носу противно защекотало. Сквозь основной запах проступили более тонкие, едва уловимые ароматы.

Я закрыла глаза. В голове одна за другой поплыли картинки. Вот упитанная женщина тащит в подвал набитый мешок, затем какой-то мальчишка сидит между перекладами, видимо, прячется от кого-то, потом молодая парочка предается утехам втайне от посторонних глаз...

Образы родились прямо из воздуха, показывая все, что здесь происходило. Я потрясла головой, сбрасывая остатки бесполезных видений.

Чтобы сберечь силы, опустилась на сырой пол и уперлась спиной стену. В голове крутится единственная мысль — за что?

В груди медленно заклокотало, горячая волна поползла вверх. Когда достигла головы, перед глазами вспыхнули желтые и сиреневые круги. Уши запылали, будто перцем намазали.

— Уродливые гады! — прошипела я. — Я же ничего не сделала. Ничего! Каким-то эльфом назвали. Отлично. Значит я эльф, которого ненавидит вся деревня.

Мне стало до того обидно, что даже всхлипнула. Чтобы совсем не раскиснуть, несколько секунд таращилась в пол и старалась ни о чем не думать. Получалось плохо — мысли в полупустой голове двигаются, как важные гуси.

Я перевела взгляд на решетку. Прутья толстые, за сто лет не распилишь. От них идут странные волны, тело постепенно становится мягким и безвольным. Ед-

ва уловимый приторно-горький запах растекается по подвалу, мягко лезет в нос и заполняет легкие.

Мысли противоречиво раздвоились: с одной стороны, захотелось бежать подальше, с другой — поддаться усыпляющему аромату, расслабиться и навечно уснуть, забыв о заботах.

Железо.

Крепко же меня ударили, если забыла, как пахнет проклятый металл. Пригляделась — прутья светятся красноватым, широкие волны медленно ползют по подвалу и колыхают воздух. Вот он, тот самый ализариновый цвет, который туманит ум, сковывает волю и ослабляет тело.

В попытке избавиться от сладковатого дурмана, резко выдохнула через нос. Поглядев на всякий случай по сторонам, я забормотала:

— Я выжила под солнцем. Глупо будет погибнуть в плену у полоумных дикарей. Давай, давай, голова, думай. Раз не убили — значит, будут допрашивать. Что говорить? Если сказать правду — прикончат.

Рой мыслей, как назло, неподвижно замер и тихо наблюдает за бессильными попытками найти спасение.

За дверью слышались легкие шаги, я растопырила уши и вслушалась, шевеля острыми кончиками. По ним прокатилась легкая дрожь, кожа покрылась мурашками.

Дверь тихонько отворилась, на ступеньки опустилась маленькая ножка, затем показалось хрупкое тельце. Маленькая девочка с золотистыми косичками прокралась вниз и замерла у стены, засунув в рот пальцы. Огромные голубые глаза с интересом уставились на меня.



Мы несколько секунд таращились друг на друга. Она не проявляла агрессии, и я решила поговорить — дети должны быть сговорчивей взрослых.

— Привет, малявочка, — сказала я тихо. — Тебя как зовут?

Голос прозвучал глубоко и вкрадчиво, сама не ожидала. Девочка почему-то вздрогнула, высунула пальцы изо рта. Затем резко развернулась и, спотыкаясь, кинулась вверх по ступенькам.

Я крикнула:

— Подожди! Не убегай!

Но малышка уже выскочила на улицу. Послышался удаляющийся топот маленьких ножек и гусиный гогот.

Дверь осталась открытой, сквозь решетку видно небо и кусочек деревянной крыши. Вздохнув, я снова уткнулась затылком в обшарпанную стену.

От холодной поверхности веет старостью и тоской. Наверное, перевидала множество безнадёжных пленников, которые уходили отсюда в последний путь. Себя стало тоже жалко, в глазах опять помокрело.захотелось, чтобы пришел кто-то большой и сильный, наказал всех плохих и спас из этого проклятого места.

У входа вновь слышались шаги, на этот раз тяжелые и уверенные. В подвал потянуло сильным запахом сандала и курительных трав. Точно знаю, такие ароматы используют для вызова духов и окуривания помещений.

Чутье опасно пискнуло и свернулось калачиком в районе пяток, уловив душок магии. Попыталась вспомнить богов, которые карают врагов, с раскалыванием небес и молниями из туч. Но в голове чисто, как у новорожденной, только мухи не хватает, чтоб летала от уха до уха.

Тяжелый сапог ступил на лестницу, старые доски скрипнули и прогнулись. Закутанная в цветные одеяния фигура спустилась в подвал, демонстративно задирая голову, и остановилась у стены. Лицо костлявое, скулы острые, как у покойника, черные глазки впились в меня, изучая сантиметр за сантиметром.

Несколько секунд его взгляд змеей ползал по телу, останавливаясь то на груди, то на талии. Затем главный, а это непременно главный, хмыкнул и скривился в непонятной ухмылке.

За ним по ступенькам сбежал невысокий плюгавенький мужичок и остановился у тощего. Взгляд заискивающий, козлиная борода на треугольном лице растрепалась, как метелка. Из-под жилетки выглядывает красная рубаша поверх штанов.

Плюгавый подскочил к решетке, по-лисьи зыркнул на меня, теребя в руках нитку с деревянными бусами, и отпрыгнул обратно.

— Ей-ей, эльфийка, как пить дать, — проговорил он скрипучим голосом. — Серая-серая. Почему она серая, господин?

Он подхватил подол одежды, потянул к подбородку, гнусаво сопя в длинный нос, и заискивающе уставился на тощего.

Тощий сдержанно прокашлялся и сделал несколько шагов в мою сторону. По телу прокатилась волна мурашек, чтобы сохранить достоинство, я громко задышала, пытаюсь заменить страх гневом.

Пока скелет мерил оценивающим взглядом, поднялась. Замерев у стены, я разглядывала его в ответ и думала, что совсем не похожа на местных. Все они крупные, мускулистые, кроме этого тощего. Ушей почти не видно. Не уши, а культы, кожа желтая, морщинистая,



как перезревшее яблоко. То, что я эльф, выяснила. Но ясности от этого мало.

Тощий благоразумно остановился в метре от клетки и накинул на локоть край рукава.

— Так-так, что тут у нас, — протянул он бархатным голосом.

Я напряглась, от его слов уши едва не прижались, с трудом удержала их в вертикальном положении. Он прищурил левый глаз и вытянул подбородок. Нос заострился, голова стала похожа на орлиную.

— Хм, серая, но красивая, — проговорил он нараспев. — Откуда вы беретесь? Раньше только светлые доносили, теперь еще желтоглазые. Лазутчица?

В животе екнуло, как если бы все-таки ткнул в него. Меня передернуло, по спине в очередной раз побежали крупные мурашки.

Я покосилась на прутья решетки и отодвинулась. Память о железе лежит где-то в глубине сознания, где хранятся самые древние инстинкты. Можно забыть, кто ты и откуда, но красноватое сияние, которое приносит боль и забвение, запоминается навсегда.

Маленькие глазки тощего разглядывают с подозрительным интересом. Я скривила губы, представив на секунду, какие мысли приходят в остроносую голову. Затем проговорила осторожно:

— Зависит от того, что меня ждет.

Тощий приподнял орлиную бровь, по лицу медленно поползла хищная улыбка, он глухо засмеялся. Плюгавенький подпрыгнул на месте, физиономия сморщилась, он захихикал. Эти двое хохотали, наверное, вечность. Затем тощий взмахнул ладонью и резко замолчал. Плюгавый моментально затих, согнувшись с заискивающей улыбкой.

Тощий прочистил горло и демонстративно вытянулся.

— Не в твоем положении торговаться, серая, — проговорил он серьезно. — Допустим, все-таки ты лазутчица.

Я сдунула со лба прядь и спросила:

— И что?

Тощий прищурился, сухие пальцы скользнули по гладко выбритому подбородку.

— И то. Будем допрашивать с пристрастием, — пообещал он.

При этом странно ухмыльнулся, в глазах полыхнул нездоровый огонек. Я невольно поежилась — что-то отталкивающее есть в этом долговязом персонаже с колючим взглядом.

— Да пожалуйста, — проговорила я, усиленно вытягивая уши, хотя внутри все сжалось. — пытками ничего не добиться.

— Ты права, — хмыкнул тощий, задумчиво вытянув губы. — Как-то три дня мучили молодого эльфа — хотя бы звук издал. Так и помер молча. Умеете вы терпеть.

Страх и бешенство заклокотали в груди. С большим трудом удалось унять дрожь в коленях. Я подняла на него взгляд, показалось, тощий побледнел, но через секунду его лицо вновь приобрело хозяйское выражение.

— Рядом с тобой даже блоха покажется героем, — проговорила я медленно и подумала, что теперь мне точно конец.

Тощий шагнул к решетке и злобно прищурился. Щеки покрылись красными пятнами.

— Не забывайся, эльфийка, — процедил он. — Я могу убить тебя прямо здесь.



Он отвернул пальцами край накидки и показал огромный зеленый камень, ограненный черным металлом. Пальцы коснулись блестящей поверхности, подвеска сверкнула и зашипела.

Самое время замолчать и проявить смирение, но меня уже понесло.

— Так чего ждешь? — сказала я с вызовом. — Давай убей и закончим. Все равно я тебе ничего не скажу.

А про себя добавила, что говорить мне особо нечего.

Тощий с достоинством завернулся в одежду, поправляя складки на груди, и пожал плечами.

— Я бы с удовольствием, — проговорил он. — Но народ не поймет. Не могу же я лишиться развлечения изголодавшуюся по зрелищам толпу.

Глаза выжидающе вперились в меня. Взгляд хищный, лицо в морщинах, на голове одуванчиком торчит редкая седина.

Я уставилась вниз, делая вид, что разглядываю куски глины на полу. Тощий мог бы расправиться со мной в один момент. Оба понимаем — ему нет дела до народных увеселений. Власть удерживает другим способом, значит, надеется что-нибудь выведать.

Мысленно вознесла молитву неизвестным богам, надеясь, что они и дальше не оставят. Затем снова подняла глаза и в упор посмотрела на тощего.

— Могу я узнать, с кем говорю? — спросила я, покосившись на карлика за его спиной.

Нос широкий, глаза сально блестят из-под кустистых бровей, губы кривятся в мерзкой улыбочке. Кожа неестественно желтая, наверное, болеет. А вообще, уродцы обычно умирают в раннем детстве.

Тощий хищно улыбнулся, обнажив белоснежный клык, все больше походя на живого скелета. Видимо, он единственный в деревне, у кого зубы не проела гниль. От зеленого амулета пахнет примитивной магией. Но ее достаточно, чтобы пришибить меня прямо тут.

Он наклонил голову и вздернул нос.

— Проквас, — сказал он, — объясни нашей удивительной пленнице, с кем говорит.

Плюгавенький встrepенулся, подскочил к железной решетке. Рот кривится в ехидной ухмылке, зрачки расширились. Все мысли отражаются на лице карлика, от них становится совсем дурно.

— Ей-ей, мерзкое отродье, — проговорил он скрипучим голосом. — Трепещи, серая! Перед тобой Старейшина Последнего рубежа.

— Рубежа перед чем? — спросила я и глянула на потолочную грязь. Кто-то ловкий умудрился оставить след сапога на побелке.

Плюгавый плюнул себе под ноги.

— Будто ты, ей-ей, не знаешь, — огрызнулся он. — Последний рубеж перед вашим, будь он трижды сожжен, лесом!

В голове стало гулко, как в улье, мысли хаотично понеслись в разные стороны. Нашим лесом? Нашим — значит эльфийским? Сердце чуть не выпрыгнуло из груди, стараясь не выдавать возбуждения, я подняла подбородок и выпрямила спину.

— Знаю, — проговорила я сдержанно. — Хотела, чтоб сам признал.

Проквас обиженно завизжал и прыгнул обратно к Старейшине. Тот погладил его по голове, как ручного волка, и указал назад. Коротышка шмыгнул за спину,



его щека прижалась к подолу тощего, он довольно выглянул из-за ног.

Брови Старейшины сдвинулись, по центру лба пролегла глубокая морщина. Он так стоял, казалось, вечность. У меня уже спина устала стоять по струнке.

Наконец тощий снисходительно улыбнулся. Щеки втянулись, тощий стал еще больше похож на скелет, я поежилась, но взгляд выдержала. Зеленая стекляшка под его одеяниями сверкнула, даже сквозь ткань стало видно. Я сделала вид, что не заметила, хотя во рту пересохло.

— Дерзкая желтоглазая, — спокойно проговорил Старейшина. — Продолжай в том же духе. Хотел пожалеть тебя, да, видно, поспешил с выводами. Ты не похожа на эльфов, которых видел прежде. Даже закралась мысль, что можно было бы.... Хм, не важно.

Он выдержал многозначительную паузу и довольно облизнулся.

— Знай, блудница, — продолжил он, — тебя вытащат на площадь и будут пытаться каленым железом. Надеюсь, будешь вопить и корчиться в нестерпимых муках. А когда обессилеешь — лично отсеку тебе уши и повешу на шею в качестве трофея. Потом тебя разрежут на кусочки и скормят собакам.

С этими словами он резко развернулся, мантия всколыхнулась и пошла крупными волнами. Тощий затопал по ступенькам и скрылся в проходе в сопровождении прихвостня.

Я обессиленно опустила на колени и уронила голову. Демонстрировать смелость — совсем не то, что ее испытывать. Связанные за спиной руки свело от напряжения, плечи болят, словно вместо мулов запрягали.

— Он отрежет мне уши... — прошептала я.

Сердце ударилось о грудную клетку и зашлось в бешеном ритме. Представила, как волокут на середину площади, привязывают к столбу и безжалостно прижигают каленым железом. Народ вокруг довольно улюлюкает, требует, чтобы жертва вопила диким голосом.

И не каленого было бы достаточно. От одной мысли об ализариновом металле кожа покрывается мурашками размером с горошину.

Из глаз потекло горячее. Мокрая дорожка проползла по носу и повисла тяжелой каплей на кончике. Я горько всхлипнула и вытерлась о плечо, оставив на коже грязные разводы от пыли.

Несколько минут я просто сидела и редела, как самое никчемное существо в мире. Потом, видимо, влага кончилась, осталось только шмыганье носом.

В конце концов, это тоже надоело. В районе солнечного сплетения вспыхнуло, в порыве гнева я ударила коленкой пол. В стороны разлетелись мелкие комочки глины.

— Сбегу, — произнесла я твердо.

Внимательно оглядев камеру, поняла — самостоятельно выбраться из-за железной решетки не получится. Даже ключ не смогу взять — наверняка ализариновый. Разве что выломать ненавистные прутья чем-то тяжелым...

Скрипнула лестница, я подняла голову и откинула со лба грязную прядь. На ступеньке стоит та же девочка с золотыми косичками и прижимает к груди тряпичную куклу.

Я замерла. В первый раз детеныша напугал даже звук моего голоса.



Девочка спустилась на пол и осторожно подошла к решетке. Только сейчас заметила ее неестественную худобу. Щеки впали, скулы острые. Из широкого выреза торчат ключицы, такие тонкие, что даже я переломлю одним пальцем. На ножках-палочках безразмерные кожаные сапоги. Только огромные живые глаза наблюдают с неприкрытым интересом.

Девочка поежилась и сильнее сжала куклу.

— Мама говорит, ты эльф, — проговорила она тонким голосом.

Малышка решила подойти еще ближе. Переминается с ноги на ногу, робко жметесь и все ближе подбирается к решетке. Я сотню раз пожалела, что связаны руки. Не побоялась бы ализариновой дряни. Обожглась бы, но шанс выбраться этого стоит.

На всякий случай потянула локти в сторону, но сухие веревки сильнее врезались в кожу. Я досадно выдохнула и проворковала, стараясь быть ласковой, насколько умею:

— Наверное, твоя мама права. Что еще она говорит?

Девочка опустила глаза и проговорила тихо:

— Что вы ненавидите людей. Если не буду слушаться, то придут злые эльфы, уташат в свое логово и заживо съедят.

Она замерла. Я задумалась — сама только что окольными путями выяснила, какое имею отношение к ним. Откуда мне знать, злые мы или нет и как поступаем с человеческими детьми. Мой маленький опыт подсказывает, что к людям вряд ли питаем глубокую привязанность.

— А ты слушаешься? — спросила я

Она неуверенно кивнула, я продолжила:

— Тогда тебе нечего бояться.

Я решила выведать о своем народе, пока она не поняла, что слишком много болтает. Взрослые агрессивны, а этот золотой одуванчик даже милый. Ресницы пушистые, глаза блестят. Если бы не широкий подбородок и короткие уши — могла бы за эльфенка сойти.

Приподняв затекшее колено, я спросила:

— Значит, в лесу живут эльфы?

Девочка задумчиво накрутила косичку на палец и чуть подалась вперед, пристально разглядывая меня.

— Да, — ответила малышка. — В лесу живут эльфы с длинными, как у тебя, ушами и красивыми лицами. Но это обман, на самом деле они нападают на деревни и забирают самых сильных.

Девочка нахмурилась, в совсем не детском взгляде немой укор и неприкрытая обида. Даже немного совестно стало — дети самые беззащитные у всех живых существ.

Я тряхнула головой, выбрасывая остатки сочувствия, и попыталась сложить четкую картинку. Из слов детеныша выходит, что я лесной монстр с милым личиком. Про личико даже старейшина упоминал. Краду детей и ем на обед.

Представила, как жарю на костре крошечное тельце, отрезаю кусок и кладу в рот. От омерзения передернуло.

Девочка осмелела еще больше.

— Мама однажды видела, как отряд эльфов напал на деревню, — проговорила малышка. — Она рассказывала, что лесные демоны налетели, как ураган, поймали брата и еще несколько человек. Посадили на единорогов, которые скачут быстрее ветра, и скрылись с ними в лесу.



Девочка замолчала, откровенно разглядывая мои уши. Я почти физически ощутила, как взгляд ползает по острым кончикам, и дернулась от раздражения — чувствую себя товаром на прилавке.

Девочка вздрогнула и отскочила назад. Я поспешила ее успокоить, боясь потерять единственного собеседника и информатора в одном лице.

— Пожалуйста, не бойся, — заверила я. — Ты в безопасности. Видишь, какие толстые решетки?

Малышка смирila недоверчивым взглядом прутья, через несколько секунд ее плечи снова расслабились. Но больше приближаться не стала.

— Ты знаешь, где хранится ключ от клетки? — спросила я ласково.

Глаза девочки выпучились, пальцы крепче вцепились в куку, она затаила дыхание.

Я торопливо проговорила:

— Если сможешь, обещаю, тебя никогда не украдут эльфы.

Про себя поежилась — соврала ребенку и даже глазом не моргнула. С другой стороны — на войне как на войне. Они ведь притащили меня, безоружную и растрепанную, посадили в клетку и готовят к позорной казни.

Девочка нахмурила лоб, губы надулись. Несколько секунд натужно сопела, наконец шумно выдохнула.

— Ключ у главного сторожа, — проговорила она тихо, но четко. — Он носит его на поясе и никогда с ним не расстается.

— Тьфу ты пропасть... — прошептала я.

Но девочка услышала и все же отшагнула к лестнице.

— Ты серая, — сказала она вдумчиво.

— Гм.

— Раньше серых не было, — продолжила она. — Только белые, как стены в амбаре.

Я покосилась на нее и сказала, больше для виду, потому что уже поняла — выбраться отсюда без ее помощи не выйдет:

— Может, в честь этого окажешь услугу?

Она вытаращилась еще сильнее. Пока она хлопала ресницами, я быстро соображала, согласится ли принести ключ, если ее очень сильно попросить. Даже если получится выбраться из подвала, окажусь в середине деревни у всех на виду. Будет всего несколько секунд, чтобы добежать до поля, пока фермеры схватятся за оружие. Хотя я определенно быстрее их.

Вполне достойный шанс.

Я набрала побольше воздуха и подготовилась к длинной проникновенной речи.

— Малявочка, милая... — начала я.

Сверху донеслось громкое ржание, грохот копыт, раздались испуганные крики и звон металла. Из двери потянуло сквозняком, я принялась — легкий терпковатый запах похож на смесь дерева и гвоздики.

Шум с улицы усилился. Вопли людей утонули в конском топоте и металлическом лязге.

Глава 3

Девочка с ужасом замерла перед клеткой, боясь шевельнуться. Маленькие ручки вцепились в куклу так, что побелели костяшки, глаза выпучились и не мигают.

— Мама! — сдавленно пискнула она.

Малышка метнулась к лестнице, но у самых ступенек остановилась, перепуганно уставившись в проход.



Потом отступила на несколько шагов и затравленно оглянулась на меня.

Грохот наверху усилился настолько, что в ушах зазвенело.

Я хаотично соображала, что говорить перепуганному ребенку. Обоняние рисует дикие картины. В голове мелькают образы, вижу, как фермеры падают под блестящими копытами, женщины прячутся в домах, на бегу хватая детей. Наездники яркие и непонятные.

Девочка затряслась как осиновый лист, голубые глаза заблестели от влаги. Она всхлипнула и метнулась к куче мешков в углу. Дрожащими руками проделала небольшое отверстие и протиснулась внутрь. Затем подтащила мешок с пола и заткнула проход. Теперь куча выглядит вполне натурально.

Я завистливо посмотрела на неприметную кучу — малышка нашла укрытие, а у меня в распоряжении лишь голые стены, земляной пол и смертоносная решетка.

Стянутые за спиной руки онемели настолько, что совсем перестала их ощущать. Безысходность накатила тяжелой волной и парализовала. Даже встать сил нет.

Я уронила голову и замерла в ожидании неизбежного.

Грохот раздался у самой двери, за ним последовал лязг металла и сдавленный крик. Я невольно повернулась, ожидая увидеть виновников заварухи. Напасть на фермеров могут только совсем отъявленные разбойники.

Воображение успело нарисовать суровых косматых людей, в звериных шкурах, с гигантскими топорами в руках, которыми они рассекают людей. За сражением, сидя на черной лошади, наблюдает предводи-

тель — утрюмый, с клыками размером с ладонь. Борода свисает до самого живота, а из-под широких бровей блестят злые глаза...

На порожек ступила нога в высоком сапоге с витиеватыми узорами. Стройная фигура, не касаясь ступеней, пронеслась над лестницей и приземлилась на одно колено.

Внутри меня все взорвалось, сердце бешено заколотилось. Точно выскочит из груди, если так и останусь сидеть. Дыхание, как у птички, даже связанные руки задрожали.

— Эльф... — прошептала я. — Эльф во плоти... Какой белый.

Он выпрямился и быстро огляделся.

От высокой фигуры веет уверенностью и величием, грудь и плечи покрыты ослепительным металлом. Сверкающие мечи зажаты в ладонях, с лезвий ссываются багровые капли и впитываются в пол. На лбу узкое кольцо с синим камнем. Длинные волосы настолько белые, еще чуть-чуть, и засветятся в полутьме подвала. Из этой копны торчат остроконечные уши, кончики нервно подергиваются.

У меня язык прилип к нёбу. Хотела крикнуть, но голос пропал, в глотке сжался тугой комок. Покосилась на решетку — ализариновые потоки от нее превратились в настоящие реки, ползут по темнице, словно змеи, накрывают слабостью и дурнотой.

Нос защекотало терпким запахом вперемешку с железным дымом. Воин расширил глаза, взгляд слепо блуждает по комнате, периодически останавливаясь на крупных предметах. Даже чуть остановился на куче с мешками, где, не помня себя от ужаса, трясется девоч-



ка. Чую, как запах страха поднимается из узких щелей между мешками.

Его взгляд переполз на железную решетку, глаза сощурились. Я поняла — он и правда не видит.

Внутри все сжалось, я снова попыталась крикнуть, но получилось лишь проплюмкать губами. Оцепенение усилилось, тело потяжелело, меня против воли стало прижимать к полу, захотелось уткнуться лицом в сырую глину и забыться.

Воин отвернулся, согнул колени, готовясь к мощному прыжку, и бросил контрольный взгляд на мою камеру. Брови взлетели на лоб. Синие, как глубокое море глаза, изумленно расширились. Он развернулся на месте и всплеснул руками, едва не задев мечами кувшины на полке.

— Святые эльфы... Кто вы, миледи? — затараторил он, подскочив к решетке. — Как здесь оказались?

Белокожий с открытым ртом разглядывает меня. Хотела спросить, не издевается ли он насчет миледи, но голоса все еще нет.

С великим трудом я поднялась с колен, чтобы не выглядеть совсем уж жалкой. Преодолевая головокружение, выпрямилась во весь рост.

Перед оторопевшим эльфом открылась моя грязная, поцарапанная фигура. Ноги до самых колен покрыты подвальной пылью, на животе след от помидора — один из снарядов все-таки достиг цели. Волосы превратились в сплошную паклю и свесились грязной сосулькой до пояса. Не так я представляла знакомство с представителями своего народа.

Эльф проморгался, приходя в себя, и сказал с жаром:

— Как этим обезьянам удалось поймать эльфийку? Я немедленно вызволю вас из позорного плена, миледи.

Я похлопала ресницами и перевела взгляд на прутья. Ализариновые потоки слились в сплошное полотно и колышутся в воздухе, как утренний туман.

Одурманенный ум соображает медленно, но я все-таки успела заметить, что он словно не обращает внимания на железо. Будто его вообще тут нет.

Он окинул озабоченным взглядом решетку и пробормотал что-то неразборчиво. Я понимающе закивала — края прутьев закреплены в стене. Даже если нет — руками расшатать не получится.

Белокожий сдвинул брови и потер подбородок. Несколько секунд разглядывал камеру, затем раздраженно фыркнул. Словно не привык проигрывать.

Он успокаивающе вскинул ладони и попятился.

— Можете не беспокоиться. Я все устрою, — сказал он и, метнувшись к лестнице, скрылся в проходе.

Я не сомневалась, что белокожий вернется, уж очень обнадеживающе смотрел. На сырой глине остались едва заметные следы его сапог. Такие слабые, что даже мой зоркий глаз с трудом видит. Застыв в мучительном ожидании, я устала в проход.

С улицы доносятся звуки затихающего сражения, сквозняк приносит запах свежей крови и непонятных животных.

Секунды поползли медленно, словно толстые улитки, растягиваясь в такие же бесконечные минуты. Я стала считать удары сердца, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей. Но они все равно лезут в одурманенную голову, перед глазами появляются какие-то образы, чужие лица, незнакомые места.



Я потрясла головой, уши приподнялись и зашевелились. В куче мешков раздался едва различимый шорох, из маленькой щели показалась золотистая головка с перепуганными глазами. Девочка с перекошенным от ужаса лицом уставилась на меня. Я успела понять, что общаться с человеческими детьми не очень умею. Чтобы не напугать в очередной раз, решила молчать.

Сверху донеслись жалобные всхлипы и грубые голоса. Малышка замерла, шумно вдыхая воздух, и нелепо вытянула руки. На тоненькой шее пульсирует синяя жилка, зрачки расширились. Слышу, как трепещет детское сердце, теперь больше похожее на мышьеиное.

У входа послышался топот, девочка молниеносно юркнула в незатейливое убежище и прикрылась мешком. Донесся сдавленный чих — неудивительно, подвальная пыль даже мне нос свербит.

В подвал влетел синеглазый эльф, за ним в дверь попыталось протиснуться огромное каменное существо. Проход оказался слишком узким. Существо секунду пялилось на дверь, затем шагнуло на лестницу. Раздался сухой треск, со стен посыпалась известь и глина, заполняя подвал клубами серой пыли.

Белокожий закашлялся, отскакивая в сторону. Каменный монстр с невозмутимой рожей пролез внутрь. Ступеньки под ним жалобно скрипнули, существо спустилось и выжидательно остановилось у стены.

Я замерла в середине камеры, всем видом показывая, какая я послушная и беззащитная. Синеглазый таращит глаза, шурится — ему точно не хватает ночного зрения.

Он осторожно шагнул к решетке и поправил обруч на лбу.

— Миледи, вам лучше отойти, — проговорил си-неглазый. — Голем лишен чувства меры. Не хочу вас ранить.

Я молча отошла в дальний угол, когда спина коснулась стены, крепко прижалась, не обращая внимания на стянутые руки.

— Дергай! Живее! — скомандовал белокожий.

Каменный монстр приблизился к решетке, оставляя в полу глубокие ямы. Он ухватился огромными руками за прутья и рванул в сторону. Решетка жалобно закрипела и прогнулась под грубым натиском. Боковые штыри зашатались, но остались в стене.

Голем снова дернул, на этот раз сильнее. Железо оглушительно простонало, штыри медленно поползли наружу. Из дыр посыпалась пыль и каменная крошка, я закашлялась.

Существо с ревом потянуло на себя, остатки окаменевшей глины треснули и посыпались крупными кусками на пол. Голем с хрустом выдрал решетку, затем поднял над головой и несколько мгновений так стоял. Лишь когда белокожий что-то скомандовал, он швырнул ее на кучу мешков. Металл глухо ухнул, с протяжным шуршанием решетка сползла на глину, стягивая следом полупустой мешок.

Я застыла с вытянутыми ушами, в глубине свала тихо всхлипнуло. Но белокожий, кажется, не заметил. Он убрал один меч в ножны и приблизился.

— Миледи, вы свободны, — проговорил он, протягивая ладонь. — Позвольте проводить вас в безопасное место.

Я неловко поежилась и указала на связанные руки. Эльф выдохнул, краснея:

— О, прошу меня простить. В темноте плохо вижу.



Он одним взмахом рассек веревки. В пальцы хлынула кровь, онемевшие ладони приятно закололо. Я выдохнула и попыталась благодарно улыбнуться. Наверное, получилось не очень, потому что лицо эльфа осталось неизменным.

Повисла короткая пауза. Прислушалась — девочка перестала трястись и съежилась в комок. Белокожий слегка отступил назад и приложил кулак к груди.

— Меня зовут Лисгард, — представился он. — Я пришел с рейдовым отрядом. Но кто вы, прекрасная незнакомка, и как оказались в плену у людей?

Я хмыкнула, представив, какая сейчас из меня незнакомка, да еще и прекрасная. Грязная, босая, со свалявшимися волосами.

— Это хороший вопрос, — наконец проговорила я хриплым от ализарина голосом.

Синеглазый непонимающе дернул ушами, острые кончики сверкнули в темноте, как крошечные молнии. В ночном зрении выглядит особенно красиво.

Я похлопала ресницами, ожидая, что он снова заговорит, но белокожий молча шурился, словно пытался что-то во мне высмотреть.

В конце концов, я не выдержала и пояснила:

— Не помню имени.

— Чьего? — снова не понял он.

— Своего.

Лисгард сверкнул глазами и шарахнулся, как от прокаженной.

— Они с вами что-то сделали? — выпалил он изумленно. — Мы сотрем эту деревню в пыль! Найдем другую ферму для рейдов. Никто не смеет издеваться над эльфами!

Особо теплых чувств к фермерам я не испытывала. Тем более после того, как закидали меня тухлятиной и грозили жуткой расправой с отрезанием ушей.

Я немного помолчала, искоса поглядывая на белокожего. Тот аж светился от возмущения. Простояв в тишине несколько секунд, поняла, что остывать он не намерен.

Я осторожно проговорила:

— Нет, они ничего не сделали.

— Точно?

— Да, — подтвердила я. — Только пригрозили.

Белокожий выдохнул и проговорил:

— Значит, я вовремя успел.

— Если бы чуть позже, — сказала я, прочищая горло, — мои уши болтались бы на шее Старейшины.

Лицо Лисгарда снова вспыхнуло, серебристое лезвие меча опасно качнулось, блеснув в темноте подвала, словно само светится. Показалось, даже зазвенело.

— Они угрожали вам? — выдавил белокожий сквозь зубы. — Угрожать одному эльфу — все равно что угрожать всему эльфийскому роду!

— Что это значит? — осторожно поинтересовалась я.

Он ответил горячо:

— Нужно разобраться!

Я даже отстранилась, от белокожего повеяло праведным гневом. Глаза расширились, скулы заострились, словно у мертвеца, он скрипнул зубами. Вскинув мечи, Лисгард развернулся на месте и направился к выходу.

Весь его вид говорит о том, что сейчас устроит настоящую резню. Деревня залется лужами крови, трупы детей и женщин в неестественных позах, отрубленные части тела, беспорядочно разбросанные по земле...



— Нет! — выпалила я в ужасе и зажала рот, понимая, как странно это прозвучало.

Белокожий замер и вопросительно посмотрел через плечо.

— Миледи? — сказал он и непонимающе прищурился.

Пока уши горячили от стыда, я мысленно себя ругала — он же освободил из плена, предлагает справедливую месть, а я вроде как недовольна.

Я едва заметно повернула голову и шевельнула левым ухом, чувствительный слух уловил слабое дыхание девочки, даже с такого расстояния слышу, как колотится ее сердце.

Напряжение в воздухе стало почти осязаемым. Чтобы как-то его ослабить, я выбралась из камеры, обойдя истукана, и подошла к белокожему.

Воин молчит и неотрывно следит за каждым движением. Взгляд строгий, непонимающий, но без враждебности.

В голове зашумело, к горлу подступил комок, будто жабу проглотила. Я быстро оглядела себя и сокрушенно опустила голову — выгляжу жалко перед высокородным эльфом. Немытая, полуголая, с длинной паклей на голове и ободранными плечами. Хотя белокожий деликатен и учтив, словно специально не замечает моего непотребного вида.

Я сделала глубокий вдох и выдала все как на духу. Рассказала, как очнулась под палящим солнцем, как лечила кожу чудодейственной травой. Про то, как попала в плен к людям, полагая, что смогу найти помощь.

Лисгард внимательно слушал, пока в красках рассказывала о незатейливых приключениях. Когда закончила, он задумался на несколько секунд.

Я ждала его ответа, как приговора. Белокожий смотрел куда-то вниз. Глаза такие, словно не в подвале людской деревни стоит, а где-то в заоблачных далях созерцает великое.

Наконец, он поднял голову, затем сделал шаг ко мне и внимательно взгляделся в лицо. Взгляд на мгновение остановился на ушах, потом он отступил к лестнице и сдвинул брови.

— Думал, показалось, — смутился он. — Ваша кожа...

— Серая, — закончила я.

Снова повисло звенящее молчание, такое густое, что голова тяжелеет. Синеглазый нахмурился и задумчиво потер пальцами подбородок. Послышалось тихое сухое шуршание, похожее на шелест листьев. Затем он выпрямился, подняв голову, в глазах блеснула решительность.

— Миледи, я уверен, мы сможем все выяснить, — поговорил он. — Следуйте за мной, обещаю вам личную защиту и безопасность.

Белоухий протянул ладонь и выжидательно замер, тараща глаза в темноте.

Я насторожилась, уши дернулись и выпрямились столбиками.

— Куда это? — спросила я вкрадчиво.

— Туда, где вас никто не посадит в клетку, — сказал Лисгард.

Он чуть наклонил голову и указал на ладонь, которую все еще держит вытянутой.

Я поспешно схватилась. С придворным этикетом плохо знакома, во всяком случае — не помню. Пальцы Лисгарда оказались прохладными и мягкими, как шелк. Едва сдержалась, чтобы не спросить, почему от



постоянных тренировок у него на руках нет грубых мозолей. Но тут же решила, они только на людских лапах появляются. У тех и лица похожи на печеные яблоки, и руки — вообще деревянные лопаты.

От высокородного веет уверенностью и силой. Видно — привык отдавать приказы и получать все по первому требованию. У такого и отряд должен быть, и целый сарафан слуг.

Белокожий осторожно, но крепко сжал ладонь и быстро повел к выходу.

С улицы тянет горячим воздухом, человеческая вонь перемешалась с чем-то терпким. Покосившись на синеглазого, я потянула воздух. Ноздри защекотало уже знакомым древесным запахом вперемешку с чем-то сладким. Наконец дошло — это общий запах высокородных.

Звуки борьбы почти стихли, слышны лишь резкие приказы и топот копыт.

Лисгард спросил на ходу:

— Здесь больше никого нет?

Я украдкой глянула на кучу мешков. Запах девочки перемешался с сыростью и вонью старой картошки. Даже я с трудом отличила его в замысловатом коктейле. На судьбу человеческого ребенка в целом плевать. Не мое дело — куда ей идти и где прятаться.

Белокожий оглянулся и вопросительно посмотрел в глаза.

Девочка вырастет, будет ненавидеть эльфов, как ее родители. Станет рассказывать своим детям, как войска лесных демонов опустошали деревни, уводили в плен людей. Поселит в маленьких сердцах ненависть и ужас перед эльфийским народом. Или же запомнит, что, однажды плененная, эльфийка ее не выдала.

Я подняла голову и честно взглянула на Лисгарда.
— Нет. Здесь больше никого нет, — сказала я.

Белокожий удовлетворенно выдохнул и потащил меня наверх.

— Голем! Отправляйся к остальным! — крикнул он.

Мы выбежали наружу, дневной свет опять ослепил, из глаз потекли слезы, пришлось их быстро вытирать, чтобы никто не заметил.

Я прищурилась и быстро-быстро заморгала. Через секунду зрение вернулось, и я увидела странную картину.

На площади толпится группка юнцов, рубахи распхнуты, на лицах ужас. Руки закованы в кандалы, цепи соединяют пленников между собой и придавливают к земле. Похожи на праздничные гирлянды, только из-за женских воплей праздником тут не пахнет. Эльфы вытаскивают пареньков из домов и бесцеремонно тащат по лестницам. Те бессильно дрыгают ногами и вопят, как бабы.

— Что происходит? — спросила я осторожно.

Белоснежные волосы воина картинно развеваются на ветру, острый подбородок торчит вперед. Даже засмотрелась — красивый до неприличия.

Он сказал с достоинством:

— Дежурный рейд по человеческим деревням.

Я замедлила шаг. Белокожему тоже пришлось притормозить — все еще держит мою ладонь. Он серьезно посмотрел в глаза и нахмурился.

Мне остается только надуть губы и хлопать ресницами, всем видом показывая — я вообще не знаю, что тут у вас и как.

— Традиция, — пояснил он, смягчаясь. — Периодически мы совершаем вылазки на поселения и забираем подросший молодежь.



— Но зачем? — изумилась я.

Высокородный терпеливо продолжил:

— В Черных рудниках гномы добывают адамантин. Это звездный металл, из которого мы делаем оружие и доспехи. По древнему договору они обязуются снабжать эльфов звездным металлом в обмен на людей. Черные рудники — суровое место, а гномы не гнушаются дешевой рабочей силой.

Я сделала вид, что поняла, кивнула для убедительности.

Гномы, рудники, звездный металл. Голова пошла кругом, пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы как-то утрамбовать новое.

Лисгард сложил пальцы и свистнул. Откуда-то донеслось дикое ржание, земля затряслась от гулкого топота. Через секунду из-за сарая выбежал белый конь с блестящим рогом на лбу. Гарцуя, он подскочил и остановился прямо перед нами. Сияющая грива свисает почти до земли, глаза — как рубины, из ноздрей пар.

— Что это? — проговорила я зачарованно.

Эльф подошел к зверю и тихонько хлопнул по белому боку.

— Арум. Боевой товарищ.

Он провел рукой по короткой шерсти, зверь выгнул шею и преданно посмотрел на эльфа.

— Миледи, позвольте, помогу сесть верхом, — предложил Лисгард.

Я с сомнением посмотрела на сцепленные замком пальцы под брюхом Арума. Тот искоса поглядывает на меня красным глазом.

Подняв подбородок, я сделала вид, что совсем не страшно, вот нисколько. Это всего лишь рогатая лошадь, а лошадей бояться — пешком ходить.

Уперевшись босой ногой в ладони Лисгарда, я взлетела на зверя. Хотя вполне могу обойтись без помощи.

Короткая юбка задралась, неприлично обнажая бедра. Попыталась оттянуть края вниз — не вышло, только ткань перекосилась. Несколько секунд я возилась с краями, но юбка только перекашивалась и совсем не соглашалась прикрывать ноги. В конце концов махнула рукой. Пускай смотрит, ноги у меня красивые.

За спиной послышалось легкое шуршание. Обернулась — белокожий уже сидит за спиной. Он деликатно отодвинул меня, делая вид, что не заметил голых ног. Пряда гривы оказалась у него в ладони.

Белокожий что-то процокал языком, Арум заржал и резко развернулся. Через несколько мгновений отряд белокожих остался позади.

Глава 4

Мы неслись сквозь лес, виртуозно огибая тоненькие деревья. Я даже не пыталась понять, как Арум успевает уворачиваться. Если налетит — переломит, как соломинку.

Через некоторое время выскочили на хорошо утоптанную тропу. Когда лес стал плотнее, белокожий потянул за гриву, единорог мотнул головой и пошел шагом. Изредка косится красным глазом на хозяина — зверь не понимает, почему на него двойной вес водрузили.

Я надежно устроилась в объятиях белокожего и прикрыла глаза. В голове предательски пусто. Как ни силюсь, память молчит, словно эльф на допросе.



Ощущение глубокой потери засвербело в районе солнечного сплетения. Захотелось вспомнить хотя бы рожу того, кто бросил меня в пустыне.

Я напряглась, локти задрожали, Лисгард заметил, но промолчал, только поерзал немного. В голове все такая же девственная чистота, как и в момент пробуждения. Досадно выдохнув, я покачала головой.

За спиной слышно легкое дыхание. Глянула через плечо — синие глаза смотрят прямо, подбородок вздернут, волосы легонько колышутся. На лице непробиваемая одухотворенность.

Лисгард свесился с единорога, пальцы на ходу сорвали ветку с ягодами, он протянул мне. Я молча покачала головой — помню их гадкий привкус.

Белокожий поднес ладонь ко рту.

— Вас, вероятно, интересует, куда мы едем, — предположил белокожий.

Теплые бока Арума ритмично трутся о ноги. Я тяжело вдохнула — пора приходить в себя. Лесной воздух пропитан запахом листвы и перегноя, такой густой, даже привкус чувствую. Самое время успокоиться и наладить контакт.

Интересует... подумала я. Меня много что интересует. Например, как вернуть память. И какая тварь хотела убить. Дайте только добраться до этого мерзавца — собственными руками задушу. Нет, отрублю голову, чтоб наверняка.

Белокожий одним движением отправил ягоды в рот и проглотил, кажется, не жуя. На лице появилась удовлетворенная улыбка, он довольно причмокнул.

Справа зажужжало. Пришлось податься вперед, чтобы уклониться от жука. Сверкающий панцирь с тяжелым жужжанием пронесся над ухом и скрылся в деревьях.

— Очень интересуется, — бросила я через плечо.

Высокородный зачем-то прочистил горло, послышалось шуршание доспехов. Он выпрямился, дыхание участилось, наверное, одухотворенность распирает.

Лисгард поерзал за спиной, несколько мгновений молчал, затем прищипорил единорога. Меня подкинуло несколько раз, прежде чем смогла приноровиться к быстрой рыси. Зверь недовольно покосился на меня рубиновым оком, показалось, даже губами пошлепал. Я извиняюще улыбнулась в ответ и пожала плечами.

— Миледи, мы направляемся в Эолум, — проговорил высокородный величественно.

Я обернулась и вопросительно глянула на него.

— Это что-то известное? — спросила я.

Глаза Лисгарда округлились.

— Вообще-то да, — ответил он.

— Не надо на меня так смотреть, — пробурчала я. — Я память потеряла. Может, раньше помнила про твой Эолум. А теперь не помню.

Лисгард подождал еще пару мгновений, затем горестно вздохнул.

— Миледи, Эолум — древний город солнечных эльфов в глубине Светлолесья, — проговорил он с расстановкой. — Попасть в него можно, лишь пройдя через Незримые врата.

— Ага, ясно, — кивнула я.

Эльф бросил подозрительный взгляд, но сделал вид, что не заметил издевки.

Копыта единорога размеренно стучат по утоптанной тропе, зеленые ветки нависли над самой головой. Поначалу порывалась наклоняться, чтобы не задеть, но те сами поднимаются и пропускают вперед.

Я покосилась на ветки и потеряла кончик уха.



— Ощущение, что деревья нас пропускают.

Лисгард хмыкнул, перебирая пальцами локон единорога.

— Солнечные эльфы и Светлолесье — единый организм, — важно заметил высокородный. — Наши судьбы связаны с тех пор, как выросло первое дерево. Мы чувствуем лес, а он нас. Люди сюда не ходят. Знают — мы наблюдаем. Стоит чужаку оказаться на нашей территории — это станет известно каждому эльфу Эолума.

Я зябко повела плечами и спросила настороженно:

— Значит, в Эолуме уже знают о нашем приближении?

Лисгард покачал головой.

— Только о вашем, и то очень смутно. Из-за Арума. Единороги подавляют магические потоки. Друг за другом следить не можем. Это похоже на... — эльф помедлил, подбирая слова, — на боль. Не чувствуешь, пока в ногу стрела не воткнется.

Я облегченно выдохнула и расслабила плечи. От постоянного напряжения шея и спина затекли. Но дышать стало легче, особенно после того, как покинула людскую деревню.

Сдвинув лопатки, я попыталась размяться, сзади послышалось предупредительное покашливание. Пришлось снова неподвижно застыть, шевеля лишь бедрами в такт движения единорога.

Деревья пошли гуще, кроны переплелись где-то вверху, свет еле пробивается сквозь зеленую крышу. Тропа исчезла. Арум шагает по пояс в траве, хватая зубами сочные стебли, и косится назад красным глазом.

В зарослях послышалось дивное пение. Я даже приподнялась на спине единорога, прислушиваясь к голосу. Будто не птица, а серебряные струны играют.

Снова послышалось покашливание Лисгарда, в этот раз хрипловатое и смущенное. Я опустила взгляд и поняла: в таком положении ноги оголяются настолько, что юбка превращается в пояс. Пришлось сесть.

По телу растеклось дремотное блаженство. Я обмякла и прислонилась спиной к прохладным доспехам эльфа.

— Чудесное пение, — проговорила я, прикрыв глаза. — Как хорошо и спокойно.

Лисгард чуть наклонился, осторожно заглянул в лицо.

— Хм. Пение? Хм. Это Арфолин, птица Эолума, — сказал он и сдвинул брови.

— Волшебная музыка, — проговорила я блаженно. — Как природа создает такое? Даже имя у птицы зачарованное.

Я представила, как она качается на тонкой ветке. Перья разноцветные, пушистый хохолок колышется, пышный хвост свисает до самой земли.

Белокожий снова посмотрел на меня.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он настороженно.

В голове растекся сладкий туман, на глаза опустилась мутная поволока. Арфолин будто нарочно запел громче, остальные птицы благоговейно замолкли. Почти вижу, как втянули пернатые головы и таращатся на чудо-птицу.

В животе потеплело, захотелось остановиться, прилечь в такую уютную и мягкую траву.

— Никогда ничего приятнее не испытывала, — протянула я. — Только спать хочется очень.

Глаза Лисгарда превратились в две круглые плоскости, лицо вытянулось. Он дернул гриву и остановил



Арума. Единорог недовольно фыркнул, копыта глухо стукнулись, вспугнув в зарослях двух перепелок. Зверь сделал еще пару шагов и замер посреди травы, недобро покачивая рогом.

Белокожий бесцеремонно развернул меня к себе и вперился взглядом. Глаза полыхают, как два синих костра, лоб покрылся тонкими морщинами.

— Миледи, вас усыпляет мелодия? — проговорил он с нажимом.

Голова приятно потяжелела, перед глазами поплыли розовые единороги, окутанные золотистыми огоньками. Даже уловила сладковатый запах сирени.

— Не знаю, может, и не усыпляет, — промямлила я. — Приятно, нет слов. Я нарушила какой-то закон?

Высокородный побелел, хотя с его белоснежной кожей непонятно, куда сильнее, и впился пальцами мне в плечи.

— Закон? — процедил Лисгард. — Миледи, крепко же вас приложили.

Арум недовольно топчется, фыркает. На его месте я бы тоже фыркала, с таким хозяином калина покажется сладкой.

Я отмахнулась от него, как от назойливой мухи, и проговорила медленно:

— Чего ты взбеленился? Птичка поет, ветер дует, трава зеленая.

Горячее дыхание обдало лицо.

— Слушайте, миледи, — сказал белокожий, наклонившись так близко, что разглядела золотистые черточки в зрачках. — Для солнечных эльфов Арфолин безвреден. Но темных он усыпляет. У людей вызывает временное безумие, а остальные мучаются головной болью. Еще раз спрашиваю — вы хотите спать?

Он даже задрожал. Ноздри раздуваются, пальцы впились так, что сейчас плечи мне раздавит. Откуда-то из глубины медленно поползла горячая волна. Она, словно змея, двинулась замысловатыми зигзагами вверх по животу, когда достигла солнечного сплетения, меня дернуло. По коже пробежали мурашки.

Я раздраженно дернула плечами, цепкие пальцы разжались. Горячая волна расползлась по всему телу, и сонливость быстро отступила. Легкий ветерок спустился с верхушек деревьев прохладными струйками и прояснил мысли.

— Ну знаешь ли! От людей еще можно ожидать скудоумия. Но ты всех переплюнул! — прошипела я и толкнула белоухого локтем в закованную грудь. — Пусти, пешком пойду! Или не пойду. Если в Эолуме все такие ненормальные — мне нечего там делать.

Высокородный вытарашил глаза и громко сглотнул.

— М... миледи? Вы серьезно? — выдавил он.

Я попыталась отодвинуться дальше, ерзая на спине Арума. Единорог нервно захрапел и стал топтать высокую траву. Прилив гнева пришел неожиданно, в теле появилась бодрость, словно не было ализаринового плена и песен магической птицы.

Сказала зло:

— Куда уж серьезней. Это же не тебя с утра пытаются поджарить на солнце, ошпарить железом и разрезать на куски.

— Вы забываетесь, — грозно произнес высокородный.

От этих слов волна гнева стала еще горячей. Я хищно прищурилась и прошипела ему в лицо:

— Мессир Лисгард, или как там нужно обращаться, определись — ты помогаешь или нет. Если нет, оставь



тут и иди своей дорогой. Мне не нужны одолжения. За спасение спасибо. Но на этом все. Или я пленница?

Высокородный эльф поморгал синими, как глубокое море, глазами, пальцы снова сжались на плече, кожа отозвалась тупой болью. Я с вызовом уставилась на него и проговорила сквозь зубы:

— Если что, мне больно.

— Эльфы терпят боль, — озадаченно произнес высокородный.

— О, да, — язвительно ответила я. — Тебе напомнить, сколько с утра вытерпела?

Лисгард еще несколько секунд продавливал мне кожу, затем нехотя разжал пальцы.

— Вы точно больше не чувствуете сонливости, приятного расслабления и дурмана? — спросил он.

Я оттопырила уши и проговорила:

— Ты издеваешься? Не чувствую я ничего. То было временное помутнение. Доволен? Хотя нет. Если влеплю тебе оплеуху, то почувствую, знаешь, что? Удовольствие. Я почувствую удовольствие!

Белоухий с минуту нервно пыхтел, уши хлопают, пальцы тихо барабанят по бедру. Он развернул меня лицом вперед, я облегченно выдохнула и поерзала на спине единорога.

— Разумеется, вы не пленница, — проговорил он и придвинулся ближе.

Лисгард взял локон гривы, поклацал языком, Арум со вздохом облегчения двинулся в самую гущу зарослей. Из нас троих он единственный, кому наплевать на разборки между эльфами. Главное, чтобы трава была сочной и мухи не кусали.

Едем молча. Лисгард тяжело сопит, буквально слышу, как шевелятся мысли в белоухой голове.

Арфолин сыпет переливами на разные лады. Серебряные струны плавно перекатываются под невидимыми пальцами, звук волшебным туманом растекается по воздуху. Лес тихо шелестит, словно подпевает магической птице, ветерок в верхушках свистит, качая ветками.

Белокожий неуверенно кашлянул в самое ухо, я нервно дернула кончиком и вытянулась.

Он немного помедлил, что-то еле слышно пробубнил под нос. Затем сделал глубокий вдох и начал:

— Миледи, прошу простить меня за резкость. Дело в том, что... Гм. В Великом разломе живут темные эльфы. Мы не видели их уже пять тысяч лет. Но защиту снимать не стали. Песни Арфолина заставляют их впадать в глубокий сон. Вывести из него может только ледяное молоко. Когда вы... Вы сказали, что хотите спать... Вы понимаете, что я подумал?

Я поерзала на теплой спине Арума, гладкая шкура приятно потерлась о кожу.

— Конечно, — сказала я с напускным спокойствием. — Я темный эльф, которого послали уничтожить твой город, разнести в щепки ворота и не оставить камня на камне. Что там еще полагается темным делать?

— Всякое, — хмыкнул он.

— Посмотри на меня, — продолжала я. — У меня хоть оружие должно быть. Но где оно спрятано? На, обыщи.

Я демонстративно растопырила руки и выпрямилась, Лисгард шумно сглотнул. Покосилась назад, краем глаза увидела, как заалели кончики ушей.

Он чуть наклонился к уху и неуверенно проговорил:



— Миледи, позвольте...

Жирная сирфида налетела, как ураган, и попыталась приземлиться мне на лицо. Я замахала руками и отклонилась в сторону, муха только раззадорилась и принялась кружить перед носом. Потом зависла на пару секунд и опустилась на гриву единорогу.

Я сердито посмотрела на сирфиду, мысленно пообещав прихлопнуть, если не уберется. Муха будто поняла. Она неспешно развернулась, прозрачные крылышки затрепетали, как паутинка. Сирфида зажужжала и вальяжно улетела.

— Какая миледи? — бросила я через плечо. — Сейчас больше на лешего похожа, чем на эльфийку.

Для пушей убедительности включила волосы, пыль с них поднялась небольшим облачком и осела на белокожем. Он демонстративно прокашлялся и замолчал.

Я прислушалась — сопит и хлопает ушами. Хотела сказать что-нибудь извинительное, но решила, что поздно. Пришлось выпрямить спину и делать вид, что очень занята разглядыванием местной растительности.

Проехали около получаса. Спиной чувствую, как Лисгард усиленно пытается найти тему для разговора, аж мурашки по позвоночнику бегают. Но пока не получается, и молчание нарушает только лес.

Ветерок шумит в кронах, иногда срывает ослабевшие листья и гоняет по воздуху. Арфолин поет серенаду на разные лады, похоже, их тут целая стая, или, может, это один и тот же перелетает с ветки на ветку.

Сквозь шум леса уловила едва заметное плескание, механически сглотнула. Уши сами зашевелились, стараясь настроиться на правильную волну. Во рту давно пересохло, еще в деревне хотелось пить, а когда посадили в ализариновую клетку, вообще поплохело.

— Надо остановиться у реки, — сказала я осипшим голосом.

Белокожий странно посмотрел на меня.

— Откуда вам известно? — спросил он.

— Что известно?

— Про реку, миледи.

— Да слышно же! — изумилась я и всплеснула руками. — Прислушайся.

Высокородный вытянулся, корпус отклонился назад, уши встали торчком и зашевелились, как у зайца.

— Хм... Эта река слишком далеко, чтобы слышать, — проговорил он настороженно.

Я раздраженно заметила:

— Или кто-то страдает тугоухостью.

— Вы на меня намекаете?

— А здесь есть еще кто-то? — поинтересовалась я.

За спиной послышалось недовольное ворчание, высокородный проговорил:

— У меня хороший слух. Как у всех эльфов.

Я всплеснула руками и простонала:

— Вместо того чтобы утолять жажду, мы занимаемся пустым трёпом.

Лисгард окинул меня недоверчивым взглядом, но повернул Арума и направил сквозь высокие кусты.

Единорог, как таран, с хрустом попер через заросли, топча широкими копытами норы. Белоснежные зубы зверя с шелестом срывают листья, он довольно жует и кивает головой.

Белокожий молчит, не понятно, о чем думает.

Спустя еще полчаса вышли к невысокому обрыву. Река плавно журчит, поток изгибается в излучинах, собираясь пушистой пеной на валунах. По краям разрослась осока. Деревья опускают ветки к самой во-



де, тихо шлепая листьями. Частое кваканье доносится откуда-то из запруд.

Жабы умные — специально попрятались в зарослях, чтоб цапли не нашли. Зато мелкая мошкара роится над самой серединой реки. Тоже разумный выбор, там свободно от кувшинок и лягушки не достают.

Я привстала на единороге и сказала:

— Дай мне слезть.

Лисгард спешился, помог мне опуститься на землю, хотя все больше убеждаюсь, что это лишнее.

Я одернула юбку, немного потопталась в траве, мягкие стебли приятно защекотали стопы. Затем подошла к склону и сползла к воде. На песчаном берегу тонкая серебристая кромка, от нее пахнет елками и магией.

Шагнув вперед, я опустилась на колени. Из воды на меня глянуло правильное личико с желтыми глазами, темными чувственными губами и аккуратным носиком.

Опустила пальцы в воду, по поверхности пошла мелкая рябь. Секунду наслаждалась приятной прохладой, затем несколько раз зачерпнула.

Свежесть растеклась по внутренностям и буквально опьянила. Я закрыла глаза и простояла так, наверное, минуту. Рядом мерно журчит, деревья шелестят.

— Мать небесная, — прошептала я. — Как хорошо.

Сзади послышалось гроыхание, обернулась — Лисгард с красными, как спелая земляника, ушами пялится на мою спину и нелепо елозит ладонями по доспехам, делает вид, что отряхивает. Обрыв скрывает половину туловища, иначе неизвестно, на что еще пришлось бы смотреть высокородному.

Заметил, что я наблюдаю, и перестал шуршать, голос прозвучал хрипло:

— Я буду здесь... недалеко.

Он погладил Арума по блестящему боку и поспешно скрылся в зарослях.

Глава 5

Я выпрямилась, осторожно шагнула вперед, ногу шекотнуло мокрой прохладой. От плеска голова стала легкой, мысли потекли плавно и просто. Мимо прожужжала муха, из запруды донеслось хлюпанье и довольный квак.

Попыталась снова вспомнить хоть что-нибудь — может, бестолковый рой мыслей наконец выстроится в упорядоченные ряды. Подождала секунду — ничего.

Слева за выступом раздался всплеск. Я настороженно подняла уши и отступила на песок. Тихое хлюпанье незаметно вплетается в общий шелест леса, если бы не странная прерывистость — не обратила бы внимания.

Подкравшись к выступу, я выглянула из-за валуна. Река изгибается широкой излучиной, кое-где видны небольшие завихрения. Выглядят вполне безобидно, но это только на первый взгляд. Если попасть в такой бурунчик — утянет под воду, протащит по самому дну и выкинет где-нибудь внизу течения.

Чтобы выбраться на крохотный пляж, пришлось отодвинуть нависающие над водой ветки. Песок под ногами белесый и настолько мелкий, что похож на пыль.

Всплески повторились, я вгляделась в воду. Ближе к середине реки вода пузырится, периодически мелькает седая макушка.



Я отступила назад — не мое дело, тонет, значит, сам виноват. Зачем лезть в воду, если не умеешь плавать. Тем более в середине излучины просто так не оказываются.

Чего он даже руками не гребет? Только головой сверкает.

Злясь на себя за мягкосердечность, подбежала к воде, обхватила вокруг пояса свисающую с ветки лиану и кинулась в реку.

Течение моментально отнесло в сторону, седая макушка осталась позади. Я выругалась вслух, вода тут же залилась в рот. Отплевываясь от ряски, подтянулась на лиане и выбралась на берег.

Утопающий все еще пускает пузыри — живой, значит.

— Держись. Я сейчас, — прошептала я, сдувая с носа холодную каплю.

Отбежав по берегу против течения, я снова вошла в воду. На этот раз осторожно, стараясь удержаться на ногах. В конце концов, меня сбило, но успела поравняться с седой макушкой и схватить за волосы.

Дернула на себя, из воды показалось старческое лицо. Попыталась тянуть, но тело не сдвинулось с места, словно его за ноги кто-то держит.

Пришлось набрать побольше воздуха и нырнуть.

В водяной линзе картинка расплылась, фигуры превратились в мутные пятна. Я вцепилась в скользкие водоросли, чтобы снова не уплыть с течением. Среди песчаной взвеси разглядела опутанные веревкой ноги. Другой конец привязан к крупному куску сияющего металла. Руки стянуты за спиной, длинная борода плавает в толще воды, как лохматая рыба.

Борясь с течением, мне удалось подплыть к ногам старика. Долго возилась с узлом.

Пока ковырялась, молилась, чтоб дед не помер. Зря я, что ли, тут подводным плаванием занимаюсь?

Наконец удалось развязать веревку. Чтобы всплыть, пришлось грести за двоих; когда голова оказалась на поверхности, я потащила потерявшего сознание старика к берегу.

На одной руке подтягиваться трудно, тело тяжелое от воды, но чувствую, что живой.

Я кое-как вылезла, спотыкаясь о камни, вытянула утопленника на песок. Дед раскинул руки и лежит, словно отдал душу богам.

— А ну оживай! — прорычала я тихо. — Я жизнью рисковала, между прочим.

Опустившись на колено, я быстро перекинула старика через него. Секунду он не двигался, потом содрогнулся, изо рта с хриплым кашлем полилась вода. Я несколько секунд стучала его по спине, пока не перестал кашлять водорослями. Затем перевернула обратно и облокотила на замшелый валун.

Когда развязывала руки, старец открыл глаза. В мутных радужках желтые точки, лицо измождено и изъедено мелкими морщинами. Мокрая борода толстым кольцом свернулась на коленях. С балахона стекают ручьи, ткань облепила тщедушное тело, даже кости сквозь материю проступают. Только теперь дошло — он человек.

— Вот дрянь! — вырвалось у меня.

Резким движением я сорвала с пояса лиану, запрыгнула на камень и замерла, готовая к неожиданностям.



Старик застонал, повернулся на бок. Мелкий песок налип на одежду, делая его похожим на обсыпанного мукой перепела. Затем подтянулся и оперся головой на мшистый камень.

— Спасибо, — проговорил он треснувшим голосом.

Благодарностей от людей я еще не слышала. Поэтому лишь чуть подалась вперед. Старик агрессии не выражал, поэтому через пару мгновений я решилась соскользнуть с камня, но остановилась все же на почтительном расстоянии.

С обрыва налетел легкий ветерок и обсыпал земляной пылью. А я только собралась обрадоваться, что наконец смыла грязь. Стою, как истукан, покрытая тонким матовым слоем. На серой коже незаметно, но неприятно.

Старик провел ладонью по лицу, смахнул остатки воды и протер глаза двумя пальцами.

— Ты кто такой? — спросила я настороженно.

Дед закричал, выжимая бороду обеими руками. Из толстого жгута волос зажурчала мутная струйка, образуя в песке небольшое углубление.

Из воды вылезла жирная жаба, уселась на мокрый лист и уставилась на нас немигающими глазами.

— Чародей, — ответил он еле слышно.

Я ойкнула, чародей попытался улыбнуться, но изможденное лицо лишь слабо скривилось. Сердце застучало чаще, я нервно сглотнула и огляделась в поисках чего-то, что может сойти за оружие.

Рядом с земляной стеной обнаружила кучу веток. Не алмантиновый меч, конечно, но лучше, чем ничего.

Я быстро прикинула, как очутиться рядом с кучей, когда старик начнет пускать огонь из рук.

Он проследил за моим взглядом.

— Если бы мог сопротивляться, — успокоил он, — не оказался бы посреди реки с пудом на ногах.

Я подозрительно прищурилась. Боевой маг скорее погибнет, чем позволит бросить себя на корм рыбам.

Озарение блеснуло радужной вспышкой. В груди застучало еще чаще, пришлось сделать глубокий вдох, да так, чтобы старик не заметил.

Я откинула ветку, которая под напором ветерка лезет в лицо, и спросила:

— Чародей? Значит, высшей магией владеешь?

Старик потер нос мокрым рукавом и уронил голову на грудь.

— Владею... — угрюмо проговорил он.

Я осмелела и шагнула ближе.

— Как же вышло, что могучий чародей чуть не утонул?

Дед горько усмехнулся, старческое лицо скривилось, морщины прорисовались сильнее.

— Солнечные эльфы постарались, — сказал он с сожалением.

Я покосилась на заросли обрыва, где с единорогом ковыряется белокожий, и проговорила вкрадчиво:

— А меня, значит, не боишься?

— Я же не слепой, — сказал он, шмыгнув носом. — Ты другая.

— Другая, — согласилась я. — Не солнечная ни капли, но злая и потерянная.

Он окинул меня усталым взглядом, зрачки расширились настолько, что кажется — там по маленькой бездне. Старик что-то пробормотал, так тихо, что даже я со своим эльфийским слухом не разобрала.

Боясь, что он очухается и шарахнет магией, я постаралась придать лицу невозмутимый вид, словно



контролирую ситуацию. Затем потеряла пальцами подбородок и проговорила задумчиво:

— Вообще-то на берегу за кустами сидит один такой, солнечный. Меня ждет.

Чародей вжался в камень, старческое лицо в ужасе вытянулось. Он зажал песок в кулаке и поджал колени.

— Прошу, не говори ему обо мне, — заговорил он быстрым шепотом. — Солнечные эльфы не любят людей. А чародеев вообще ненавидят. Я попал к ним из-за беспечности и чуть не поплатился жизнью.

Взгляд старика стал умоляющим и жалким, я еще раз оглядела его и выдохнула. Он на ногах не стоит, худющий — в чем только душа держится, руки трясутся. Даже не все зубы на месте. Может, раньше он и был великим чародеем, но сейчас передо мной обычный старец с больными суставами и выпадающими волосами.

— Хорошо, не скажу, — согласилась я деловито. — Могу рассчитывать на небольшую плату за твое, можно сказать, двойное спасение?

Чародей покорно кивнул, я продолжила:

— Мне известно, чародеи способны творить чудеса.

Я послала ему испытующий взгляд, старик снова кивнул мокрой головой. На лице озадаченность, глазные яблоки покраснели от долгого пребывания под водой.

— Я потеряла память, — сказала я коротко. — Верни ее.

Старик нервно сглотнул, голова стукнулась о мох, будто проверила — действительно это его голова или, может, чья-то еще. Он скривился. Лицо приобрело здоровый цвет, борода как-то незаметно высохла и распушилась, балахон тоже просох и свободно повис на костлявом теле.

Чародей покачал головой:

— Не могу.

Я мысленно выругалась на себя — ну конечно, чего и следовало ожидать. Внутри все закипело, но проговорила все так же плавно, с расстановкой:

— Тогда, может, все-таки позвать солнечного эльфа? Уверена, вы найдете, о чем потолковать.

Чародей загреб ногами песок, попытался отодвинуться, в серых глазах мелькнула паника и обреченность.

— Нет, ты не поняла, желтоглазая, — поспешно проговорил он. — Я не отказываюсь. Просто ничего не вижу. Обычно у эльфов в середине солнечного сплетения цветной огонек. У солнечных — желтый, у темных — фиолетовый, у лесных — зеленоватый. А ты словно непроглядная пучина.

Надежда на то, что он взмахнет рукой, осыплет серебряной пылью и я вспомню все, рухнула, как песчаный замок. Я горько усмехнулась про себя — непроглядная пучина. То ли еще будет, серая эльфийка...

Длинный лист упал с дерева и опустился на плечо. Я смахнула небрежно и приготовилась уйти, пускай дальше сам разбирается со своими делами.

Чародей поднапрягся, жилистые ладони уперлись в камень, он поднялся на ноги и выпрямился. Облик изменился на глазах — волосы и борода распрямились, засветились приятной сединой.

Темно-коричневый балахон раздулся от ветра, края подрагивают, как крылья. Глаза прояснились, в серых радужках заблестели золотые вкрапления.

Морщинистое лицо разгладилось, он сказал победившим голосом:

— Погоди. Есть кое-что.



Я остановилась вполоборота и вопросительно посмотрела на старца. Тот отряхнул балахон и шагнул навстречу, песок хрустнул под сапогами.

Он нервно огляделся и наклонил голову.

— Хотел сохранить в тайне, — прошептал старец, — но... ты спасла меня. А я не люблю быть должником. Так вот слушай: через три дня на Забытую гору упадет Золотой Талисман. Это не просто безделушка, нет. В сердце вещицы кроется первородная магия, дарующая силу и могущество. Талисман сможет вернуть память. Но помни, не одной тебе он нужен. Безумный маг не дремлет.

Из-за кустов раздался обеспокоенный голос Лисгарда:

— Миледи, с вами все в порядке? Прошло много времени, нам пора ехать.

Чародей напряженно замер, вкопав ноги в песок по самые щиколотки, в глазах сверкнули золотые отблески. Наверное, одна часть его все еще разговаривает со мной, а другая уже зрит неведомые миры, где обитают лишь боги.

Новый порыв ветра зашевелил ветки, раздул бороду чародея. Вид у него теперь внушительный, даже мурашки по коже. Взгляд прямой, смотрит выжидательно.

Я прокричала через плечо:

— Все нормально. Мне еще пару минут нужно. Не подходи, я не одета.

Из зарослей послышалось смущенное бурчание и фырканье Арума.

— А как туда... — начала я, поворачиваясь к чародею.

Старец вскинул руки и что-то прошептал одними губами. Его охватило синеватое свечение, фигура медленно расплылась в воздухе.

Я крикнула:

— Подожди! Где это место? Где Забытая гора?

Пятно, которое секунду назад было чародеем, превратилось в бледное облачко и медленно поплыло вверх сквозь ветки деревьев.

— Сквозь Чумнолесье на восток, — донесся затихающий голос.

Затем облачко вспыхнуло и растворилось в воздухе.

Я оторопело замерла, прижав ладони к щекам. Чародей быстро восстановился и убрался от греха подальше, чтобы, не приведи боги, не столкнуться с моим солнечным другом.

Надо отдать должное — он оказался куда порядочнее людей, которых повстречала в деревне.

Взбужденные мысли забегали, как тараканы. Я хлопнула по лбу, чтоб как-то заставить их успокоиться. К моему удивлению, в голове сразу посветлело.

Я опустила взгляд — на листе все еще сидит жаба и смотрит, как дергаю ушами. Невольная свидетельница беседы с чародеем. Но это ничего, жаба никому не расскажет.

Забравшись по обрыву, я быстро осмотрела себя — как всегда полуголая и грязная. Попыталась отряхнуть плотную пыль, но больше размазала. Я досадно вздохнула, затем подошла к кустам и раздвинула ветки.

На поляне стоит Лисгард, любовно гладит единорога по довольной морде. Тот кивает и тыкается носом, мол, гладь еще, мне нравится.

Несколько секунд пришлось прятаться в кустах, чтобы успокоить дерганье в пальцах. Если высоко-



родный заметит напряжение, мне придется отвечать на поток глупых вопросов. Ему же не объяснить, что остаться в живых после встречи с чародеем, еще и получить шанс вернуть память — многого стоит.

Я шагнула из кустов и подошла к белокожему. Мокрая насквозь юбка и кусок ткани на груди противно прилипают к телу. Ветерок щекочет влажную кожу, аж мурашки бегают.

Лисгард обернулся, локон гривы выскользнул из ладони, он вытаращил глаза.

Я развела руки и пробормотала:

— Свалилась в воду.

Белокожий подозрительно хмыкнул, но смолчал.

Пока я пыталась расправить прилипшую юбку, он украдкой пялился, но всякий раз, когда поднимала взгляд, отворачивался и делал вид, что занят гривой Арума. Я кривилась и нервно дергала ушами.

Наконец, солнечный приглашающе провел ладонью по спине Арума. Он протянул руку. Я подошла, игнорируя предложение, в один прыжок взлетела на единорога. Лисгард снова хмыкнул, тут же оказался за спиной, мы снова двинулись сквозь заросли.

Мокрая юбка задралась и собралась холодными складками на бедрах. Противно, сил нет. Хочется содрать и просушить, если б не спутник — так бы и сделала. Снизу поддувает ветерок и разгоняет мурашки. Над ухом пыхтит белокожий, шумно глотает и периодически отсаживается подальше.

В голове утренней звездой сияет мысль — Забытая гора. Золотой талисман. Последняя ниточка, которая ведет к ответам. Что там чародей говорил? Безумный маг? Не важно, главное — добыть талисман, вернуть память и отправиться домой. Он у меня наверняка есть.

Лес превратился в густую чащу, стволы деревьев пошли толстые, покрытые то ли мхом, то ли каким-то зеленым налетом. Кроны сомкнулись, непроницаемый купол накрыл плотной тенью, ощущение, что сверху наблюдают огромные глаза и провожают молча.

Вокруг блаженная прохлада, даже нет — сырость. Арум цепляет брюхом кусты и недовольно фыркает, копыта беззвучно утопают в рыхлом дерне, оставляя широкие следы.

Я втянула воздух и закрыла глаза — в носу приятно защекотало от влаги. В голове замелькали картинки — вот в нескольких шагах затаилась лиса возле мышиной норы. Оттуда тянет зерном и сухой травой. Над Арфолином дремлет огромный ворон, мерно покачивается на ветке. Где-то справа, за овражком в малиннике, расселся медведь. Зверь сыт и доволен и вот-вот отвалится спать.

Впереди запахло магией. Лисгард легонько постучал по плечу, я вздрогнула и открыла глаза.

В середине опушки два огромных камня, трава закрывает монолиты почти до половины. В узком проходе между глыбами торчат плотные заросли падуба и толстоствольных берез. Ветки переплелись так плотно, что создали непроходимую стену. Гиганты густо опутаны плющом, кое-где поросли пятнами мха, делая камни похожими на сгорбившихся зеленых великанов. Суровое местечко, сразу видно — люди тут не бывали, а если бывали, то недолго.

Лисгард спрыгнул с единорога.

— Мы у Незримых врат, — сказал он важно.

Белокожий подошел к левому камню, по-хозяйски приложил руку к небольшому углублению. Нарочно и не заметишь. Затем произнес что-то. Слова показались



знакомыми, но какими-то исковерканными. Что-то про солнечный источник, проход и почтение.

Послышался равномерный гул, камни покрылись голубоватым свечением, в воздух поднялись тысячи светящихся капель. Лисгард подбежал к Аруму и в один прыжок очутился верхом.

— Вперед! — скомандовал он.

Единорог колыхнул гривой и гордой рысью вбежал в проход.

Мягкий свет, как молочный туман, окутал со всех сторон и на секунду закрыл видимость. Некоторое время двигались, как показалось, наугад, хотя единорог шагал уверенно.

Когда туман рассеялся, я ахнула:

— Ничего себе!

Лисгард трепыхнул ушами и зашуршал доспехами, расправляя плечи.

— Элум. Величественный город солнечных эльфов, — гордо проговорил он.

Перед нами раскинулась широкая, заросшая зеленой долина. Воздух наполнен головокружительными запахами растительности. Неведомые птицы радостно щебечут в тисовых зарослях, порхают с ветки на ветку небольшими стайками. В центре цирка в сияющей дымке возвышается город. Серебристые шпили, неестественно длинные, пытаются проткнуть небесную твердь. Многоярусные башни и переходы оплетены гигантским плющом и лианами. Слева от города ревет водопад, такой же огромный, как и все здесь. Сверкающие потоки срываются со скалы и с грохотом обрушиваются вниз, в воздухе остается бесконечная радуга.

Я честно призналась:

— Нет слов!

Лисгард удовлетворенно хмыкнул, вытаскивая из гривы Арума репей размером с орех.

— Вы совершенно правы, миледи, — довольно сказал он. — Этот город — центр мира, средоточие знаний и цитадель гармонии. Каждый эльф мечтает поселиться здесь. К сожалению, Эолум не в состоянии вместить всех желающих.

Я удивленно подняла бровь и обернулась:

— Значит, меня могут развернуть у ворот?

Высокородный отшатнулся и проговорил, швыряя репей в кусты:

— Вы же со мной!

Двинулись по хорошо утоптанной тропе мимо ароматных кустов жасмина. Солнечные лучи теряются где-то в плотной листве, приятная тень лежит на дороге до самой стены. Если так дальше будет продолжаться, я точно поверю в богов.

Одежда успела подсохнуть и расправиться, даже задранная юбка перестала раздражать. Прохладный ветерок ласково касается кожи, я вздрогнула и снова прижалась спиной к холодным доспехам солнечного. Он подался назад.

Единорог мерно стучит копытами, серебристая грива изредка колыхнется, то и дело цепляясь за кусты падуба. Из-под копыт вылетают цветные искры и, рассыпаясь, тают в пыли.

Я провела рукой по гладкой спине Арума, мысленно улыбнулась — красивое животное. Под лоснящейся шкурой перекатываются тугие валики мышц, длинная грива мерно покачивается в такт шагам, на лбу сверкает остроконечный рог. Не хотела бы я встретиться в бою с таким зверем. Боковой линией чую — его красота и одухотворенность обманчивы.



Через некоторое время дорога пошла вниз, Арум замедлил шаг и стал чаще оглядываться на хозяина. Лисгард хлопает по широкой шее и что-то мягко кладет на только им понятном языке.

Я отклонилась в сторону и спросила через плечо:

— Что не так?

Из-за спины донеслось недовольное сопение.

— Арум не любит городские ворота, — нехотя проговорил Лисгард.

Я не поняла:

— Почему?

— Скоро увидите, — ответил он и потянул гриву.

Глава 6

Единорог остановился, высокородный с кошачьей ловкостью прыгнул на землю. Сразу стало неуютно и одиноко на широкой спине скакуна. Я недовольно поежилась.

Белокожий прислонил ладонь к морде Арума, шепнул на ухо неразборчиво, единорог снова зашагал.

Не спешит что-то ничего объяснять. Хотя единорог, который боится ворот, уже настораживает. Да и город слишком уж пышный, вон как стены сияют. За красивым фасадом всегда есть легкая гнильца. А может, и не легкая.

Я прочистила горло и спросила, как бы между прочим:

— Что это был за язык?

Высокородный настороженно поднял уши, показалось, что плечи расправились сильнее, а шея вытянулась.

— Вы о чем? — сказал он, не оборачиваясь.

Хотела огрызнуться, чтоб не прикидывался, но вместо этого сделала невинные глазки и захлопала ресницами. Не важно, что не видит, все равно надо хлопать.

Ладонь легла на блестящую спину единорога, я сказала спокойно:

— Возле Незримых врат ты говорил о солнечном источнике. Это что?

Белокожий буквально подпрыгнул на ходу и опасно покрутил головой.

— Говорите тише! — проговорил он громким шепотом.

Я наклонилась к широкой шее Арума и шепнула в ответ:

— Почему?

Лисгард быстро посмотрел на меня. Взгляд удивленный, рот приоткрылся, уши настороженно торчат вверх.

Он снова глянул по сторонам и сказал неуверенно:

— Крайне неосмотрительно упоминать об источнике за пределами Эолума. — Он сделал небольшую паузу и поправил клинки на поясе. — Откуда вам известен высший язык?

Я покосилась на белокожего — может, снова проверяет? Но тот выглядит действительно озадаченным и встревоженным. Пришлось пожать плечами, уверенность — самое лучшее средство убеждения.

— Понятия не имею, — призналась я. — Услышала, как ты говорил с камнем на каком-то ломаном наречии, правда, поняла только общий смысл. По-моему, ты неправильно произносишь слова «открыть» и «свет».



Лисгард растерянно выдохнул, громко прокашлялся. Широкая ладонь скользнула по лбу и сдвинула металлический обруч. Он быстро поправил и опустил пальцы на рукоять. Думала, сейчас заорет проклятья и рассечет пополам прямо на единороге. Но высокородный лишь хмыкнул и многозначительно промолчал.

Впереди показалась белая стена из крупных блоков, каменное полотно сплошным потоком растянулось в обе стороны. Кое-где густой плющ поднялся в половину высоты, но дальше не лезет, будто что-то мешает. У невидимой границы растение расползлось параллельно земле и образовало длинную зеленую полосу.

Я с сомнением скользнула взглядом по стене и спросила:

— А где ворота?

Лисгард чуть обернулся и улыбнулся загадочно.

— А вот это самое интересное, миледи, — ответил он.

Арум нервно заржал, резко встал на дыбы. Меня с силой откинуло на круп, еле удержалась. Успела вцепиться в серебристый локон единорога и прижаться грудью к спине. Сердце колотится, уши вспыхнули — не хватает еще позорно свалиться в пыль перед белокожим.

Лисгард запоздало спохватился. Конечно, зачем следить за бешеным зверем, пускай швыряет меня, куда хочет. Он цапнул Арума за гриву и с силой потянул к себе, послышался быстрый шепот. Единорог присмирел, перестал дергаться, но пламя в красных глазах все еще полыхает.

Высокородный проговорил виновато, поглаживая питомца по блестящей шкуре:

— Извиняюсь за Арума, никак не приучу.

Я откинула упавшую на глаза прядь и подвинулась на середину спины — ха, меня не выбить из седла, даже если оно отсутствует.

— На его месте я бы тоже волновалась, — сказала я с напускным безразличием. — Где вход? Или ты перепрыгнуть решил? Так тут не единорог нужен, а катапульта.

Единорог будто понял, что я приняла его сторону. Перестал вертеть головой, прожигать взглядом стену, присмирел и затих.

Белокожий похлопал зверя по массивной шее и указал вперед.

— Ворота там, — сказал он. — Сейчас открою.

Медленно приблизились к сооружению. При ближайшем рассмотрении стало видно — камни уложены прямо друг на друга, без глины или цемента, но так плотно, что комар носа не подсунет.

— И где, интересно, ворота? — не унималась я.

Лисгард обернулся ко мне с одухотворенным лицом и отступил к стене.

— Узрите мощь солнечного источника! — прокричал он и громко хлопнул в ладоши.

Руки высокородного развелись, губы быстро забормотали слова на том же ломаном языке. Лицо сосредоточенное и грозное, не нравится мне это. Ох, как не нравится. Разобрала только обрывки фраз — двери мира... песнь солнца... огонь очищения...

Огонь?

Белокожий быстро повернулся и выкрикнул заклинание. Затем выбросил правую руку вперед. С пальцев сорвались желтые искры и с монетным звоном ударили в стену. Каменные плиты вспыхнули, как хворост, и утонули в ярком пламени. От камней пахло жаром



раскаленной печи. Огненные ворота быстро расширились, теперь можно проехать верхом.

Веселые языки огня пляшут, как полоумные шуты. Я в ужасе отшатнулась. Арум не дурак — кому хочется ломиться сквозь огонь каждый раз, когда выходишь на улицу?

Трава перед стеной моментально пожухла и почернела. Лисгард сделал смиренное лицо и вскинул руки.

— Да не пройдет тьма в священный город Эолум, — произнес он величественно, — да очистится всяк от скверны!

При воспоминаниях об ожогах меня всю передернуло.

— Ты серьезно собираешься лезть в эту печку? — прошептала я. — Только не огонь. Лучше сразу голову руби.

Я вцепилась в локон Арума. Тот ощутил мой страх, покосился красным глазом и часто закивал, мол, я согласен, давай не будем туда ходить.

Лисгард сделал приглашающий жест рукой и проговорил:

— Прошу, миледи, пройдите через врата.

Я выпалила, пятясь прямо на единороге:

— Ты в своем уме? Не полезу я в это пекло. Меня солнце чуть не зажарило, а ты снова в духовку гонишь. Не выйдет. Хочешь убить — придумай что-нибудь другое.

Пламя разгорелось еще сильнее, огонь в середине стал белым и загадочно потрескивает камнями. Я прикрыла лицо ладонью — да таким жаром можно плавить горы! Пускай предложат гномам, может, выручат чего, солнечные скряги.

Лицо белокожего приняло отрешенное выражение, в глазах полыхнуло синим. Слушает вполуха, навверное, грезит о сияющем источнике, или как там его.

Он смиренно сцепил пальцы перед собой и проговорил с расстановкой:

— Миледи, через ворота Эолума могут пройти лишь эльфы с чистой душой. Остальные сгорят в священном пламени. Уверен, вы справитесь, несмотря на... — он окинул меня оценивающим взглядом, — свою необычность. Тем не менее я не могу рисковать безопасностью города.

Внутри меня все закипело. В голове мелькнула мысль — может, пришпорить Арума и умчаться подальше от этого хаоса и безумия?

Покосилась на единорога. И поняла, что не выйдет. Он же боевой товарищ, хозяина не предаст из-за какого-то пламени. Потом, солнечные эльфы хорошо знают местность и быстро меня найдут.

Я простонала от беспомощности. Лисгард опустил руки и сосредоточенно смотрит, как перепуганно дергаю ушами. Взгляд холодный и бесстрастный, в глубине зрачков мелькают опасные искры.

Он снова сделал приглашающий жест и взялся за локон единорога.

— Миледи, прошу, — сказал он спокойно. — Это неизбежно.

Я метнула в него бешеный взгляд и прошипела:

— Ладно, Лисгард. Если я сгорю — моя кровь будет на твоих руках. Буду призраком являться тебе каждую ночь и мучить, пока не отправишься на тот свет. А когда наконец помрешь, буду терзать твоих детей и внуков.

Он безразлично хмыкнул, чопорно поднял подбородок и повел Арума к воротам. Копыта глухо просту-



чали по выжженной траве. Я презрительно заглянула в рубиновый глаз предателя, единорог лишь вздохнул, сдувая бока, как кожухи.

Арум на секунду замер у самого края. Кожу опалило жаром, из прохода полыхает, как из домны. Посмотрела на высокородного — тот шагает как ни в чем не бывало.

Я зажмурилась — не хочу смотреть, как кожа сморщится, покроется пузырями и полопается. А боль... Боль стерплю, чего уж мне.

Сверху донеслось хлопанье крыльев, я открыла глаза и подняла голову. Прямо надо мной нарезает круги огромный ворон и косится белесым глазом. Кажется, это он ляпнул на меня в пустыне переваренным обедом.

Белокожий его не заметил и пялится в огонь с фанатичной преданностью.

Ворон сделал еще один круг и замер строго надо мной. Не знала, что вороны так умеют. Затем круто спикировал и кувыркнулся через крыло.

Сверху ударил ледяной порыв, по спине пробежала волна серых мурашек и скрылась где-то в области юбки. Озноб пробрал до самых внутренностей, будто растворился в крови.

Хотела помахать ворону, но птица кинулась в сторону и молча скрылась в верхних ярусах леса.

На меня опустилось странное спокойствие и умиротворенность. Покосилась на Лисгарда. Тот выжидательно поглядывает на меня и нервно стучит носком по траве. По лицу вижу — ворона не заметил.

Единорог сделал несколько шагов к проходу. С удивлением обнаружила, что огонь больше не обжигает, языки пламени почти касаются ног, но чувствую лишь легкое щекотание. Чудны дела твои.

Я чуть пришпорила Арума и двинулась навстречу полыхающим вратам. Единорог, гарцуя, вошел в огонь. Уши нервно подергиваются, глаза дикие, но шагает уверенно. Точно, как я и думала, ходит он тут часто, а что боится — так больше выделяется. Огонь для него безвреден.

И для меня, похоже, тоже.

Покосившись на высокородного, я проговорила с ухмылкой:

— Так-то, высокородный солнечный лорд.

— Вы о чем?

— Не только вам с огнем дружбу водить, — пояснила я. — Хоть такая дружба и пахнет горелым мясом и старой сажей.

Вскинув голову, я выпрямила спину и гордо проследовала на другую сторону.

Копыта Арума зацокали по ровно уложенному камню, вход в город почему-то совсем пустой. Ожидала увидеть толпы стражников, на худой конец парочку горожан. Но передо мной лишь узкая улица и витиеватые балконы. Брусчатка блестит полированными боками, стены домов, белоснежные настолько, что так и тянет испачкать.

— Слишком светло, — пробормотала я. — Надо какие-нибудь стеклышки для глаз, чтоб затемняли.

Оглянувшись, Лисгард вышел сразу за мной и остановился у ворот. Руки солнечного замельтешили, как лопасти мельницы. Раздался уверенный голос. Если бы не пытался меня сжечь, засмотрелась бы.

Проход ярко вспыхнул, мерцающие искры рассыпались по брусчатке и потухли. Врата исчезли, оставив гладкую белую стену из зачарованного камня.



Я придирчиво осмотрела себя — кожа ровная, здоровая, разве что пыльная. Даже волосы не опалило.

Высокородный подошел ко мне, сияя от радости. Безумный огонь в глазах пропал, смотрит довольно, с уважением. Он похлопал единорога по серебристому боку, губы растянулись в сдержанной улыбке.

— Вот видите, миледи, — проговорил он бодро. — Я говорил: если дух чист, огонь не причинит вреда.

Я с сомнением посмотрела на Лисгарда, пытаюсь найти остатки фанатичного блеска. Белокожий смотрит открыто и бесхитростно, на чистом лице уверенность и одухотворенность.

Смахнула пальцами пыль с плеча и сказала язвительно:

— А если бы причинил? Если бы я вспыхнула, как пучок соломы?

Лисгард проговорил со скорбным лицом:

— Я бы очень расстроился. Но что поделать, солнечный источник неумолим.

Эльф прикоснулся пальцами к шее Арума, и мы направились вверх по улице. По мере продвижения стали попадаться эльфы. Одни не обращали внимания на меня, другие откровенно палились, останавливаясь посреди дороги.

Все, как один, белокожие, с торчащими ушами. Волосы туго затянуты в хвосты и косы. Одежда скромная и аккуратная — на женщинах платья в пол, на мужчинах длинные брюки и свободные рубахи. Я бросила на Лисгарда короткий взгляд. Он отличается от горожан — сияющие доспехи сверкают на солнце, волосы свободно скользят по плечам, наверное, никогда не завязывал. Смотрит уверенно и по-хозяйски.

Я повертела головой и спросила:

— Почему так мало народа? Где все?

Лисгард приветственно кивнул какому-то эльфу, тот почтительно поклонился и поспешил скрыться за дверями с изображением иголки и нитки. Белокожий устремил взгляд вперед и сказал многозначительно:

— Благородные эльфы редко занимаются праздными шатаниями.

Я отклонилась назад, откидывая запутанные волосы, и ухмыльнулась: все такие одухотворенные, куда уж расхаживать среди бела дня. Затем отвернулась в сторону, делая вид, что разглядываю присевшую в реверансе белокожую.

— Чем же они занимаются? — невинно спросила я.

— Кто?

— Твои благородные.

Лисгард деликатно не заметил иронии и поднял палец к уху.

— Вершат судьбы простого народа, — проговорил он значительно, — который не всегда может позаботиться о себе. Миледи, неужели думаете, что Эолум достиг процветания сам? Если бы мы не следили за иерархией, не поддерживали баланс между представителями разных сословий — город давно погряз бы в склоках и праздности.

Я промолчала. Издалека город выглядел действительно огромным. Для такого сложного механизма, как Эолум, жизненно необходима система, которая будет четко очерчивать границы дозволенного.

Представила высокую гору — у подножья толпа эльфов занимается повседневными делами. Чуть выше по склону — эльфы посolidнее. Их должно быть значительно меньше. Во-первых, склон не удержит всех желающих, а во-вторых, большое количество знати



плохо сказывается на благополучии народа. Еще выше толпится совсем маленькая группка, которая должна заниматься серьезными вопросами. Придумывать законы и следить за порядком. На самой верхушке непременно находится один, главный эльф. Он наблюдает и контролирует процессы.

Определенно в иерархии что-то есть.

Арум тряхнул гривой и зашагал быстрее, меня качнуло и вытолкнуло из размышлений. Улица стала шире, аккуратно уложенная брусчатка кое-где потемнела от времени. Белокожие при виде нас опасливо отпрыгивают в сторону.

— Они от меня шарахаются, — проговорила я задумчиво, — или ты такой трепет внушаешь?

Лисгард, не оборачиваясь, откинул белоснежную прядь с плеча и покачал головой.

— Если бы на мне не было вот этого, — он чуть повернул голову и указал на синий камень в обруче на лбу, — никто не подумал бы уступать дорогу.

Я промолчала — конечно, синий камешек. Все понятно, чего тут непонятного.

Белокожий подождал немного, надеясь, что сообщу, затем досадно вздохнул.

— Это синий гаюин, — пояснил он. — Очень редкий и дорогой камень. Гномы добывают его у жерла Черного рудника. За осколок размером с ноготь приходится отдавать по пятьдесят человек рабов. Люди не растут в одночасье, приходится забираться все дальше от Светлолесья, открывать новые деревни.

Я хмыкнула. В этом мире ценна только жизнь. Ты бы понимал это, если бы чаще выбирался из тепличных условий города. Рейды на деревни не считаются. Фермеры не в состоянии защититься.

Вместо этого сказала:

— В чем его ценность?

Лисгард подвел Арума к небольшим воротам. На массивных дверях изображена золотая звезда с множеством лучей. Он прикоснулся к центру звезды, створки разошлись в стороны, и мы вошли в тенистый дворик.

По бокам заросшие плющом арки, в середине плещется небольшой фонтан с замысловатыми бортами, над ним нависают тяжелые ветви с яркими оранжевыми плодами.

Лисгард остановил единорога, развернулся и протянул руку, стараясь не смотреть на мои обнаженные бедра. Я ухмыльнулась про себя, когда заметила, как старательно он отводит взгляд.

Я едва коснулась прохладных пальцев и спрыгнула с Арума. Может, местные эльфийки только и делают, что виснут у него на шее, но это не про меня.

Поправив волосы, я вопросительно уставилась на Лисгарда. Тот неуверенно закричал, отвернулся в сторону.

— Гаюин защищает от железа, — проговорил он сбивчиво. — Синий не дает ализариновому дурману туманить разум и деревенеть. Желтый — предупреждает о приближении. Есть еще особый — белый гаюин. В Эолуме лишь король может обладать им. Он позволяет противостоять багровой заразе. Даже если схватиться голыми руками за железный прут — ожогов не останется.

Чуть не присвистнула, но вовремя вспомнила, что я миледи. Пришлось поправить юбку, которая скорее повязка, и сказала вкрадчиво:

— А где можно достать белый гаюин?



Лисгард скользнул взглядом вниз, затем резко поднял голову, кончики ушей дернулись и вытянулись.

— Миледи, я же сказал, белый камень носит лишь король, — сообщил он. — У остальных просто не хватит сил.

Я не унималась:

— Но зачем королю такая защита? Не разумнее ли отдать камешек тому, у кого нет армии заступников?

— Даже если простой эльф завладеет белым гаюином, — нехотя пояснил белокожий, — от мощи камня ему будет плохо.

— Но король же справляется.

Лисгард поднял указательный палец вверх и произнес важно:

— Он король.

— Все равно не понимаю.

— Чего?

— Почему защитный камень достается тому, у кого власть, а не тому, кто нуждается?

Плечи белокожего передернулись, он строго посмотрел на меня и произнес:

— Вы многого не понимаете. В оправдание его величества скажу, что синий гаюин есть у всех высокородных.

Я фыркнула и сложила руки на груди. Тонкий слух уловил едва различимые шаги, через несколько секунд из арки вышла невысокая эльфийка с затянутыми в узел волосами. При виде нас белокожая вздрогнула и присела в глубоком поклоне.

— О, милорд Лисгард, вы так скоро вернулись, — проговорила она сбивчиво. — Мы сказали милорду Тенадруину не ждать раньше завтрашнего дня.

Белокожий поправил оба меча и зашептал что-то Аруму в ухо. Единорог преданно покосился на него красным глазом и опустил голову, блестящий рог опасно уставился вперед.

Служанка бросила на меня любопытный взгляд, острый нос беспокойно задергался, делая ее похожей на белку. Длинные уши нервно задергались и покраснели. Старается не смотреть прямо, чтобы не выказывать неуважения, но глаза быстро бегают из стороны в сторону.

Эльфийка сложила руки на переднике и опустила взгляд.

— Милорд, — спросила она почтительно, — вашей необычной спутнице потребуется комната и чистая одежда?

Лисгард нахмурился, рука уперлась в бок, он потер пальцами подбородок, как настоящий мыслитель. Подумала — он стыдится меня. Стало немного обидно, я ведь не виновата, что попала в передрагу.

Несколько секунд солнечный эльф шевелил бровями, мычал под нос неразборчиво, затем сказал куда-то в сторону:

— Да, Рэниаль, отведи миледи в комнату для гостей, рядом с северными анфиладами. Принеси наряд третьего ранга. И еще, — он развернулся и внимательно посмотрел на служанку, — сообщи Тенадруину, что я скоро представлю ему гостью. Не медли.

Лисгард шагнул ко мне, чуть склонился и проговорил так тихо, чтобы услышать могла только я:

— Миледи, прошу пока никому не говорить о потере памяти и обо всем, что с вами случилось. Особенно Рэниаль. Она хорошая служанка, но совершенно не умеет молчать.



Я кивнула и прижала уши, чувствуя — не все спокойно в величественном городе Эолуме.

Он провел рукой по блестящему боку Арума, единорог зафырчал и цокнул копытом о брусчатку. Во взгляде зверя преданность, вот он я, твой единственный друг, честный и самоотверженный, а остальные вообще не знаю, кто и что тут делают.

Лисгард бросил через плечо:

— И не забудь выдать Аруму порцию листьев шиповника. Проход через ворота снова его растревожил.

Служанка коротко кивнула и присела в почтительном поклоне.

Белокожий посмотрел мне прямо в глаза, лицо хмурое и озабоченное — наверное, сомневается, хорошо ли его поняла.

Я глянула в глаза и прошептала одними губами:

— Не беспокойся, я быстро учусь. Надеюсь.

Он с тяжелым вздохом протер пальцами лоб, медленно развернулся и скрылся в проеме арки.

Глава 7

Воздух приятный, прохладный. Вероятно, сказывается близость водопада. Хотя город слишком большой, чтобы освежаться таким способом. А вот толстые стены удерживают температуру.

Уперев руку в бок, я глянула исподлобья на служанку. Уши вытянулись, кончики зашевелились, улавливая малейшее дуновение. Рэниаль все еще стоит со сцепленными пальцами и открыто разглядывает меня, часто хлопая пушистыми ресницами.

Арум недовольно переступил копытами, в рубиновых глазах молчаливый укор: заставляете ждать меня,

такого белого и блестящего. Как вам не совестно, я есть хочу.

Я погладила единорога по теплой морде и обратилась к Рэниаль:

— Ну что. Давай, води меня в покои.

Служанка буквально подпрыгнула на месте, очнулась и всплеснула руками.

— Извините, миледи, — затараторила она, — я просто никогда не видела... Вы такая... оригинальная. Извините мою дерзость. О, я просто не могу сдержать потрясения. Вы серая! О, простите, миледи.

Я хихикнула про себя, белоухая прямо дрожит от собственной смелости. Слуг держат в ежовых рукавицах, вон, бедняжка, как заикается и трясется.

Махнув рукой, я сдула волосину с лица.

— Да не бойся, — проговорила я ободряюще. — Никто не узнает.

Плечи белокожей расслабились, она выдохнула, но взгляд остался встревоженным, мало ли что у меня на уме. В груди запоздало потеплело — меня причислили к господам, иначе не тряслась бы так. Теперь слугам нужно гадать, что творится в моей господской голове.

Рэниаль осторожно, боясь сделать лишнее движение, подошла к единорогу, погладила по блестящей морде. Тот довольно зафыркал, служанка осмелела и обхватила ладонями огромную голову.

— Сейчас тебя покормят, бедолага, — сказала она ласково. — Устал, наверное, понервничал? Хозяин снова таскал тебя через эти жуткие ворота?

Единорог потряс густой гривой, закивал, мол, да-да, обижает меня как хочет, а я, несчастный, терплю, служу верой и правдой.

Служанка обернулась и позвала:



— Ллей, Маллей! Сюда!

Из-за арки высунулись две маленькие рыжие головы, лица заспанные, из волос торчат куски соломы. При виде Арума щеки втянулись, глаза округлились. Близнецы с наигранной бодростью выскочили из-за стены, рубахи помятые, кое-где даже дыры, подбежали к единорогу и повели в дальний конец дворика.

Арум гордо вскинул голову и взмахнул роскошным хвостом. Затем со звонким цокотом направился за эльфятами, пока не скрылся в черноте прохода.

Рэниаль обернулась ко мне, снова присела в реверансе, заплетенная макушка сверкнула перед носом.

— Миледи, идемте, — почтительно проговорила она.

Мы вошли в темную арку и двинулись по прохладному коридору. От стен веет мощью и древностью, волосы на затылке невольно зашевелились — каждый камешек пропитан старой магией. Такую вряд ли помнят простые эльфы. По стенам расползся толстый плющ, цепляется за гладкий камень, стебли лезут куда-то, создают причудливые узоры.

Служанка осторожно шагает впереди, деликатно указывает путь в запутанных коридорах. Я таращусь на зелень посреди замка, осторожно огибая лозы, которые слишком далеко протянулись от стен. Некоторые ветки настолько тонкие, что напоминают волоски в гриве единорога. Зато листья на них почти с ладонь.

Рэниаль стучит кожаными... Потянула носом — да, кожаными каблуками. А я вот совершенно бесшумна — шагаю босыми ногами по гладким камням, ступни приятно обдает многолетней прохладой. Я улыбнулась себе, на секунду представив, что нахожусь не в эльфийском замке, а в тенистом лесу у водопада, где со всех сторон прохлады и свежесть.

Когда Рэниаль остановилась возле крохотной дверцы, я выпала из раздумий. Она наклонилась и постучала. Дверца открылась, оттуда высунулось чистое, как весенний ручей, лицо маленькой эльфийки с ясными голубыми глазами.

Служанка приказала быстрым шепотом:

— Немедленно проверить покои у северных анфилад. Для миледи. И одежду под стать милорду.

Маленькая эльфийка молча кивнула и скрылась в дверном проеме. Рэниаль с довольным лицом поправила подол юбки и робко улыбнулась.

— Миледи, мы не ждали, что милорд Лисгард придет не один, — сказала она, извиняясь. — Эти покои обычно готовы, но не стоит надеяться лишь на добросовестность горничных. Необходим контроль.

Я пожала плечами:

— Верю. Ты, главное, успокойся, не нервничай. А то от переживаний волосы выпадут и кожа посереет, как у меня.

Лицо служанки исказилось от смущения и страха, на щеках проступили красные пятна. Я запоздало поняла, что мало кто из господ разговаривает в таком тоне. Судя по манерам Лисгарда — белокожие те еще вельможи.

Она опустила взгляд и сочувственно пробормотала под нос:

— Миледи, если это правда, если с вами такое случилось — я очень сожалею. Мы найдем лучших врачей, лучших магов, вернем вам сияние.

Я не удержалась, прыснула от смеха, таинственное эхо раскатилось под сводами и разлетелось далеко по коридорам. От хохота меня согнуло пополам и трясло



чуть ли не до слез, пока изумленная служанка наблюдала в немом оцепенении.

Когда приступ хохота прошел, я наконец выпрямилась, вытирая глаза, и проговорила сквозь смешки:

— Ты, главное, не бойся. Это не заразно.

Я попробовала чуть наклониться вперед, пытаясь взглядами намекнуть, что вот тут надо было смеяться, ну или хотя бы улыбнуться. Служанка тупо захлопала ресницами, глаза круглые, непонимающие.

— Забудь, — сказала я, махнув рукой.

Мы снова двинулись по коридорам, пока не пришли к массивной деревянной двери с изображением пылающей птицы. Рэниаль толкнула створку, дверь открылась, и мы вошли.

Мягкая роскошь на секунду остановила меня прямо на входе. Над широкой кроватью с россыпями изумрудов колышутся сиреневые балдахины, стены обиты розовой тканью. Удивительно, как смогли соединить уют и благородство. Пол отполирован до такой степени, что можно кататься. В середине комнаты над полом висит прозрачный кристалл, размером с табуретку, и сияет равномерным матовым светом. На окнах шевелятся многослойные шторы.

Я растерянно оглянулась на служанку и проговорила впечатленно:

— Говоришь, это гостевая?

Рэниаль непонимающе сдвинула брови и проговорила с виноватым видом:

— Да, миледи. Извините, миледи, мы бы поселили вас в южном крыле. Там солнца больше и апартаменты шире. Но милорд сам приказал отвести вас сюда.

У меня даже рот раскрылся, едва не произнесла все, что пронеслось в голове. Шире? Зачем шире? Тут

и так можно на единороге скакать, потолок в золотых лентах, а кровать-то...

Я замахала руками и сказала потрясенно:

— Рэниаль, все в порядке. Мне нравятся мои, гм, апартаменты. Вот и шторы колышутся, и камешек над полом висит. Что это, кстати?

Служанка с недоверием посмотрела на меня, уши виновато прижались, бедняжку сейчас разорвет от противоречивых эмоций.

— Это адуляр, камень для световой подпитки, — проговорила она осторожно.

Я сделала умное лицо. Понимаю, кожа у меня и не сияет, и до высокородности, как до Забытой горы на козе, но чую — я умная. Во всяком случае, была.

— Да-да, точно. Адуляр, — кивнула я и улыбнулась, вроде как шучу.

Служанка странно посмотрела. Я мысленно обругала себя за неосторожность. Белокожая быстро разнесет по всему Эолуму, что хозяин привел в дом чокнутую серую эльфийку, которая не знает, как обращаться с, подумать только, адуляром.

Я потянулась всем телом, почувствовала, как удлинился позвоночник, талия утончилась — можно ладонями обхватить, мышцы сзади приятно растянулись. Бросила быстрый взгляд на Рэниаль — та смотрит, не шевелясь, глупо хлопает ресницами. Наверное, высокородным не положено потягиваться в присутствии слуг.

Пришлось резко хрустнуть корпусом и вернуться в прежнее положение.

— Где можно искупаться? — спросила я невозмутимо. — А то похожа на облезлую кошку после драки.

Служанка всплеснула руками, каблучки простучали по полу и остановились у незаметной двери.



— Вот здесь, — шепнула она и указала на ручку. — Тут серая госпожа найдет все, что нужно.

Обращение «серая госпожа» мне понравилось, я приосанилась, даже подбородок вскинула. Служанка это заметила и почему-то присела в поклоне. Секунду я смотрела на нее, не зная, как реагировать. Затем пожала плечами, оставив ее наедине с придворным этикетом.

Я прошлась по комнате, провела рукой по прозрачному балдахину, кожа отозвалась приятным щекотанием. От ткани струится тончайший цитрусовый запах, будто кто-то специально ходил и отмерял — сколько капель нужно на каждый отрезок, чтобы создать правильный баланс.

Рэниаль осторожно покашляла за спиной.

— Миледи, вам еще что-нибудь нужно? — спросила она робко.

Я покосилась на нее через плечо, в который раз изумляясь покладистости. Где-то глубоко внутри даже появилась жалость к эльфийке, которой приходится плевать на собственные желания и бросаться выполнять любой приказ хозяина.

— Нет, — ответила я и взмахнула рукой. — Ты свободна, как ветер в поле.

Служанка присела в глубоком поклоне и попятилась к выходу. У самой двери, спохватившись, подняла голову — в глазах неуверенность и сомнение.

— Миледи?

— Да.

Она вцепилась пальцами в передник юбки и проговорила тихо:

— Миледи, позвольте узнать, как к вам обращаться?

— Гм, — промычала я.

Я глянула в окно, за прозрачными шторами колышутся ветки с фруктами, наверное, вкусные. Солнечные эльфы не стали бы выращивать в Эолуме всякую гадость. Хотя Лисгард с удовольствием жевал мерзкие ягоды.

Несколько секунд пыталась вспомнить, не говорил ли высокородный что-нибудь об именах и прозвищах. Потом поняла, этот вопрос мы вообще выпустили из виду и теперь придется выпутываться самой, да так, чтобы не попасться на неточностях.

Я предложила:

— Называй меня «миледи».

Служанка охнула, прикрыла рот ладонью. Я скривилась, представляя, что она вообразила. Господин привез таинственную незнакомку необычной внешности, поселил в отдельные покои подальше от всех.

Рэниаль сцепила ладони за спиной и чуть подалась вперед.

— О! Серая госпожа предпочитает оставаться неузнанной, — проговорила она быстрым шепотом. — Я сохраню вашу тайну! От меня никто ничего не узнает.

Она снова присела, заплетенная макушка уставилась в потолок. Белые уши прижались в знак почтения. Затем служанка поспешно развернулась и выскользнула за дверь. Замок тихо щелкнул.

Я ухмыльнулась — да уж конечно, не узнает. Наверняка уже бежишь в кухни, чтобы рассказать подругам, что хозяин приютил серую. А те расскажут своим знакомым, и так по цепочке. В итоге окажется, что у Лисгарда есть тайный ребенок, которого прячут в дремучих лесах.

На меня накатило расслабление и блаженство эльфа, который наконец-то остался один. Снова потянув-



шись, я поглядела по сторонам, убеждаясь, что никто не дышит в затылок и не пытается прижечь каленым железом. Потом покосилась на столы и колонны, за которыми вполне может спрятаться лазутчик. Но в комнате пусто, как в моей голове.

У дальнего окна захлопали крылья, оглянулась — на подоконнике сидит черный ворон и внимательно смотрит белым слюдяным глазом.

Подошла, прозрачный ворох штор разлетелся в стороны, я осторожно протянула ладонь. Птица нерешительно потопталась на месте и запрыгнула на руку.

Меня качнуло, будто гирию взяла, я отклонилась назад, подальше от клюва. Он непривычно огромный, кончик сверкает, словно заточенный.

Птица деловито повертела головой, белые глаза по очереди оценили меня с головы до ног. От взгляда птицы меня передернуло. Ворон будто в самую душу смотрит. Черные, как деготь, перья переливаются синевой, клюв наполовину зарос то ли пухом, то ли шерстью. Когти такие, что с легкостью разорвут руку в клочья, но он будто знает о силе — держится аккуратно, даже не колетя.

Осторожно погладила птицу по голове, понимая каким-то особым чутьем — с животными надо по-доброму, тогда и они ответят тем же.

— Красавец, — проговорила я ласково. — Какие у тебя гладкие перышки. И глазки просто алмазы. Откуда ты такой взялся?

Ворон переступил на лапах, поднял голову, клюв шелкнул у самого носа, я резко отклонилась.

— Ну ты чего? — сказала я с укором. — У тебя вон какая пика на носу — сразу меня победишь. А я хрупкая, меня беречь надо.

Ворон наклонил голову, блестящий глаз загадочно сверкнул, во взгляде читается — мы оба знаем, какая ты хрупкая, особенно если меч в руки дать.

Он вытянул шею и каркнул так, что меня едва с ног не снесло. Наверное, слышно на весь двор. Откуда-то снизу послышались возмущенные возгласы эльфиек, кто-то простучал каблучками по мостовой.

Я высунулась в окно вместе с пернатым и слегка подкинула руку.

— Давай, дружок, лети, — взмолилась я. — А то на твои крики сейчас пол-Эолума сбежится, вопросы задавать начнут. Не могу же я сказать, что сам ко мне прилетел. Еще прибьют.

Птица щелкнула клювом, во взгляде немой укор — вроде я со всей душой, а ты за свою шкуру трясешься. Крикун присел, меня сотрясло от толчка, птица в несколько взмахов поднялась так высоко, что уже и не различить — ворон там или голубь.

Я уперлась ладонями в мраморный подоконник, взгляд застыл в небе, пока силуэт птицы не затерялся среди кудрявых облаков. В очередной раз позавидовала крылатой твари.

— Врагов нет, — проговорила я ему вслед. — Сам, кого хочешь, заключаешь. А для жизни — все небо.

Легкая занавеска колыхнулась от ветерка, ткань скользнула по локтю, я вздрогнула от нежного прикосновения. Кожа затрепетала, словно ее омыли водами самого чистого родника в мире.

В дверь уверенно постучали. Я поспешно обернулась и прошлепала босыми ногами до кровати.

— Войдите, — сказала я четко.

На пороге возник Лисгард, глаза горят, грудь высоко вздымается, будто бежал через весь Эолум, латы сверкают в свете адуляра.



Он чуть отдышался и проговорил:

— Миледи, идемте.

Я отступила к стене и уперлась спиной в прохладный мрамор. Снова возникло ощущение беспомощности, хотя белокожий вроде вызвался защищать.

Пальцы невольно начали шарить за спиной в поисках оружия, но там лишь холодный камень. Белокожий заметил мое замешательство, но остался невозмутим.

Я спросила недоверчиво:

— Это еще куда? Даже грязь отмыть не успела.

Белокожий картинно закатил глаза и протянул руку.

— Потом помоешься, — сказал он быстро. — Нас ждет мой отец. Возможно, он сможет помочь.

— Не успел привезти, с отцом знакомит, — пробормотала я. — Безумные порядки.

Он деликатно, но уверенно взял меня за локоть и потащил по коридору, даже запротестовать не успела. Очень захотелось ударить его промеж глаз, чтоб не распускал руки, но одна рука сейчас в пальцах высокородного, а другой держу юбку, чтоб от широких шагов не задиралась.

Лисгард почувствовал напряжение, чуть ослабил хватку, но не отпустил.

Мы несколько раз петляли по заросшим плющами коридорам, пока не вышли в небольшой зал с десятком цветных дверей.

Я наконец высвободилась из цепких пальцев белокожего и прошипела:

— Ты объяснишь мне что-нибудь? Или так и будешь таскать туда-сюда?

Лицо Лисгарда вспыхнуло, запоздало дошло — слишком уж старается, учтивость граничит с хамством.

Я мысленно одернула себя, даже стыдно стало, что обратила внимание на какую-то там учтивость. Но тут же забыла об этом, списав все на тлетворное влияние Эолума.

Белокожий сделал шаг назад, руки опустились по швам, смотрит как-то сквозь меня. Я несколько секунд пыталась понять, что не так, пока не заметила, как старательно отводит взгляд от моего полуголого наряда.

Я развела руками: мол, сам виноват, не дал одежду постирать, не говоря уже о помыться и причесаться.

Пальцы высокородного нервно задергались, уши оттопырились.

— Тенадруин очень важный эльф, — начал объяснять он усердно. — Главный казначей Эолума. Все монетные потоки идут под его личным контролем.

— Серьезно?

— Да, — подтвердил Лисгард. — За всю историю назначения в городе запасы казны ни разу не истощались. Кроме того, он младший брат короля. Понимаете?

Я кивнула, он чуть расслабился.

— К тому же Тенадруин — мой отец, — добавил белокожий. — Наверняка он что-то знает о таких, как вы.

Лисгард посмотрел на меня, я поежилась под внимательным взглядом синих глаз.

— Не смотри так, — попросила я.

— Как? — не понял высокородный.

Я скривилась и сказала:

— Словно я говорящий единорог.

Лисгард оторопел, рот раскрылся, уши встали торчком. Он проговорил растерянно:

— Я же помочь хочу.



— И я благодарна, — ответила я. — Но от такого взгляда становится неловко и хочется сразу как-то прикрыться, что ли.

— Эм, — протянул высокородный. — Примите мои извинения.

— Принимаю.

Повисла неловкая пауза, Лисгард всеми силами старался вообще на меня не смотреть, я оттягивала вниз края юбки и поправляла повязку на груди, чтобы она смотрелась если не хорошо, то хотя бы прилично.

Когда белокожий засопел в нетерпении, я сказала, взбивая пыльные волосы:

— Пойдем. Показывай меня великому казначею.

Лисгард нахмурил брови, но ничего не сказал по поводу моей иронии.

Из коридора потянуло запахом свежей зелени и ягод, я облизнулась и нервно задергала ушами. В животе тихо заурчало. Единственное, что удалось сегодня съесть, — чудесные фрукты на окраине леса, но желудок давно пуст. А после ализаринового плена готова проглотить все, что угодно. Даже мерзкие ягодки.

Кинула на Лисгарда короткий взгляд и поняла, сейчас не время говорить о еде. Он и так не может разобраться, как себя вести. Тащит к отцу, но мне нужно к Забытой горе. Даже чародей не смог понять — кто я. Правда, белокожий об этом не знает.

Глава 8

Мы вошли в небольшое помещение с сиреневыми стенами и высоким потолком. Из углов разливается мягкий свет адуляров, и комната кажется матовой. Я одобрительно закивала, тут хотя бы не слепит.



В середине огромный стол с длинными башенками серебристых монет. На полу сверкают пирамиды цветных камней, не понятно — как не рушатся от собственного веса. Под потолком шныряют блестящие лопатки, периодически со свистом пикируют вниз, ловко перекладывают камни на огромные весы. Затем со звоном перебрасывают драгоценности в другую горку и снова взмывают вверх.

За движением из широкого кресла наблюдает синеглазый эльф, очень похожий на Лисгарда. Но у этого между бровей пролегла глубокая морщина, под глазами проступили темные круги. Руки подергиваются в непонятных пассах, будто мыслями находится далеко отсюда и видит тайные миры. А лопатками управляет как бы между прочим, механически бормочет и контролирует движение потоков.

Он даже не обернулся на нас.

Лисгард шагнул вперед, пролетающая мимо лопатка едва не угодила ему в лоб, белокожий ловко уклонился и проговорил почтительно:

— Отец, вот эта эльфийка. Не сомневаюсь, ты сможешь разобраться в ее происхождении и принадлежности.

Он склонил голову в коротком поклоне и отступил, пропуская меня вперед.

Тенадруин неспешно повернул голову и несколько раз моргнул, взгляд постепенно стал осознанным.

Когда синие, как сотни гаюинов глаза посмотрели на меня, по спине прошел озноб. Невидимый лед сковал тело, будто северный ветер проник в голову, заморозил мысли и остудил кровь.

Его брови дрогнули и удивленно поползли наверх, синие глаза округлились. Казначей встал, длинные





полы одежды зашелестели, как листва, он медленно приблизился ко мне. Я замерла, не решаясь дергаться в присутствии того, от кого веет такой уверенностью и силой.

Я попыталась расправить плечи, унять внезапную дрожь в пальцах, но получилось лишь поднять голову и исподлобья взглянуть на казначея.

Высокородный подошел так близко, что услышала его дыхание. Нос уловил почти незаметный терпкий запах. Он плавно поднял руку, пальцы коснулись моего уха, гипнотический взгляд впился в глаза.

По телу пронеслись крошечные молнии. Лицо белокожего словно непроницаемая маска, смотрит холодно и бесчувственно.

Рука казначея опустилась, солнечный чуть отстранился и несколько секунд разглядывал лицо. Затем взгляд скользнул ниже и задержался дольше, чем нужно.

Сбоку слышалось нервное покашливание Лисгарда. Казначей поднял голову, на волевом лице смятение и озадаченность. Он сделал шаг назад, но взгляд остался пристальным и пронизывающим. У меня едва ноги не подкосились от его близости.

— В жизни не видел ничего подобного, — проговорил Тенадруин глубоким, как сама бездна, голосом.

От звука я совсем оцепенела. В голове трепыхнулась пришибленная мысль — это самый жуткий и таинственный белокожий из всех, кого встречала. Захотелось отскочить назад и спрятаться за Лисгарда. Но в последний момент взяла себя в руки и осталась на месте.

Лисгард промычал что-то невнятно, потом спросил смущенно:

— Отец, ты ли это?

С потолка спустилась лопатка, сделала вокруг меня пару кругов. Край больно ткнулся в лоб, я шикнула на глупую колоду. Лопатка обиженно повернулась черенком ко мне, взмыла вверх к подружкам-лопаткам. Под потолком вновь закружился дикий хоровод.

Я потерла ушибленный лоб, зло покосившись на лопатки. Казначей прошелестел по глянцевого полу и остановился возле горстки красных камешков.

— Видишь ли, — проговорил он задумчиво. — Твоя желтоглазая гостя удивительное явление природы. Мне такого не доводилось встречать. В ее глазах пламя источника, но она определенно не сияющий эльф.

— Это было и так понятно, отец.

Тенадруин дернул правым ухом, но дерзость сына проигнорировал.

Он продолжил:

— Кожа недостаточно темная, чтобы отправлять в Великий разлом. Для жителей снежного края она слишком высокая. Остаются странники. Но странники — выходцы Чумнолесья, лесные эльфы, которым пришлось покинуть дом и отправиться в скитания. Внешне они похожи скорее на нас с тобой, чем на нее.

Отец белокожего сделал небольшую паузу, давая переварить сказанное. Затем наконец посмотрела на Лисгарда, тот скрестил руки на груди, взгляд серьезный, сосредоточенный. Буквально слышу, как со скрипом перекачиваются мысли в благородной голове.

Казначей взял с верхушки пирамидки камешек и подкинул в руке, его взгляд застыл на гладкой, как алебастр, стене.

В затылке потеплело, боковой линией ощутила неладное. Тенадруин резко развернулся и швырнул в



меня камень. Сбоку донесся возмущенный вздох Лисгарда. Сама не поняла, как увернулась, спина прогнулась, руки взмахнули, мимо уха что-то просвистело. Я выпрямилась и замерла с круглыми глазами.

Затылок снова стал холодным, тревога улеглась. Я вытянула руку и разжала пальцы — на ладони багрово поблескивает огранный камень.

Слева раздался негодующий голос Лисгарда:

— Я пришел за помощью, а ты...

Тенадруин недовольно вскинул руку.

— Хм. Удивительная ловкость, — проговорил он и наклонил голову. — Как зовут тебя, дитя?

Теперь казначей похож на удава, готовый проглотить маленькую меня.

Я резко выдохнула, так резко, что отец белокожего приподнял бровь. Он испытующе посмотрел на меня, пришлось выгнуть спину и поднять подбородок, но когда заговорила, голос предательски дрогнул.

— Не знаю, — выдавила я. — Не помню. И вообще ничего не помню. Лисгард не сказал те... вам?

Уголки губ Тенадруина чуть дрогнули в попытке изобразить улыбку. По спине пробежался очередной табун мурашек, я отшагнула, потому что казначей стал похож на ухмыляющегося тигра.

Он бросил суровый взгляд на сына. Тот недовольно хмурит брови, переминается с ноги на ногу, лопатки опасно шныряют мимо лица, он только брезгливо косятся и шевелит ушами.

— Этот чрезвычайно важный факт Лисгард упустил, — заметил Тенадруин.

Лисгард еще больше нахмурился, лязгнул сапогом по мраморному полу, гневный взгляд впился в меня,

как жало. Я растеряннo улыбнулась и пожала плечами, мол, не виновата, он сам спросил.

От Тенадруина не ускользнула моя попытка оправдаться перед отпрыском. Он мягко улынулся, как если бы кот улыбался мыши, которую не собирается есть.

Широкая ладонь казначея вытянулась вперед, он поводил перед собой. В воздухе возникла толстая книга в кожаном переплете, страницы сами раскрылись и затрепетали, как крылья бабочек.

Казначей прищурился от мельтешения.

— Это не дело, — проговорил он наставительно. — Эльфу необходимо имя, как и любому живому существу.

Зрачки Тенадруина ритмично задрожали, взгляд затуманился, видно, как молниеносно проглатывает целые страницы. Прошло несколько секунд, прежде чем казначей оторвался от пожелтевших листов.

Он небрежным взмахом захлопнул книгу, фолиант моментально исчез, оставив лишь вихрь блестящей пыли. Высокородный поднял глаза.

Гипнотический взгляд приковал ноги к полу, попыталась шевельнуться, но тело застыло, как мраморное изваяние. Мысли начали медленно погружаться в блаженную синеву, где никто не потревожит, не обидит. Со всех сторон потянулась долгожданная нега и безмятежность.

Тенадруин, не глядя, отмахнулся от лопатки, которая настырно пытается всыпать в ладонь горсть блестящих монет, и потер пальцами подбородок.

— Я нашел несколько подходящих имен, — проговорил он задумчиво, — Миаль, Альшара, Галателис...

В голове синий туман, перед глазами все мерцает и плывет. Сейчас хоть бревном назови — соглашусь.

Тенадруин покачал головой:



— Нет, все не то...

Он устремил взгляд в окно, где мелькают цветные птички, и застыл. Показалось, время остановилось и превратилось в тягучую вязкую массу, из которой нет спасения. Уже смирилась с безвольным расслаблением, когда он вскинул палец и сказал:

— Вот что. Властью, данной солнечным источником, нарекаю тебя Каонэль — чужестранка.

— Каонэль, чужестранка, — повторила я, как зачарованная.

Казначей довольно прищурился, сиреневые одежды с шелестом всколыхнулись и медленно опали. Высокородный развернулся, с достоинством пересек комнату. Возле стола он строго зыркнул на лопатку, которая имела неосторожность пролететь перед лицом, и медленно опустил в кресло.

Я тряхнула головой, оцепенение слетело, как шелковая вуаль. Пришлось посчитать до десяти, изгоняя из тела позорную дрожь, которая возникла от простого взгляда.

Сделала несколько шагов назад и уперлась в колонну. Мысли ползают полудохлыми муравьями, в голове словно древесный пух, Тенадруин хитро шурится и поглядывает на сына.

Тот облокотился на выступ в стене, вертит в руке цветной камешек и с интересом наблюдает. Несколько секунд будто решал, стоит ли продолжать возиться со мной, затем оторвался от стены и швырнул камень в сторону.

Серебристая лопатка моментально подхватила драгоценность и бережно опустила на рубиновую горку. Белокожий подошел к казначею, оперся рукой на мраморную столешницу и пробарабанил пальцами.

— Так что делать с миледи Каонэль? — спросил он неуверенно.

Тенадруин откинулся на спинку кресла, взгляд поднялся к стайке лопаток, он закинул ногу на ногу.

— Полагаю, все уже знают о ее прибытии, — ответил он равнодушно. — Если не представим королю, воспримет как неуважение. А нам неприятности не нужны.

Лисгард провел пальцем по гладкому мрамору, затем растер невидимую пыль между подушечками.

— Да? — бросил он невесело. — Он спросит, откуда взялась и зачем?

Казначей отмахнулся, поправляя сиреневые складки одежды.

— Он король. Пускай сам выясняет.

Тенадруин обернулся, взгляд холодный и цепкий, я невольно вздрогнула, но тут же пообещала себе больше не трусить перед этим таинственным белокожим. И не терять контроль.

Его губы искривились в обезоруживающей улыбке, ровный ряд зубов сверкнул в свете адуляров.

— Дитя, — сказал Тенадруин мягко, — тебе стоит привести себя в порядок. Нехорошо разгуливать по городу в одной набедренной повязке, и... что это вообще такое?

Он кивнул на тряпку, которая стягивает мне грудь.

— Сегодня будет собрание в главном зале, — продолжил казначей. — Сам король изъявил желание присутствовать. Не упустите возможность лично представиться его величеству.

Я на секунду оторопела, послышался напряженный вздох Лисгарда. Казначей закрыл глаза и положил голову на спинку.



— Больше не задерживаю, — подсказал он.

Лисгард коротко поклонился и выволок меня из комнаты, дверь аккуратно закрылась сама.

Молча двинулись обратно по запутанным коридорам. Лисгард хмурится, почти слышно, как шевелятся мысли в высокородной голове. Любопытство засвербело во мне хуже занозы, я немного выждала, пока отойдем на достаточное расстояние от покоев Тенадруина, затем предупредительно покашляла.

Белокожий не обратил внимания, идет, уши торчат, взгляд задумчивый.

Я приблизилась к Лисгарду и толкнула в локоть, сын казначея вздрогнул.

— Твой отец недолюбливает короля? — спросила я.

Шаги белокожего стали громче, он засопел и вытянул уши.

— Король — сводный брат Тенадруина по отцу, — объяснил Лисгард с неохотой. — Матерью нынешнего правителя была эльфийка из знатного рода, как и положено по законам иерархии. У них родился наследник. Но королева чем-то не устраивала деда, поэтому он наведывался к шаманке на окраине Эолума.

Я ушам не поверила и сказала:

— Мне казалось, высокородные... Ну... во всем высокородные. Чем все закончилось?

Белокожий недовольно покосился на меня, но продолжил:

— Не трудно догадаться. Тенадруин родился ровно в полночь, в полнолуние. Королева узнала об этом и приказала убить шаманку и эльфа. Но старый король не позволил. Он всенародно признал сына, гарантируя, таким образом, ему полную неприкосновенность. Королева не унималась. Не имея возможно-

сти дотянуться до Тенадруина, она решила выместить месть на шаманке.

— Ого.

Сын казначея кивнул.

— Видимо, она плохо понимала, кто такие шаманы, — проговорил он. — Мать Тенадруина покинула город до того, как явились наемники. С тех пор ее никто не видел. Шаманка не знатного рода, и ее крови нет в аметистовом хранилище.

Я попыталась представить, что за хранилище. Воображение нарисовало пещеру, обязательно с факелами и огненными колодцами, дальше решила не представлять, чтобы не пугаться, а потом не злиться на себя же за слабость.

Я спросила:

— Твоего отца любили?

Лисгард покачал головой и произнес:

— Принцев воспитывали вместе, но королева была против.

— Почему?

— С каждым годом шаманские замашки проявлялись сильнее, — сообщил белокожий. — Это ее пугало.

— Значит, ты тоже шаман? — не удержалась я.

Лисгард покачал головой:

— К сожалению, я не унаследовал этого дара.

— А как же полыхающие входные ворота?

Он посмотрел на меня так, будто спросила, почему вода мокрая.

— Все солнечные эльфы в определенной мере обладают магией огня, — пояснил он. — Раз вы спросили, могу я закончить рассказ?

Я поджала губы и кивнула. Взгляд высокородного на секунду остановился на мне, словно проверяет, не вру ли. Затем он снова уставился вперед.



— Королева пыталась настроить деда против собственного сына, — продолжил Лисгард. — Тот отмахивался. Когда король больше не смог вести дела, он оставил трон. Правление по закону возглавил его старший сын. Лишь тогда она успокоилась и больше не лезла в дела города.

Я внимательно выслушала. В голове засела четкая мысль — в сиянии и блеске Эолума скрываются интриги и зависть. За ней пришло понимание: оставаться в городе, где постоянно ждешь ножа в спину, не намерена.

Мы подошли к покоям, Лисгард толкнул дверь и пропустил меня внутрь.

Я обернулась и спросила:

— А где королева и старый король сейчас?

Лисгард посмотрел в даль коридора и вздохнул.

— Там, откуда не вернулся еще ни один эльф, — произнес он.

Дверь захлопнулась, послышались удаляющиеся шаги.

В памяти всплыли глаза казначея, при упоминании о короле они становятся похожи на два куска льда. Хотя взгляд и без этого заставляет втягивать голову в плечи.

В нем достаточно силы, чтобы устроить переворот, несмотря на иерархию и строгое подчинение.

Сделав глубокий вдох, я вытянулась всем телом. Позвонки приятно хрустнули. За всей этой кутерьмой у меня не было времени не то что помыться, а даже причесаться. Волосы превратились в нечто такое, к чему прикасаться не хочется. Кожа чешется от пыли, нос свербит.

Я пересекла комнату и открыла дверь, о которой говорила Рэниаль. На секунду застыла с открытым

ртом — в приглушенном свете показалось, что темные стены украшены драгоценностями.

Дождавшись, пока зрение станет ночным, я осторожно шагнула внутрь. Лишь тогда поняла, что это не драгоценности.

Крошечные капли отражаются на черной, как спинка жука, поверхности, адуляры замысловато преломляют их свет. У дальней стены в воздухе висят три мраморные ракушки и с тихим шелестом роняют воду. На полу выдолблен желоб, по нему поток стекает куда-то в стену.

Пол шершавый, но приятный, сделанный специально для комнаты омовения, чтобы случайно не поскользнуться и не расшибить высокородный затылок.

Выйдя наконец из восторженного оцепенения, я скинула лохмотья и шагнула под прозрачные струи. Благодатная прохлада растеклась по телу, грязь быстро оказалась в желобе вместе с усталостью.

Минуту стояла неподвижно, наслаждаясь покоем, который способна подарить лишь вода. Затем тщательно отскоблила себя жесткой губкой, которую обнаружила парящей рядом с нижней раковиной, вымыла тяжелые волосы.

Вышла из-под струй чистая, как весеннее утро. В попытке найти что-то, чем можно обтереться, оглядела комнату, но нашла лишь гладкие стены с приглушенными адулярами.

Я досадно вздохнула, решив, что высокородные эльфы не идеальные, раз не предусмотрели такой простой вещи, и теперь придется вытираться занавесками.

Только хотела шагнуть к двери, как с потолка опустился маленький синий вихрь и стал нарезать круги



вокруг меня. Кожа покрылась мелкими пупырышками, я захихикала.

— Эй, щекотно! — пропищала я и замахала руками.

Вихрь только быстрее завертелся и пошел по короткой дуге, пока я полностью не высохла. Провела рукой по волосам — сухие, гладкие, словно шелком натирала.

— Вот это я понимаю, магия с прямой пользой, — проговорила я одобрительно. — Не то что ваши огненные ворота.

Вихрь сделал еще один оборот, поднявшись к потолку, он растворился в воздухе.

Я вышла из ванной, прошлепала босыми ногами в покои. На кровати разложено прелестное платье простого покроя. Подошла ближе и поняла — для такой ткани не требуется изысков в выкройке. Даже если просто обмотаться куском полотна — все равно будешь выглядеть как королева.

Просунула руки и натянула на себя. Гладкий шелк приятно скользнул по коже и распрямился под собственным весом. От прикосновения ткани дух захватило, я завистливо вздохнула, белокожие эльфийки каждый день такое носят.

Обернувшись, обнаружила зеркало. Витиеватая рама в полный рост прислонена к стене, в стекле отражается половина комнаты.

Я подбежала и ахнула — передо мной серая эльфийка с волосами цвета платины. Уши остро торчат из густой копны, глаза желтые, как солнце, разве что не светятся. А может, и светятся в темноте, надо будет проверить. Ресницы длинные — края закручиваются вверх, губы — как темные ягоды, нос маленький и острый.

Нежно-голубое платье плотно облегает талию и ниспадает легкими волнами. Сидит отлично, будто с меня тайком сняли мерки и терпеливо подогнали размер. Разве что вырез слишком глубокий — открывает чуть ли не половину груди.

Я сунула ноги в серебристые туфли на небольшом каблуке. После того как босиком истоптала половину роши, в обуви стало неудобно и тесно, хотя кожа мягкая, как шелк.

Наряд великолепный, и ткань приятная, за такой любая бы согласилась железку обнять. Но все равно чувствую себя странно. Словно Арум, на которого нацепили седло и сунули в рот конфету.

В дверь постучали, раздался голос Лисгарда:

— Миледи Каонэль, вы готовы? Собрание уже началось.

Я поправила волосы, сделала невинное выражение лица — в платье положено глупо улыбаться и закрывать глаза. Затем открыла дверь.

Лисгард скользнул по мне взглядом, на секунду остановился на декольте, кадык нервно дернулся. Он успел снять доспехи, теперь на нем свободная белая рубаха и узкие брюки.

Я ухмыльнулась про себя, когда он нехотя отвел взгляд от выреза. Стараясь выглядеть под стать придворному этикету, аккуратно поддела локон, который невзначай упал на грудь, и накрутила на палец.

— Что же ты раньше не сказал? — сказала я нараспев. — Король решит, что неуважительно отношусь к его светлости... эм... милости. Величеству? Как правильно?

Лисгард вспыхнул и проговорил глухо:



— Миледи, надеюсь, вы будете более сообразительны в беседе с королем? К нему следует обращаться «ваше величество».

Я пожала плечами и сделала вид, что поправляю пояс.

— Вы просто свихнулись на почтении, — проговорила я равнодушно. — Но как скажешь. Величество так величество.

Мы пошли по витиеватым коридорам Эолума, каждая стена буквально излучает матовый свет и качает воздух, кое-где стоят плоские горшки с землей. Из них зелеными жгутами разрослись ползучие растения. Длинные лианы пустили щупальца к потолку, так и норовят полностью оплести свод.

Я на ходу прикоснулась пальцами к листьям и спросила:

— Кто-то следит за растениями в городе или они сами по себе?

Лисгард бросил едва заметный взгляд на горшки.

— Я, кажется, упоминал, что мы связаны с растениями?

— Нет, — пропела я и захлопала ресницами. — Ты говорил, что солнечные эльфы связаны с лесом.

Он поморщился:

— Неужели не очевидно? Если мы можем взаимодействовать с лесом, то с пучком травы как-нибудь управимся.

Я скривилась и фыркнула. Немного ускорившись, я отошла влево и подняла уши, чтобы высокородный видел, как мне плевать на эолумские условности.

— Может, местным жителям и понятно, — сказала я, оправдываясь. — Куда уж мне, скромной серой

эльфийке непонятного рода и племени, до ваших непревзойденных умений.

Лисгард замялся и виновато покосился на меня.

— Каонэль, прошу извинить меня, — сказал он. — Иногда бываю резок. Но и вы, честно говоря, совсем не отличаетесь хорошими манерами. Порой мне кажется, что вы совершенно неуправляемы.

Я чуть не захохотала в голос, но сдержалась и сказала:

— Неуправляема? Я всего-навсего веду себя естественно, а не пытаюсь выглядеть лучше, чем есть.

— Правда? — спросил высокородный, приподняв бровь совсем как отец.

— Хотя нет, вру, — призналась я. — Пытаюсь, даже очень, особенно когда невинно хлопаю ресницами. Но это не считается. Это можно.

В воздухе витает легкий аромат непонятных цветов, нос улавливает, как прямо перемешиваются крошечные частицы пыли. В широкие окна врывается озорной ветерок, радостно проносится по изгибам коридора. Шторы между залами царственно колышутся — простая тряпка, а сколько достоинства.

Мы подошли к высокой арке, Лисгард остановился и осторожно развернул к себе.

— Миледи, запомните, что я сейчас скажу, — проговорил он и посмотрел в глаза. — Его величество горячо любим и уважаем народом Эолума. Если вы позволите себе неосторожное слово или жест, это может быть расценено как оскорбление королю. Я вас умоляю, ведите себя максимально прилично.

Лицо высокородного стало жалостливым, я уставилась на Лисгарда. Только теперь поняла, как он переживает.



— Буду стараться, — проговорила я честно.

Белокожий напряженно выдохнул — не поверил ни капли. Затем повернулся и толкнул резную дверь.

Глава 9

В лицо пахнуло ароматами приторных парфюмов и цветочных сладостей. Я сморщила нос и шагнула в огромный зал. По глянцевому полу с гомоном несутся эльфы, хватают друг друга за локти, что-то горячо обсуждают.

Все белокожие одеты в светлое, зал сияет, как полуденное небо. Пришлось на пару секунд зажмуриться. Когда открыла глаза, Лисгард стоял на почтительном расстоянии.

— Смотрю, у вас пунктик насчет света, — проговорила я.

Эльф бросил на меня подозрительный взгляд, я бесхитростно уставилась на него и изобразила улыбку.

Он потер тыльной стороной ладони подбородок.

— Видите ли, Каонэль, — начал высокородный. — Солнечные эльфы рождены светом. Наши души сотканы из его частиц. Эолум — средоточие источника жизни, где мы черпаем бесконечную энергию. Зал собраний — одно из самых светлых мест города.

Я кивнула и подумала — если их души созданы из света, то из чего сделана моя?

На меня с разбегу налетела эльфийка, белоснежный лоб стукнулся в подбородок, я возмущенно шикнула. Эльфийка отскочила назад, тонкие каблукы стукнулись о пол. В голубых, как бирюза, глазах вспыхнуло изумление, уши покорно прижались.

— О, прошу простить меня, — проговорила она сбивчиво. — Я не видела. Весь день голова кругом от... Вы ведь та самая серая госпожа?

Лисгард возмущенно охнул, голубоглазая присела в коротком поклоне, кончики ушей покраснели. Хотела ответить что-нибудь едкое, но увидела, как потемнело лицо белокожего, и промолчала.

Бедняжка мялась и мычала, взгляд Лисгарда приковал ее к полу, еще немного, и эльфийка расплачется. Я махнула рукой и проговорила намеренно беспечным тоном:

— Да-да. Серая. Очень серая. И глаза желтые. Поэтому, что сову съела.

Голубоглазая растерянно захлопала ресницами, на белых щеках проступило подобие румянца, если так можно назвать крошечные красные пятна. Она отступила на пару шагов и беззастенчиво стала разглядывать меня.

— А вот это уже неприятно, — пробормотала я тихо, но Лисгард, похоже, услышал.

Он прошептал:

— Рэниаль, бесстыжая. Знал же, что не сможет держать язык за зубами.

— Может, я белая ворона? — спросила я таким же шепотом. — В смысле серая. Паршивый единорог в табуне, или как там говорят?

Лисгард громко покашлял, я повертела головой. Эльфы негодуяще уставились на нарушительницу порядка, глаза круглые, губы превратились в узкие полоски.

Он подался вперед и проговорил с нажимом:

— Не знаю, из какого вы рода. Потрудитесь назваться, миледи.



Лицо эльфийки снова приобрело белый цвет, мне показалось, с легким оттенком смертельности, губы задрожали.

— Извините, Лисгард, сын Тенадруина, — проговорила она дрожащим голосом. — Моя бестактность непростительна. Я Уртэль, дочь Фариласа.

Брови белокожего сдвинулись, губы пренебрежительно скривились.

— Так и думал, — проговорил он и вскинул голову. — Только оружейники нахально ведут себя с высококородными эльфами.

Я подняла изумленный взгляд на Лисгарда. Лицо будто выточено из мрамора, смотрит грозно, свысока. Уртэль задрожала как осиновый лист, снова присела в поклоне и попятилась, натываясь на шныряющих эльфов.

Я повернулась к эльфу, глаза белокожего сузились, скулы поигрывают. Резкие смены милости на гнев делают его похожим на отца.

— В жизни не видела ничего более унизительно-го, — прошептала я.

Лисгард аккуратно взял меня за локоть и медленно повел через зал, деликатно отгораживая от беготни. Я не сопротивлялась.

Эльфы стали оборачиваться чаще. Белокожие шепчутся и прикрывают рты ладонями. Как только замечают сына казначея — тут же отводят взгляд и делают вид, что вообще случайно тут оказались.

— Миледи, поймите, — сказал Лисгард наставительно, — соблюдение правил иерархии в Эолуме — необходимое условие для поддержания мира и равновесия. Как можно взаимодействовать друг с другом, если непонятно, кто какого ранга?

Я озадаченно глянула на эльфа, тот выглядит серьезным и уверенным. Говорить, что у меня несколько другие представления о жизни, не стала. Тем более несколько часов назад вообще не было никаких представлений.

Мы остановились в середине зала, толпа эльфов расступилась, расползлась по залу. Один белоухий не успел вовремя отойти; когда сын казначея двинулся прямо на него, эльф с испуганным стоном поспешил скрыться в толпе.

Лисгард наклонился и прошептал почти в ухо:

— Все. Мы на месте. Помните, о чем говорил — почтительность и уважение.

Я ответила:

— Забудешь тут. Постоянно тыкают носом, когда выхожу за рамки.

— А выходите вы постоянно, — напомнил высокородный.

Белокожие поглядывают с неприкрытым любопытством. Но когда видят грозное лицо высокородного — замирают, делают вид, что совершенно случайно задержали взгляд и на самом деле смотрели во-он на тот адуляр.

Глаза наконец привыкли к матовому свечению. Я повертела головой, пользуясь свободными мгновениями. Всюду чистота и роскошь, лестницы украшены рельефами, мраморными листочками. Колонны такие гладкие, что можно увидеть собственное отражение. Окна высокие, но в ширину едва я пролезу. Сквозь них в зал проникает свет, но не перебивает собственного свечения стен.

Под лепниной потолка мелькают блестящие полоски, из них получаются замысловатые фигуры, но тут же растворяются в воздухе.



Я толкнула Лисгарда в локоть:

— Это что?

Он вопрошающе посмотрел на меня, затем последил взгляд.

— А... это. Болотные светляки, — протянул он. — Эстетическая прихоть короля. Он питает страсть ко всему светящемуся, впрочем, как и все мы. Кому-то приходится регулярно наведываться в южные топи и доставлять светляков. Занятие, должен признаться, не из приятных.

Я подтянула подол к ногам и приоткрыла носки туфель — блестят, хоть комнату освещай.

— Говоришь с сознанием дела, — произнесла я не глядя.

Белокожий наклонился и сказал приглушенно:

— Каюсь.

— Чего так тихо? — прошептала я в ответ.

Он быстро глянул по сторонам и проговорил:

— Ловить светляков — не самое почетное занятие для моего сословия. В топи обычно отправляют в качестве наказания за мелкие провинности.

Я весело присвистнула:

— Ого! Так ты преступник?

Лисгард опасливо шикнул:

— Не так громко, пожалуйста.

Он подошел вплотную и заговорил еще тише:

— На самом деле в этом зале многие побывали на Южных болотах. Просто упоминать об этом неприлично. Поверьте, ползать по мокрым кочкам, вязнуть в торфяных топях и прыгать через коряги — сомнительное удовольствие для высокородного эльфа.

— И за что тебя отправили ловить светляков?

— За честность.

Я вопросительно посмотрела на белокожего, он недовольно засопел.

— Ничего, что стоило бы внимания, — сказал он сдержанно. — Но если миледи интересно, то я всего лишь сообщил одному лорду, что он осел. Только этот осел оказался приближен к совету, который пожаловался королю на неуважение.

— И тебя покарали?

— Его величество не мог применить ко мне серьезного наказания, — нехотя сказал белокожий. — Он старается не иметь проблем с казначеем. Ссылка на Южные болота устроила всех.

Я с трудом подавила приступ смеха, даже уши задрожали. Пришлось на несколько секунд отвлечься на эльфа в конце зала. Волосы такие же белые, как у остальных, но с легким желтоватым оттенком и напоминают свежую солому. Тело заковано в доспехи, словно не на королевском приеме, а в походном лагере. Ухо сломано и висит унылой култей. Он с серьезным видом что-то рассказывает белокожей, та округляет глаза и качает головой.

Лисгард проследил мой взгляд, лицо помрачнело. Когда взгляды высокородного и эльфа с поломанным ухом пересеклись, показалось, сейчас кинутся друг на друга. Но они лишь едва заметно наклонили головы, и в этом поклоне льда было больше, чем в самой холодной точке мира.

На языке завертелась колкость, но сдержалась и решила не менять тему.

— Seriously? — наконец спросила я. — Тебя отправили отбиваться от мух и копать в грязи за ругань?

— Абсолютно.



— Ну и законы у вас. Король тот еще фрукт, если обращает внимание на мелочи. Это точно от безделья. В Эолуме слишком хорошо, и вы стали придумывать проблемы. Сам подумай, какая разница, какого цвета одежда, если носит ее трус и растяпа?

Лисгард в ужасе дернул меня за рукав и оттащил в сторону. Еле удержалась на ногах — балансировать на каблуках гораздо тяжелее, чем босиком.

Он горячо задышал и проговорил прямо в ухо:

— Миледи Каонэль, вы в своем уме? Стоять посреди тронного зала и называть короля трусом. За это не отделаться невинной ловлей жуков.

Я недовольно отодвинула голову, Лисгард оказался слишком близко, пришлось легонько, но настойчиво оттолкнуть его. Затем аккуратно поправила волосы и смахнула локон с декольте.

— Да успокойся ты, — сказала я невозмутимо. — Меня никто не слышал. У вас вообще что-то со слухом. Наверное, от самодовольства в ушах грибы растут. Проверь-проверь, может, у тебя на кастрюльку супа наберется.

А сама подумала — отсюда надо бежать, и побыстрее. У меня всего три дня в запасе.

Белокожий брезгливо скривился, но взял меня под руку и повел к колонне, где эльфов почему-то меньше всего.

— Миледи, — спросил он на ходу, — вы со всеми такая язва или только с теми, кто вам помогает?

Я хмыкнула и промолчала.

Народ в зале прибывает, от мелькания блестящих платьев зарябило в глазах. Дамочки с замысловатыми прическами мелко стучат каблучками, наигранно скидывают руки и тихонько смеются в сложенные

ладони. Высокородные галантно прохаживаются мимо, отвешивают поклоны и касаются губами пальцев эльфиек — приветствие такое. Между ними шныряют эльфы попроще, отличаются по туго затянутым волосам и серой одежде.

С потолка спустился светляк, стал кружиться вокруг меня. Я бездумно подставила ладонь, жучок покорно сел на пальцы и замер. Белокожий выпучил глаза.

— Что-то не видел, — сказал он удивленно, — как болотные светляки добровольно даются в руки.

Я пожала плечами, затем отставила руку в сторону, чтобы жук мог взять разгон.

— А Тенадруин появится? — спросила я настороженно.

Лисгард оторвал задумчивый взгляд от светляка и покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Шаман с королем стараются лишний раз не встречаться. Они негласно разделили власть. Его величество обладает безусловной поддержкой подданных. Однако у отца есть сила. В общем, чтобы не создавать проблем, оба предпочитают сидеть по своим углам.

Жучок зашевелился, потер задними лапками и пополз к пальцам с удивительной, для такой козявки, скоростью. На краю ладони приподнял матовый панцирь, прозрачные лепестки крыльев расправились. Под ними сверкнуло желтоватое брюшко.

Жук поднял зад и оттолкнулся на крошечных лапах. К потолку взметнулась сияющая точка и затерялась в сотнях таких же огоньков.

Я проводила светляка завистливым взглядом. Делая вид, что разглядываю сияющую стайку под по-



толком, я задумалась о придворных интригах. Через минуту голова загудела.

— А казначей никогда не хотел занять трон? — спросила я.

Лисгард едва заметно улыбнулся, голос прозвучал глухо и многозначительно.

— Миледи, поверьте, ему не нужен трон.

— Пожалуй, ты прав, — согласилась я.

Белокожий подозрительно посмотрел на меня:

— Неужели?

— С такими глазами и без трона живется прекрасно, — проговорила я. — Как посмотрит, душа в пятки. Король должен класть арбалет под подушку каждый раз, как спать ложится.

За спиной радостно вскрикнули:

— О, неужели это милорд Лисгард, сын distinguished Тенадруина!

Я резко обернулась. Сквозь толпу стремительно приближается белокожая в жутко тесном платье. Грудь из декольте чуть ли не выскакивает, золотистые волосы уложены кольцами и аккуратно ниспадают на оголенные плечи. Сразу видно — местная знаменитость.

Лицо такое же безупречное, как у остальных солнечных, — пухлые губы растянуты в улыбке, маленький носик дерзко вздернут. Красивая, только глаза сверкают недобрым блеском, взгляд медленно прожигает меня.

Она простучала каблуками по мраморному полу. Оказавшись между мной и Лисгардом, повернулась спиной.

— О, милорд, я так давно не видела вас на собраниях! — противно затрещала пигалица. — Говорят, вы были в рейде? Наверное, очень опасно покидать

пределы Светлого леса. О, милорд, вы такой смелый! Я бы так в жизни не смогла.

От ее щебета в голове зазвенело, я выглянула из-за плеча и вытаращила глаза — мол, сделай что-нибудь, мне не нравится смотреть на зад собеседника.

Лисгард растерянно раздул щеки и отшагнул к колонне.

— Эм... Миледи Генэль, — проговорил он запинаясь. — Как поживаете? Да-да, я был в рейде. Гм, позвольте представить вам мою гостью, миледи Каонэль.

Белоухая нехотя обернулась, оценивающий взгляд быстро скользнул по мне. Тонкие брови солнечной искривились в попытке изобразить мышление, губы надулись.

— О, очень необычно, — бросила она небрежно и откинула блестящий локон с плеча.

Не успела я возразить, как Генэль обернулась к Лисгарду и продолжила, будто меня нет:

— Милорд, вы всегда славились отменным вкусом. Вы здоровы? Наверняка есть очень веская причина для такого выбора.

Плечи пигалицы распрямились, уши вытянулись назад. Она сделала несколько жеманных движений руками, то ли поправила невидимые складки на платье, то ли пыль стряхнула. Лисгард отвлекся на ее декольте, я негромко покашляла, но осталась незамеченной.

— Послушай, леди, — начала я.

Белоухая тряхнула копной и решительно отшагнула. Острый каблук впился мне в носок. Мир посиренел, затылок обдало кипятком.

Миледи Генэль стоит как ни в чем не бывало и что-то бурно рассказывает Лисгарду. Только каблук все сильнее продавливает носок. Услышала, нет, скорее,



почувствовала треск — прорвалась ткань на туфлях, острое вошло в незащищенную кожу и медленно погружается между костями. Под ногой хлюпнуло, боль ритмично запульсировала.

В районе солнечного сплетения закрутился горячий комок, гнев растекался по телу. Руки напряглись, я наклонила голову и исподлобья уставилась на точеную спину.

Уши прижались, в глотке заклокотало, как в шаманском котле, сквозь шум крови в висках услышала собственный рык.

Все произошло быстро. Я вцепилась пальцами в холечное плечо, резко развернула к себе. Белоухая не ожидала реакции, голубые глаза изумленно уставились на меня.

Я с размаху отвесила звонкую пощечину и тут же пожалела, что не кулаком. Генэль крутануло от удара, она замерла спиной ко мне.

На секунду все замерло. Затем пигалица медленно повернулась. Ладонь прижата к щеке, глаза как у разбуженного барсука. Пухлые губы зло искривились, пальцы трясутся, глаза помокрели.

— Да как ты... Ошибка природы! — вскрикнула она.

В голове мелькнуло — не надо разговаривать с теми, кого хочу убить. Я прыгнула на белокожую и на лету обрушила серию пощечин на высокородные щеки.

Генэль шлепнулась на пол. Пока я методично лупила не только по лицу, а уже куда попало, она громко верещала и отбивалась.

Резкий рывок откинул от растрепанной белокожей, меня поставили на ноги и развернули. Сквозь сиреневую пелену проступило дикое лицо Лисгарда.

Он крепко держит за плечи и что-то говорит. Через секунду расслышала слова.

— Каонэль! Миледи Каонэль! Что вы делаете? Что?! — кричал высокородный.

Я услышала собственное дыхание, частое и шумное. Быстро посмотрела по сторонам — вокруг толпятся белокожие, смотрят оторопело, прикрывают ладонями рты.

С трудом привела дыхание в порядок.

— Вниз посмотри, — выдавила я, указывая на стопу.

Лисгард скользнул взглядом по ногам и выдохнул:

— Святые эльфы...

На месте туфли красуется кровавая дыра с ровными круглыми краями. На белоснежном полу багровые разводы. Каблуки у пигалицы оказались не хуже метательных кинжалов.

Генэль застонала, растопырила ноги и попыталась встать. Дорогое платье сваялось, оборка оторвалась и одиноко валяется рядом.

— Поделом, тварь, — прошипела я. — Повезло, что солнечный меня оттащил.

Сын казначея растерянно кинулся к ней, подхватил под белы руки и поставил. Та моментально прильнула к нему и обмякла. Высокородный аккуратно отстранил белокожую.

— А вы, миледи, — проговорил он неверяще. — Зачем вы это сделали?

Генэль картинно закатила глаза и сделала вид, что вот-вот потеряет сознание. Лицемерка, я не совершила ничего такого, из-за чего можно лишиться чувств.

Пальцы сжались, словно под ними тонкая белая шея. Боль в ноге из пульсирующей превратилась в постоянную, опираться стало трудно.



Я облокотилась на мраморную колонну и проговорила сквозь зубы:

— Если ты продолжишь сжимать эту дуру, мне придется самой хромать до покоев.

Лисгард разжал руки, передал страдающую Генэль в руки подросшей служанки. Через секунду он уже стоял рядом и подставлял локоть.

— Наконец-то, — пробубнила я.

Белокожий неверяще пялится на меня, уши торчком, дыхание частое.

Он проговорил растерянно:

— Это недоразумение...

— Еще бы, — фыркнула я так, чтобы только он слышал. — Чокнутая истеричка! В жизни не поверила бы, что в Эолуме может произойти такое.

— Я тоже...

— Вы же помешаны на чопорности. А тут в главном зале эльфийка протыкает мне ногу!

В зале повисла гробовая тишина, слышались мерные шаги. Я не решилась обернуться, просто стояла и смотрела на вытянувшееся лицо Лисгарда, прислушиваясь к звукам. Стук подошв пересек зал и остановился, слышалось тихое шуршание одежды. Солнечные застыли с восковыми лицами.

В образовавшейся пустоте раздался повелительный голос:

— Что здесь происходит?

Я наконец развернулась. На троне, в окружении закованных в адамантин стражников, сидит высокий эльф с гладко выбритыми висками. По центру головы тянется толстая белая копна. Из-под густых бровей внимательно блестят светло-голубые, почти белые глаза.

На морщинистом лбу обруч с огромным белым камнем. Сияющая одежда плотно укутывает худощавое тело.

— Я спрашиваю, что происходит в моем тронном зале? — повторил светлоокый.

Рядом тяжело задышал Лисгард. Генэль пропищала мерзким голосом, продолжая опираться одной рукой на служанку, другой на колонну:

— Ваше величество, на меня напали!

Лицо короля осталось невозмутимым, но глаза недобро сверкнули.

— Значит, напали, — проговорил он неторопливо. — Кто же на тебя напал, миледи Генэль?

Белокожая молча ткнула в меня пальцем. Король окинул меня внимательным взглядом, почувствовала, как разглядывает каждый сантиметр тела.

Лисгард негромко покашлял и шагнул вперед.

— Ваше величество, — обратился он к королю, — позвольте представить мою гостью, миледи Каонэль.

Он обернулся ко мне с умоляющим взглядом.

— Каонэль, склоните голову, перед вами правитель Элоума, — сказал Лисгард и поклонился.

Взгляд короля скользнул по мне, и я поняла, он уже принял решение и теперь забавляется. Но белокожий выжидательно смотрит и хлопает ресницами. А вместе с ним остальная толпа высокородных.

Я, как умела, опустилась в глубоком поклоне. Получилось не очень — в туфле хлюпает и скользит. Но постаралась склонить голову, чтоб поверил: я, честное слово, со всем уважением.

Король посмотрел на мои старания и покривился.

— Очень интересно, сын казначея, — проговорил он снисходительно. — Откуда, позволь узнать, прибыло это серокожее чудо?



Лисгард немного помялся, видимо, не успел придумать, как объяснить правителю мое появление в городе.

— Мы занимаемся этим вопросом, — проговорил он неуверенно.

Король приподнял бровь.

— То есть, — сказал он сурово, — ты привел в город солнечных эльфов неизвестную особу, непонятного рода и племени, которая нападает на мирных жителей?

— Нет, ваше величество, точнее... Ваше величество, все совсем не так... — попытался оправдаться высокородный.

Король вскинул ладонь и резко оборвал:

— Хватит. Достаточно того, что я увидел. Моя главная задача — защита жителей Эолума. Что бы там ни было, закон всегда на стороне города, — проговорил он и вперил в меня пронзительный взгляд. — Стража! Уведите ее вниз, закройте и не выпускайте, пока не вынесу дело на суд!

По залу прокатился вздох, эльфы замерли. Я урюмо покосилась на белокожих, те отшатнулись, словно я и правда совершила нечто вопиющее.

Король оперся на подлокотник костлявой рукой и откинулся на спинку трона, бормоча что-то под нос. Непонятно откуда возник конвой, стражники бесцеремонно схватили меня за локти и потащили прочь из зала.

Я забрыкала ногами и со злостью ударила в адамантиновую грудь.

— Лисгард! — крикнула я. — Ты обещал, что буду здесь в безопасности!

Эльф даже не заметил удара. Зато мне свело кисть — куда пальцам тягаться с непробиваемой бро-

ней из Черных рудников. Я закусила губу, затравленно уставившись на сына казначея.

Белокожий растерянно застыл посреди зала, глаза полыхают синим, руки дергаются то к кинжалу, то к лицу, взгляд мечется с короля на меня. Он нерешительно выступил вперед и отпихнул подбежавшего стражника.

— Ваше величество, — попытался он объяснить, — серая ведь не виновата. Миледи Генэль сама начала потасовку. Разве справедливо наказывать гостью за чужую неучтивость?

Король вцепился в подлокотник, губы перекосило. Он сделал глубокий вдох, но воздух будто застрял в груди. Светлоокий закашлялся, лицо посерело и вытянулось, как у уставшего единорога, взгляд затуманился.

Правитель как-то обмяк, показалось даже, стал меньше. Жилистая кисть приподнялась и дернулась, в воздухе раздался щелчок пальцев. У пола сверкнули искры, из-за трона с широкой улыбкой выскочил маленький паж с подносом. На нем серебристый кубок.

Эльфенок странно хихикнул и вручил королю. Тот залпом осушил содержимое и поставил обратно. Король неспешно выпрямился, кожа вновь засияла, как новый адуляр.

Он махнул рукой, отправляя пажа на все четыре стороны. Слуга отвесил шутовской поклон до самого пола, кувыркнулся и растворился в воздухе, только серебристое облачко осталось.

— Милорд Лисгард, — проговорил он, поправляя пальцами брови. — С каких пор жители Эолума стали для вас чужими? Или вы прониклись личной симпатией к непонятной особе и плюете на законы иерархии?



Щеки Лисгарда покрылись красными пятнами, кончики ушей вытянулись, словно перед ним не заботливый король, а опасный зверь. Высокородный сжал челюсти, аж вены на лбу вздулись.

— Я верно служу городу и королю, — проговорил он сквозь зубы.

Внутри все упало, я обреченно вздохнула, понимая, что снова сама за себя.

Покосившись в сторону, заметила Генэль. Пигалица стоит возле окна, служанка и подроспевшая высокородная поддерживают ее под локти. Вычурная прическа белокожей растрепалась, волосы висят безжизненными сосульками. Платье кое-где разорвалось, на щеке красуется красная пятерня. Но смотрит победно из-под полуприкрытых век.

А она хороша, подумала я. Выглядит оскорбленной невинностью, дует губы, брови домиком сводит. Если покачиваться начнет, белокожие кинутся подхватывать на руки, нести в покои и отпаивать ледяным молоком. Даже я лучше бы не сыграла.

Король удовлетворенно кивнул и окинул зал величественным взглядом.

— Тогда прошу наконец выполнить мой приказ, — проговорил он размеренно, — и заключить бунтарку под стражу. Я не собираюсь спокойно смотреть на драки в тронном зале.

Мне с трудом удалось высвободиться из цепких пальцев стражников. Тот, которого толкнула, подозрительно щурит глаз и косится на Лисгарда.

Я брезгливо хмыкнула и одарила сына казначея взглядом, от которого должен был расплавиться на месте. Кулаки сжимает, да только без толку, наглости перечить королю все равно не хватит.

Гвардеец протянул широкую ладонь и попытался снова вцепиться в руку.

Я глянула в упор и прошипела:

— Только попробуй, и я вырву тебе глаза.

Стражник изумленно отшатнулся, но больше не трогал, лишь кивнул в сторону выхода, мол, раз не прикасаюсь — шагай сама подобру-поздорову.

Сотни любопытных глаз сверлят меня взглядами, со всех сторон шепот, от мраморных колон даже смехики раздаются.

Я обвела взглядом присутствующих. Эльфы затаили дыхание, когда вскинула подбородок и грозно вытянула уши.

— Счастливо оставаться! — выкрикнула я, расправив плечи, и гордо захромала из зала в сопровождении конвоя.

Глава 10

Мы прошли по извилистым коридорам, через некоторое время ступеньки пошли вниз. Я хромаю, стопа горит ужасно. Несмотря на устойчивость к боли, в туфле хлюпает и шагать скользко. Стражники держатся подальше, делают невозмутимый вид, но пальцы лежат на рукоятях.

Один из них подал сигнал, мы остановились у небольшой двери с маленьким прямоугольным отверстием. Из щели между полом тянет свежим сеном и сырой землей. Я облегченно выдохнула, чувствуя, как из темницы тянет прохладой.

— Напугали эльфа гаюином, — тихо проговорила я.

Воин быстро открыл дверь, я шагнула в небольшую комнату с приглушенным светом. За спиной грохнуло, заскрипел замок.



В углу навален стог пахучей соломы, у противоположной стены над полом сияет матовый адуляр. Пол, как и в моих покоях, мраморный, стены чистые, хотя окон нет.

Хромая, пересекла комнату. Ногу запекло сильнее, словно у Генэль каблуки пчелиным ядом смазаны.

Возле стога я раскинула руки и рухнула в солому. Сухие устюки закололи в бока.

— Это вам не паучий шелк... — проговорила я с досадой.

Поерзала, непослушные стебли захрустели, если долго пролежу, получится настоящая колыбелька.

Я уставилась в посеревший от времени потолок и задумалась. Это становится традицией — кто-то постоянно берет меня в плен и заключает под стражу. Лисгард стоял и смотрел, как светлоокий указывает пальчиком, а меня чуть ли не за шиворот тащат в подвал.

Доверие к белокожему поубавилось, я решила, что пора выбираться из славного города Эолума.

Из-за стены донеслось капанье, я прислушалась. По звуку поняла — там какой-то канал, возможно, для отвода сточных вод, а может, просто с улицы подтекает.

Приподнявшись на локте, я посмотрела на ногу. Туфля безвозвратно испорчена, в ноге дыра. Кровь свернулась и взялась бордово-коричневой коркой. Но до настоящего заживления далеко.

Я с головой зарылась в сено, свернувшись калачиком. Под звук падающих капель за стеной я погрузилась в беспокойный сон. Перед глазами поплыли незнакомые лица, стаи ворон, страшная широкая река черного цвета. Кто-то звал меня по имени, но слов не разобрала....

Очнулась, когда в дверь осторожно поскреблись. Я медленно села и отплевалась от прилипшей к губам соломы, вкус у нее не очень.

— Если опять вздумаете распускать руки, — сурово проговорила я, — лишитесь ушей.

Послышалось шуршание ткани, затем раздался робкий голосок:

— Серая госпожа, это Рэниаль. Меня с ключом прислал милорд Лисгард.

Я поморщилась и фыркнула сонно:

— А чего сам не пришел? Боится сапожки запачкать?

За дверью повисла пауза, в замке тихо царапнуло. Затем дверь бесшумно распахнулась, на пороге возникла перепуганная служанка. Уши прижаты, глаза круглые, в руках сверток из тряпок и небольшая цветная баночка.

Рэниаль нерешительно шагнула внутрь и прикрыла за собой дверь.

— Если его величество узнает, — проговорила она дрожащим голосом, — что милорд помогает вам, разразится такое. Такое.... Я даже представить не могу. Война между Тенадруином и королем погубит город.

Я хмыкнула:

— Может, вам полезна встряска?

Рэниаль сделала вид, что не заметила сарказма. Правильно, меня ранили, я нервная, мало ли что сказать могу. Она прошелестела юбкой, подошла ко мне и опустилась на колени.

— Хозяин приказал обработать рану и дать новую одежду, — пробормотала она.

Я поджала здоровую ногу под себя и оперлась на ладони. По плечу прокатились колючие волны, наверное, отлежала во сне.



— А что не так с одеждой? — спросила я. — Или два часа в одном платье — преступление?

Служанка не ответила. Вместо этого осторожно взяла мою окровавленную стопу, медленно, чтобы не сорвать подсохшую корочку, стянула испорченную туфлю. Затем открыла одной рукой баночку и нанесла зеленоватую мазь на рану. Знакомое жжение охватило стопу.

— Чудо-травя! — выпалила я.

Служанка покосилась на меня голубым глазом и проговорила, продолжая мазать:

— Это снадобье из уртикании, травы, что растет за Птичьей рощей. Ее собирают во время рейдов, а мы готовим мази и настойки. Увидите, как быстро заживется рана!

Она довольно посмотрела на меня. Я закивала, делая вид, что очень удивлена и заинтересована.

Стопу охватило пламенем, я сцепила зубы и сидела с каменным лицом, наверное, минуты две. Потом жжение прекратилось. Рэниаль провела ладонью по корочке, та с треском отвалилась, под ней осталась здоровая серая кожа. Я пошевелила ногой — не болит.

Служанка удовлетворенно осмотрела стопу, потом протянула мне сверток, который лежал у нее на коленях, со словами:

— Серая госпожа, вам необходимо переодеться. Придворное платье не очень удобно для дороги.

— Дороги?

Рэниаль кивнула:

— Да, милорд Лисгард сказал, что после случившегося вы в опасности. Король слишком осторожен. Даже если вынесут на суд, едва ли дело кончится в вашу пользу. Он не захочет терпеть под боком бесконтрольного эльфа.

По спине пробежали мурашки, мелкие, но достаточные, чтобы испугаться. Когда служанка увидела, как изменилось мое лицо, почему-то вздрогнула. Я сперва нахмурилась, но потом постаралась сделать равнодушное выражение лица, хотя это не так просто, когда в голове две большие мысли — король и Талисман.

Поднявшись, я отряхнула солому с платья и спросила невозмутимо:

— Так почему он сам не явился?

Рэниаль вытаращила глаза:

— Король?

— Лисгард.

Уши служанки порозовели, она опустила взгляд и отшагнула.

— Его величество приказал милорду проводить обессиленную миледи Генэль в покои, — проговорила тихо Рэниаль.

— Ну конечно! — фыркнула я чересчур яростно. — Кто бы мог подумать. Она была так испугана, что не могла самостоятельно дойти до апартаментов. Куда уж мне, скромной серой эльфийке, до высокородной пигалицы. Ты в курсе, она продырявила мне ногу?

Рэниаль кротко кивнула. Бедняжка стоит с вытянутыми руками, в ладонях зажат сверток. Глаза покорно опущены, ждет, не шевелится.

Я чуть смягчилась — служанка не виновата, что ее хозяин болван. Она всего лишь выполняет приказы, и, надо заметить, хорошо выполняет.

Взяв сверток, я отвернулась к стене и размотала содержимое. В нем оказался странный запутанный наряд из тугой кожи и адамантиновых пластин, высокие сапоги на плоской подошве, щитки для защиты коленей и безрукавный плащ с капюшоном.



Несколько минут вертела наряд в руках, тупо разглядывала отверстия и швы, пытаюсь понять, куда и что просовывать. Наконец сдалась и повернулась к Рэниаль.

— Слушай, можешь с этим помочь? — попросила я. Служанка послушно кивнула и поднялась.

— Конечно, — проговорила она кротко. — Я знала, что серая госпожа будет в замешательстве. Но милорд сказал, вам должно быть удобно.

Я подозрительно прищурилась и уперла руку в бок. Другая удерживает ворох вещей, его приходится прижимать к груди.

— А что не так с нарядом? — спросила я.

Уши служанки еще сильнее покраснели, стали цвета спелой земляники. Она расправила швы и пролепетала смиренно:

— Давайте помогу вам переодеться.

Я с еще большим недоверием оглядела клубок одежды перед собой, но пожалала плечами. Швырнув его белокожей, я выскользнула из шелковистого наряда, бросила его на адуляр, свет в комнате стал еще приглушеннее.

Служанка ловко поймала, словно всю жизнь только и занималась, что хватала на лету господские вещи. Она сделала вид, что совершенно не смущается моей наготы, хотя кончики ушей по-прежнему пунцовые.

Я смотрела, как она деловито перекручивает блестящие пластины, укладывает по швам, окидывая критичным взглядом. Спустя несколько минут возни с пуговицами и завязками Рэниаль удовлетворенно выдохнула. Затем осмотрела отверстия в одежде.

— Миледи, пожалуйста, вот сюда обе ноги, — под сказала она.

Я повиновалась.

— ...та-ак, теперь руки.

Я покорно просунула голову в переплетенный пластинами кусок, служанка потянула вниз, затем чем-то щелкнула на поясе.

— Дикая конструкция, а не наряд, — проворчала я. — А если придется раздеться, как сама потом облачусь?

Рэниаль проигнорировала мое недовольство. Вместо ответа она быстро отбежала назад и оглядела меня.

— Ну вот, остались только сапоги и плащ, — проговорила служанка довольно.

Я не глядя сунула ноги в ботфорты, плотная ткань легла на плечи, замок застегнулся сам. Пошевелилась — вроде удобно, гораздо удобнее, чем в платье. Даже несмотря на то, что тут не декольте, а вообще непонятно — кожаный корсет с адамантиновыми пластинами. На ногах тугие брюки с низким поясом и блестящими клепками. Сапоги из легчайшего материала, в таких будет отлично бегать. Больше всего понравился плащ с капюшоном.

Рэниаль подтянула к подбородку какую-то тряпку и застыла с открытым ртом.

Я стала разглядывать себя со всех сторон. Только теперь выяснилось, что не так с нарядом — грудь слишком открывает, и брюки низковато.

— Не слишком, эм... откровенно? — спросила я, поворачиваясь к служанке.

Рэниаль секунду стояла, как замороженная, глаза круглые, челюсть вот-вот до пола отвалится. Потом резко очнулась и быстро-быстро закивала:

— Может, немного. Но, миледи, вы великолепны! В жизни не видела ничего прекраснее. Самые яркие



красавицы Эолума удавились бы от зависти. А ваша кожа в этом свете, это просто невероятно!

Она была так искренна и бесхитростна, что я не удержалась и улыбнулась, что делаю крайне редко. Затем провела рукой по серебристым волосам и чуть не замурчала от удовольствия — мягкие, как шелк. Аккуратно завернув их кольцом, я накрылась капюшоном. Стало неожиданно уютно и спокойно, словно плащ способен спрятать и защитить.

Рэниаль с непривычной для белой эльфийки прыткостью подскочила к адуляру. Она сорвала платье с камня и скрутила в узел. Темница вновь наполнилась мягким светом, щитки на одежде заблестели, заиграли солнечными зайчиками на стенах.

Я сделала пару шагов и прислушалась к ощущениям в ногах — стопы уютно лежат в добросовестно выделанной коже. Хорошо сделали, на пару сотен лет точно хватит.

Служанка стремительно простучала каблучками до двери и заговорила почему-то шепотом:

— Серой госпоже нужно немедленно уходить, сейчас придет ночной караул.

Она осторожно приоткрыла дверь, высунула нос в коридор и помахала.

— Скорее, миледи, пока никого нет, — сказала она.

Я в два прыжка оказалась рядом. Осторожно выглянув в проход, повертела головой; когда убедилась, что коридор пуст, выскользнула из темницы. Сзади раздался наставительный шепот.

— Миледи, вам прямо по коридору, на развилке — налево до маленькой черной двери в стене. Толкнете, там открыто. Дальше прямо, и не сворачивайте, иначе запутаетесь в тайных ходах прислуг.

— У вас и такое есть? — впечатленно проговорила я.

— Конечно, — ответила служанка смущенно. — Коридор выведет прямо к городской стене, там будет ждать милорд Лисгард.

Я не удержалась и съязвила:

— Сам?

Рэниаль не заметила сарказма, она кивнула и про-
изнесла:

— Да. Он выпустит из города.

В глубине коридора слышались лязгающие шаги караульных. Вытянула уши, ага, их двое, говорят о чем-то. Ах, ну конечно, о чем еще.

— ...а потом она выдрала клочок волос у миледи Генэль и стала избивать бедняжку у всех на глазах.

— Ты ерунду говоришь, не могла дочь архитектора связаться в драку.

— Клянусь сияющим источником, сам видел!

— Ладно тебе, Генэль — та еще штучка. Все знают, как увивается за высокородными лордами.

— Следи за словами, друг, у этих стен уши больше твоих.

— Это точно...

Я скомканно поблагодарила Рэниаль и бросилась вниз по коридору. Плащ раздулся, как крылья огромной птицы, даже хотела проверить — может, взлечу. Подошвы сделаны из какой-то упругой кожи и совершенно бесшумны.

На удивление быстро добралась до развилки. Я проморгалась, зрение перешло на ночное, детали стали четче, цвета ярче. Несколько секунд прислушивалась, затем сделала шаг в левое ответвление.

Из другого тоннеля сильным сквозняком потянуло чем-то вроде глины и лимонника. Я закрыла глаза,



принюхалась, в голове пронеслись образы — белокожий эльф в многослойной одежде восседает в кресле, несколько служанок хлопочут вокруг. Кажется, готовят ко сну. Ага, теперь светлоокий встает, шагает куда-то в проем. Пришлось повернуть уши вперед и напрячь слух. Мельчайшие капли воды шелестят по полу — его величество совершает вечерний туалет.

В голове вспыхнула безумная мысль — гаюин.

Я, как заколдованная, развернулась вправо, ноги понесли вверх по каменному коридору. То и дело приныхиваюсь, безотказный нос надежно ведет по кривым переходам и анфиладам. Пока бежала, убеждала себя, что мне этот камень куда нужней, чем спрятанному за эолумской стеной королю.

Через некоторое время в коридорах посветлело, появились окна с широкими подоконниками, на краях витиеватые узоры из гибкого металла. Лестница пошла вверх по кругу, приходится постоянно сбавлять скорость.

Оранжевые лучи вечернего солнца отражаются от мраморной поверхности и рассеиваются в воздухе, по башне плывет матовая дымка. Похоже на свет от адуляров, хотя тут ни одного не видно.

На бегу выглядываю в окна — далеко внизу шумит Эолум с множеством башен, арок и мостов. По улицам ползают крошечные горожане, доносится грохот кузниц, в воздухе ароматы кухонь и цветочных духов. Один раз так засмотрелась, что чуть не вывалилась.

Показалось, что бегу целую вечность. Король забрался в самую высокую башню города. Даже выше донжона. Тот стоит у левого крыла, красивый до слез, но выглядит как брат-карлик рядом с королевской башней.

Наконец в конце хода вынырнула массивная дверь. Я перепрыгнула через последние ступеньки и подняла уши. За стеной плеск воды — король все еще совершает омовение высокородных телес.

Потянула носом, запах служанок все еще витает, но слабый, значит — ушли. Я осторожно нажала на дверь, створка бесшумно поползла в сторону. Просунувшись внутрь, я на цыпочках прокралась на середину комнаты.

Покои сделаны не просто дорого, а неприлично дорого. Достаточно взгляда на гигантскую золотую кровать, чтобы понять — тут спит король. Тонкие, как паутина, балдахины расшиты мелкими кристаллами, от шагов перламутровый пол расходится кругами.

Я обалдело оглянулась. Стены переливаются бледно-голубым в свете адуляров, кристаллы размеренно качаются в шаге над полом. На потолке перемещаются мерцающие камешки. Пригляделась — оказалось, болотные светляки. Жучки лениво ползают по матовой поверхности, брюшки ярко пульсируют, из шеренг и рядов создаются замысловатые узоры.

Я опустила взгляд и замерла.

На рубиновом прикроватном столике лежит адамантовый венец, белоснежный камень в середине маняще сверкает. Я в один прыжок оказалась рядом, пальцы сами цапнули корону, я принялась ее вертеть.

— Корона не нужна, — прошептала я одними губами. — Зачем мне символ городской власти? А вот камешек...

Осмотрела гнездо, камень удерживается незатейливыми подогнутыми зубцами. Попробовала подковырнуть ногтем — чуть палец не вывернула.

Я зло простонала, пришлось повертеть головой в поисках подходящего для ковыряния предмета. На



глаза попало письменное перо с алмазным наконечником.

Подхватив его, я принялась совать между зубцами. Гаюину, похоже, механические повреждения не страшны — камень продолжает мягко светиться в гнезде. Спустя десяток попыток наконец удалось отколупать.

Чтобы завоевать себе хоть немного времени, я положила корону отверстием к стене. Сияющий комочек сунула в корсет, перо, как ни хотелось, пришлось вернуть на место. Я еще раз оглядела королевские покои, убеждаясь, что не наследила, и выскользнула в дверь.

Как ошпаренная, я понеслась вниз мимо широких окон и оплетенных плющом камней. Стены замелькали по бокам, бегу через четыре ступеньки, страх и азарт подгоняют, вот уж точно — охота пуще неволи.

Башня кончилась, потянулся бесконечный витиеватый коридор с брусчатым полом. Коварные ответвления зияют дырами в стенах, но мышечная память надежно ведет по изгибам.

Сбоку раздался шум, запоздало поняла, что упустила из виду чье-то приближение. Из-за этих треклятых поворотов эхо исказило звуки.

Я выругалась про себя и притормозила пятками, послышался тихий скрежет, словно где-то остановилась несмазанная телега.

Через секунду передо мной возникла леди Генэль, в свежем наряде, таком же кричаще-вызывающем, как и тот, что я испортила.

На мгновение обе застыли. Она неподвижно пялится на меня круглыми голубыми глазами, пальцы сжимают небольшую сверкающую сумочку. Затем белоухая медленно открыла рот, из него раздался самый противный крик, который я когда-либо слышала:

— Побег! Стража! Побег!

Момент всеобщего оцепенения кончился. Я с рывком оттолкнула вопящую пигалицу и кинулась вниз по коридору.

Глава II

Истеричные вопли белоухой заставили ускориться. Сапоги бесшумно касаются отполированной брусчатки, ритмичное дыхание почти бесшумно, словно я создана для бега. Камень под корсетом улегся в какую-то складку на ткани и плотно закрепился, хоть что-то в мою пользу.

Наконец показалась развилка. Я на бегу схватилась за стену, пролетела по воздуху в крутом повороте, плащ устрашающе распахнулся.

Ловко приземлившись на обе ноги, помчалась в левый коридор. Уши уловили тревожное оживление в начале тоннеля, послышался лязг адамантина. Через секунду разобрала голоса. Говорят не четко, но раздраженно и недовольно.

Я припустила так, что чуть не пробежала мимо указанной дверцы. Она оказалась едва заметной и совсем маленькой. Я решительно толкнула створку и протиснулась внутрь.

Тоннель оказался уже, чем ожидала. Потолок низкий, пришлось пробираться, согнувшись пополам, и цепляться капюшоном за влажную побелку. От стен пахнет отсыревшей известью и глиной, из-за них доносятся звуки капель, в балках скрипят личинки древоедов.

Спустя вечность я выползла на поверхность из крошечного входа. Плечи испачкались в побелке, я быстро отряхнула и повертела головой. Справа прямо в брус-



чатке большая бронзовая решетка. Прутья блестят в закатных лучах, снизу доносится шумный плеск. Я осторожно потянула воздух, боясь вдохнуть какую-нибудь гадость. В носу зашекетало от запаха тины и ароматических масел. Слив для дождевой воды оказался напوماжен не хуже прически высокородной эльфийки.

Меня передернуло от мысли, что кто-то, словно раб, ползал по стокам и промазывал камни притирками. Бросив еще один взгляд на решетку, я осторожно высунула нос из-за угла.

Улица пустая. Прячась за кустами и вазами с меня ростом, короткими перебежками я направилась к городской стене.

Когда до нее осталось всего два шага, из тени кипариса выступила закованная в броню фигура Лисгарда. Он схватил меня и втащил в заросли.

Я задергалась, как пойманная в силки лиса, когда наконец высвободилась, проговорила:

— И тебе привет, предатель.

Он даже рот раскрыл.

— Я организовал побег! — изумился Лисгард. — Почему предатель?

Белокожий смотрит синими глазами, во взгляде недоумение и что-то, от чего по спине бегут мурашки и сердце начинает биться чаще.

— А кто клятвенно заверял, что в Эолуме меня ожидает райская жизнь? — недовольно спросила я и засунула выбившиеся волосы под капюшон. — Что никто и никогда не посадит в темницу? Самое отвратительное, ты кинулся помогать совсем не мне.

Пока я изливала гнев, Лисгард слушал, не отрывая взгляда, в глазах странные огоньки, челюсть сжата, белоснежные волосы колышутся от вечернего ветерка.

Когда словесный поток иссяк, я поправила корсет и сделала глубокий вдох. Он все еще молча смотрел на меня странными глазами, я осторожно выглянула из-за его плеча, надеясь вовремя заметить появление стражников.

На брусчатке все еще пусто, только густые плющи покачиваются, свисая с балконов. Свет вечернего солнца отражается на белоснежных стенах, от этого кажется — город охвачен огнем.

Я с подозрением глянула на белокожего. Тот все еще таращится, словно впервые увидел.

— Ты разве не рискуешь ушами, помогая мне? — спросила я с сомнением и отшагнула. — С чего вдруг такая забота?

Лисгард покосился в сторону перекрестка, откуда в любой момент могут выбежать закованные в доспехи стражники.

— Рискую, миледи, — ответил он, подергивая жвалками. — Но мой долг, как высокородного эльфа, быть на стороне справедливости и чести.

— А как же служение королю? — поинтересовалась я.

Высокородный вскинул подбородок:

— Король принял поспешное решение. Но мнения не изменит.

Я еще несколько секунд разглядывала белокожего, опасаясь обнаружить подвох. Но солнечный смотрит уверенно, белоснежные волосы колышутся на ветру, взгляд внимательный и серьезный.

— Убедил, — произнесла я, потирая мочку под капюшоном. — Нужно бежать отсюда.

— Точнее не скажешь.

— Но мне нужно к Забытой горе.



Белокожий нахмурил лоб, взгляд скользнул по декольте.

— Откуда вы знаете о ней? — спросил он настороженно.

Я провела ладонью по шершавому камню в стене и отмахнулась не глядя.

— Птичка шепнула.

— Что, интересно, за птичка нашептала серой эльфийке о чародейском месте? — сказал он, подозрительно прищурившись.

Я пожала плечами и улыбнулась, высокородный понял, что рассказывать, откуда у меня сведения, не стану. Его уши вытянулись, взгляд стал холодным. Думала, сейчас вызовет огненный шар и от меня останется лишь горстка пепла. Но белокожий промолчал, плотно сжав губы.

В начале улицы послышалось оживление, раздался топот, звон доспехов и зычные команды. Грохот адамантиновой брони эхом разлетелся повсюду, словно в Эолуме все разом принялись проверять его прочность.

Я быстро шевельнула ушами. Лязг металла все сильнее, стража множится, как грибы после дождя.

— Вы все безумные, — сказала я и нервно сцепила пальцы. — То не говори, это не носи, так не смотри.

— Это иера...

Я оборвала:

— Ох, ладно. Тут другая проблема.

— Какая? — устало спросил высокородный.

— Меня видела твоя белоухая подружка, — сообщила я, выглядывая из-за угла. — Панику подняла.

Лисгард раскрыл рот для возмущенной отповеди, странный взгляд все еще ползает по мне, кадык подрагивает. Но в последний момент, видимо, понял, что не

время для нравоучений. Он решительно приблизился к стене и толкнул пару камней.

Небольшая плита поползла в сторону, открылся маленький, но такой желанный проход на свободу. Я выпучила глаза, хотела высказать ему все, что думаю о солнечной магии, но слова застряли в горле.

Пришлось наклониться и протиснуться в отверстие. Когда дар речи вернулся, я едко поинтересовалась:

— Обязательно было тащить меня через огненные ворота?

Он виновато пожал плечами, поддерживая под локоть.

— Это была необходимость, — проговорил Лисгард. — Ворота, как понимаете, гарант вашей доброжелательности. Кроме того, как бы вы проехали тут на Аруме?

Я наконец вылезла наружу, плащ зацепился за ветку шиповника, я осторожно сняла. В нос ударила волна вечерних запахов, едва голова не закружилась.

Возле стены раскинулись темные заросли кустарников, на ветках, словно капли крови, алеют мелкие ягодки. Трава густая, почти до колен, в ней таинственно трещит сверчок.

Я обернулась. Рядом с проходом, между стеной и кустом, в закатных лучах блестит паутинка. Паука не видно, но наверняка сидит где-то рядом, возле сигнальной нити, чтобы моментально среагировать, когда в сеть попадетсся нерадивая мошка.

В проходе показалась белокурая голова с сосредоточенным лицом, Лисгард дернулся в сторону и чуть не порвал тонкую паучью работу.

Я шикнула:

— Осторожней, громила. Паука не придави.



Белокожий что-то пробурчал под нос, но все же уклонился от паутины. Затем перешагнул через каменный бортик и отошел в сторону, от греха подальше.

Он снова окинул меня странным взглядом, в глазах мелькнули едва заметные тени. Белокожий бережно вытащил из-за пояса блестящий кинжал с волнообразным лезвием и протянул мне.

— Это керис, — проговорил он с достоинством. — Возьмите, мало ли что может случиться в дороге.

Я осторожно взяла клинок, от лезвия исходит слабое матовое сияние, а может, свет так падает. На металле различаются мелкие замысловатые узоры, рукоять из темного дерева изящно изогнута.

Несколько секунд любовалась клинком, потом сунула его в пустые ножны на бедре, которые обнаружила, пока в темнице разглядывала наряд.

Лисгард смотрит на меня с беспокойством и даже заботой, руки скрещены на груди, голова чуть наклонилась вперед, взгляд внимательный и сосредоточенный. Кончики белых ушей полыхают, как вечернее зарево, и нервно дергаются.

В груди потеплело, чувство благодарности накатило с неожиданной силой, я едва не кинулась на шею белокожему, чтобы поблагодарить как полагается. Сдержало чувство достоинства и внутреннее чутье.

Он шумно глотнул и проговорил:

— Вы великолепно выглядите, миледи Каонэль.

Мне стало еще теплей, захотелось улыбаться и кокетливо хлопать ресницами, словно высокородная эльфийка. Если бы не капюшон, белокожий увидел бы, как задрожали и покраснели кончики серых ушей.

Лисгард выдержал манерную паузу, наверное, понимает, что не разбираюсь в этикете.

— Вам нужно до темноты пересечь поле, — проговорил он учтиво. — Король поймет, кто вам помог бежать, но долго гневаться не станет.

— Уверен? — с сомнением поинтересовалась я.

Лисгард кивнул:

— Он не захочет из-за этого ссориться с Тенадруином.

Я отвернулась и сделала вид, что разглядываю паутину, где в цепких лапках паука уже обреченно жужжит полосатая мушка. Паук быстро перебирает ножками, туго оплетая жертву белым коконом. Скоро он сядет ждать, пока внутренности мушки превратятся в вязкую кашу, тогда вернется и выпьет без остатка.

Закат залил полнеба расплавленным золотом, окрасил облака яркими полосами, даря последние лучи уходящему дню. С запада надвигается лиловая темнота, за ней движется другая, ночная жизнь, полная таинственных звуков и загадочных существ.

Я потянула носом — в вечернем воздухе появились первые капельки влаги, ночью сядет туман. Потом перевела взгляд на белокожего. Чувство тепла резко оборвалось, на его месте появилось свербящее ощущение, под ребрами ухнуло. В животе погорячело, будто горячую жабу проглотила, а она скачет и пытается выбраться.

Я запахла плащ, прикрыла глубокое декольте. Пришлось посильнее натянуть капюшон, чтобы не видел, как полыхают уши. Затем предусмотрительно отступила на шаг.

— Э... Лисгард, — начала я.

— Да?

— Думаю, король будет очень зол.

Он поднял брови и шагнул к потемневшей в сумерках стене, левое ухо дернулось. Высокородный вопросительно уставился мне прямо в глаза.



По спине прокатилась холодная волна, я тряхнула головой и сделала глубокий вдох. В голове пронеслись десятки версий того, как отреагирует белокожий на то, что сейчас скажу. Среди них самая миролюбивая, в которой отрезает мне уши.

— Ты как относишься к жизни без солнечного источника? — начала я издалека.

Белокожий отшатнулся, левая рука невольно коснулась эолумской стены. У меня внутри все сжалось.

— Никогда об этом не думал, — сказал он.

— А без покровительства Тенадруина?

Лисгард встревоженно поднял уши, брови сшиблись на переносице.

— К чему вы клоните? — спросил он с нажимом.

Я несколько мгновений молча изучала укладку камней в стене, пытаясь подобрать слова помягче. Затем перевела виноватый взгляд на высокородного и произнесла:

— Понимаешь, как бы это сказать. Я позаимствовала у короля камешек.

Лицо белокожего позеленело, глаза по-совиному выпучились и застыли, уши вытянулись в две остро-конечные пики.

Солнце полностью скрылось за горизонтом и уступило место ночному собрату. Небо укрылось темным бархатом, на Светлолесье быстро опустились сиреневые сумерки, будто кто-то в один миг погасил свет. Растительность почернела, стала похожа на темные колышущиеся пятна. Воздух моментально остыл. По долине разлилось стрекотание и писк вечерних мошек, которые просыпаются с первых минут наступления ночи.

Из-за стены донеслось лязганье и грохот адамантинной брони. Я пошевелила поочередно ушами — нет,

пока далеко. Потом осторожно заглянула в дыру. На улице Эолума стемнело, пустая дорожка, высокие окна над горшками с плющом, одинокий светлячок ползет по стене.

— Если вовремя закроем проход, они узнают, с какой стороны выбрались, — проговорила я, отойдя обратно в траву.

Лисгард все еще стоит и неверяще смотрит на меня, пальцы сжаты в кулаки, ноздри раздуваются, как у рассерженного единорога, в глазах синее пламя.

Он несколько мгновений прожигал меня взглядом, затем спросил, голос прозвучал сдавленно и хрипло:

— Вы украли белый гаюин?

Я молча кивнула, белокожий дернулся к стене и рывкнул так, что подпрыгнула от неожиданности:

— Вы в своем уме?

Он с силой налег на каменную плиту, монолит застонал и медленно пошел вперед, пока не встал на место. Камни легли плотно, словно никогда не сходили с места.

Лисгард развернулся ко мне, лицо искажено гневом, по лбу скатилась крохотная капелька пота и оставила блестящую дорожку. Дрожащие пальцы вытерли лоб, он шагнул ко мне. Локти сжала железная хватка.

— Вы понимаете, что сделали? — проговорил он глухо.

Я резко дернулась и заерзала, высвобождаясь из цепких лап.

— Понимаю, — проговорила я и стала поправлять край плаща, чтобы не смотреть в глаза белокожему. — Вручила предмет тому, кто в нем больше нуждается. То есть мне.

Он обреченно простонал и закатил глаза, затем положил ладонь на рукоять и стал ходить туда-сюда.



В траве протопталась короткая дорожка. Несколько мгновений белокожий молчал, потом вскинул голову и манерно запричитал:

— Что вы за создание такое? Не эльфийка — а сплошная проблема. Нет, я не жалею, что спас вас. Но скажите, как можно было додуматься украсть камень у короля?

— Он мне нужнее, — буркнула я.

— Правитель расстанется с ним, только когда принимает водные процедуры, — продолжал негодовать белоухий. — Гаюин теряет защитные свойства от контакта с водой. В это время служанки охраняют камень.

Я сложила руки под грудью и пожала плечами.

— Не знаю. Видимо, они устроили себе выходной, — сказала я и отвернулась.

Лисгард не унимался:

— Да поймите, белый гаюин — редкий и сильный камень. Король меня в порошок сотрет. За пособничество воровке, даже отец не поможет.

Я огрызнулась:

— Не воровке, а справедливой эльфийке.

— А про побочный эффект вы подумали? — спросил он.

— От него рога расти начинают? — спросила я с напускной небрежностью.

Лисгард остановился возле куста с паутиной и фыркнул через плечо:

— Нет, миледи. Он ослабляет тело, если долго носить при себе. Но это не так заметно, как откат после активного использования.

— Чего?

Лисгард скривился.

— Камень защищает хозяина от любого воздействия железа, — терпеливо объяснил он. — Но отнимает жизненные силы.

Я облегченно выдохнула и расслабила плечи.

— Ах это. Ну как-нибудь справлюсь.

— Миледи, не глупите, отдайте мне камень. Я верну его королю, и все забудется.

Рука дернулась к складке на корсете. Лисгард протянул руку, взгляд строгий и одновременно умоляющий. Кожа чуть светится в вечерних сумерках, волосы колышутся на ветру. В глазах что-то притягательное и странное, почти как у отца.

По венам поползло теплое, словно кто-то пустил по ним медовый нектар, мир расплылся, перед глазами осталось лишь идеальное лицо высокородного.

Неожиданно наваждение слетело, я отступила к кустам. Лисгард непонимающе поднял брови, рука опустилась, он задумчиво хмыкнул и потер подбородок.

Стараясь не смотреть на него, я сложила руки на груди и выгнула спину.

— Ну что ж, подойди и возьми, — проговорила я с вызовом.

Белокожий медленно опустил взгляд на вырез корсета, уши покраснели, как вечерний закат. Он шумно сглотнул и отшагнул к стене.

Лисгард с трудом отвернулся и процедил:

— Миледи, вы вынуждаете меня покинуть дом. Понимаете, что в Эолуме без камня меня ждет позорная казнь?

Я кивнула, но не шелохнулась, еще и вздохнула тяжело, чтоб понимал — без него мне в дороге будет очень туго.



Грохот за стеной стал отчетливее, похоже, стража рассредоточилась по городу и проверяет каждый закоулок. Как же вовремя Лисгард задвинул плиту. Прислушалась к крикам, воины уже всю сплетничают и передают по цепочке новости.

— ...украдала... по коридору слуг...

— ...приказ...

— ...сын казначея... замешан...

Я поспешно развернулась к белокожему, который все еще не верит, что придется бежать. Взгляд выжидательный, словно ждет, что сейчас извинюсь, верну камешек, и все само собой разрешится.

Решительно шагнув к Лисгарду, я опустила ладони ему на плечи и внимательно посмотрела в глаза.

— Лисгард, надо бежать, — проговорила я. — Сейчас. И очень быстро. Не знаю, почему солнечные эльфы так плохо слышат, но мои уши просто разрывает от звуков. За стеной готовятся к массовым поискам. И ты входишь в планы по раздаче кнутов.

Он несколько секунд испепелял меня взглядом, затем уши нервно зашевелились, видимо, расслышал приближение стражи. Белокожий резким движением сбросил мои руки и шагнул в темноту кустарника.

— Ох, миледи... — процедил он оттуда.

В сумерках мы двинулись через заросли шиповника и кустов малины. Я старалась шагать осторожно, чтобы не ломать веток, белокожий особо не церемонился — пер как кабан. Но кусты после него оставались целыми.

Только подумала, что глупо оставлять растения прямо у городской стены, кустарник резко закончился, впереди раскинулось широкое поле с невысокой травой. Стебли мерно покачиваются, шелестят

на ветру, вечерняя роса блестит, как крошечные алмазы.

Я оглянулась и простонала:

— Нас тут даже слепой заметит.

Лисгард сердито бросил через плечо:

— Если бы миледи не страдала жадностью — уже была бы далеко отсюда, не рискуя быть подстреленной с городской стены.

Я кивнула и добавила:

— Далеко, в гордом одиночестве, хрупкая и беззащитная перед опасностями огромного мира.

Сын казначея подозрительно покосился.

— Расскажите об этом миледи Генэль, — проговорил он глухо. — Она до сих пор в себя прийти не может после драки.

— Генэль выглядела вполне здоровой, когда вопила о побеге на весь коридор, — заметила я.

— Потому, что она верноподданная короля.

— Хорошо, — согласилась я. — Но вспомни, кто начал драку.

Лисгард надулся и замолчал, косясь на меня. Пока продирались через кусты, слышала, как он натужно дышал, бубнил под нос. Нас даже посещали желания извиниться, объяснить, как важно добраться до горы, но тут же исчезали, когда он намеренно отпускал ветки в лицо. Еле успевала уворачиваться.

Теперь высокородный стоит, пригнувшись в тени кустов, и усиленно трет подбородок. Мне надоело жать, пока он соберется с духом. Я пнула в локоть и присела на одно колено для старта.

— Лисгард, долго еще? Вон там начинается лес, в нем и скроемся.

Он уперся ладонями в колени, спина вытянулась.



— Миледи Каонэль, мы в ловушке, — проговорил он обреченно. — Стоит высунуться на открытое пространство — сверху обрушится град стрел.

Я охнула:

— Интересно, ты собирался дать сбежать, зная, что меня расстреляют?

Он покачал головой и сказал:

— Никто бы не выставлял дополнительных лучников, оставь вы камень королю.

В груди потяжелело, я нахмурилась. Совесть шепчет, что поступаю не очень хорошо, но она же подсказывает — если не верну память, будет еще хуже.

Капюшон сполз на лоб, пришлось поправлять и цеплять за уши, чтоб не ерзал. Когда закончила, подняла взгляд на белокожего. Тот смотрит с тревогой и одновременно победно. Мол, гаюин у тебя без малого полчаса, а проблем больше, чем пользы.

Я сильнее уперлась ногами в землю, мышцы налились и сжались, готовые в любую секунду выстрелить и помчать меня хоть на край света. В затылке разлилось знакомое тепло, даже на шею заползло немного.

Оглядела поле, затем прикинула расстояние до леса — всего три-четыре перелета стрелы. Если рвануть и петлять зайцем, есть шанс добраться до деревьев живыми. И даже целыми.

Бросив косой взгляд на Лисгарда, я увидела, как он подобрал с земли какую-то ветку, крепкие пальцы нервно ее ломают.

— Если удастся проскочить, — спросила я медленно, — они все равно вышлют отряд и догонят. Так?

Белокожий хрустнул остатком ветки. Брови сдвинулись, уши подрагивают, как от сильного ветра. Глаза сосредоточенно смотрят на восток.

Я проследила за взглядом солнечного эльфа, но ночное зрение ничего не показало, кроме поросшего травой поля и темной полосы деревьев. Повернувшись, я вопросительно подняла бровь и стала делать подталкивающие жесты, чтобы он объяснил, в чем дело.

Но сын казначея лишь сильнее вглядывается в сумерки, губы сжаты, нос шевелится, как у белки. Не знаю, сколько он так стоял, когда наконец шевельнулся, колени у меня затекли.

Лисгард вздохнул так тяжело, будто все печали мира опустились на плечи.

— Нет, — проговорил он утрюмо.

Я уже забыла, о чем шла речь.

— Чего?

— Отряд не вышлют, — пояснил высокородный.

Я подозрительно прищурила левый глаз и наклонила голову.

— Почему это?

Белокожий сдвинул брови, пальцы сжались на рукояти мечей, проговорил загадочно:

— Они не решатся выйти за пределы Эолума этой ночью.

Я не удержалась:

— Солнечные эльфы боятся темноты?

Лисгард бросил на меня холодный взгляд, полный снисхождения, льдины глаз остекленели, застыли, будто смирились с неизбежным. У меня по спине пробежала холодная струйка и затерялась внизу, где брюки обтягивают особо плотно.

Он сказал ровным, обреченным голосом:

— Не темноты, миледи. Того, что в ней.



Я хмыкнула, делая вид, что не переживаю из-за таких мелочей, но внутреннее чутье тревожно шевельнулось. Ночное зрение в сумерках не работает, пришлось щуриться и вертеть головой в поисках возможного источника опасности. Затем потянула воздух. Уловила лишь запахи ночных трав и цветов.

Чтобы удобней было перемещаться, я попыталась запихнуть непослушные пряди под капюшон. Серебряные локоны долго сопротивлялись и не хотели оставаться накрытыми, но когда просунула их под кулиску, все же улеглись.

— У меня с темнотой все в порядке, — сообщила я. — Сейчас окончательно стемнеет и спокойно пересеку поле.

Лисгард не смотрит на меня, взгляд устремлен куда-то вдаль, в изгибах доспехов отразился тонкий серп молодой луны. Сумерки непривычно быстро превратились в полноценную темноту, воздух почернел и будто уплотнился. Видимость на секунду размылась, затем в голове что-то сработало — я полностью перешла на ночное зрение. Картинка моментально обрела глубокую рельефность, детали — четкость, а цвета — контрастность.

Белокожий стал бледней, чем обычно, и проговорил бесцветным голосом:

— Вот и дождались.

С востока потянуло сыростью и тиной, Лисгард кивнул влево. Я проследила взгляд.

Со стороны, откуда пришла ночь, появилось небольшое мутное облачко. Медленно расширяясь, оно поглощало кусты и деревья, превращая мир в сплошное серое пятно.

Глава 12

Лисгард напряженно косился на туман, пальцы сжали рукояти мечей до белых костяшек, плечи поднялись, голова наклонилась, как у готового к атаке быка.

Я глянула в ночное небо — месяц медленно плывет в черноте, заливая поле призрачным светом. Трава колышется в струях ветерка, между ночных фиалок порхают толстобрюхие мотыльки. Возле леса воздух мерцает блуждающими точками — светлячки совершают еженощный перелет.

Перевела взгляд на белокожего, тот нелепо шурится, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в непривычной для него темноте.

— Вроде стемнело, — неуверенно проговорила я. — Мы в безопасности?

Лисгард хмыкнул, не отводя взгляда от серого тумана.

— Очень сомневаюсь, — сказал он. — Миледи, вы хорошо бегаете?

Я с сомнением посмотрела на белокожего. Думала, издевается, но лицо серьезное, взгляд внимательный.

— То говоришь, нельзя бежать, стрелять будут, — проговорила я растерянно. — Теперь гонишь вперед. В чем дело?

Лисгард быстро посмотрел на меня, затем смерил взглядом расстояние до леса и снова уставился на расширяющийся туман.

— В лесу можно укрыться на деревьях, — таинственно заключил высокородный.

Из серой дымки раздалось хлюпанье, будто кто-то швыряет на землю кучи мокрого белья. Шлепки равномерно следуют за кромкой тумана, не решаясь



покидать пределы сырого покрова. Через несколько секунд послышалось глухое хрипение и топот многочисленных ног.

Или лап.

Волосы на затылке зашевелились, я нервно сглотнула, подняла уши, стараясь не пропустить ни одного шороха. Чтобы лучше разобраться, два раза быстро втянула воздух.

Перед глазами пронеслось нечто странное и размытое. Четко разглядела растения — вот ночные цветы, так, здесь куча камней, под ними жирные личинки. А дальше — мутные большие пятна гигантскими прыжками перемещаются в тумане. На самой его кромке будто ударяются о невидимую стену и ждут, когда дымка расползется дальше.

Я развернулась к замершему в боевой стойке белокожему и проговорила испуганно:

— Что за дрянь тут творится?

Он мотнул головой и сказал обреченно:

— Это смарги. Жуткие, голодные создания. Они всегда приходят с туманом.

Лисгард произнес так, будто это означает конец. Лицо восковое, словно уже всем богам помолился, покался и готов принять священную смерть от лап жутких тварей.

Волна страха вперемешку с гневом закипела где-то в районе живота и поползла вверх. Во рту пересохло, пальцы затряслись, готовые вцепиться в глотку смиренному белоухому.

Как из-за стены услышала собственный голос:

— Какой дурень додумался построить город в логове чудовищ?

Лисгард ошетинился.



— Думаете, здесь просто так стены в сотню блоков высотой? — гаркнул он в ответ. — Они последние пятьсот лет каждые полгода являются.

— Вы тут живете? — неверяще выдохнула я.

— И здравствуем, — бросил солнечный эльф. — Если не натыкаемся на прекрасных серых эльфиек, от которых ум...

Он запнулся, уши вытянулись, словно струны лютни, я ждала, что закончит, но Лисгард сжал губы. По лицу скользнула тень обреченности, но взгляд воинственный, жвалки играют, будто человека встретил.

Я поинтересовалась, чувствуя, как у самой начинают трястись колени.

— Так что делать? Бежать?

Он зло посмотрел на меня.

— Вы на удивление сообразительны, — съязвил высокородный.

Я сорвалась с места, как испуганная лань. В голове мелькнула мысль — спастись от града стрел было бы проще. Свист стрелы за четверть перелета слышно, а эти твари вообще непонятно как передвигаются.

Ноги едва касаются земли, несусь, как будто лешие гонятся, затылок горит, как раскаленная домна. Плащ раздулся от встречного ветра, капюшон сполз назад, зацепился за уши, чувствую, как ткань набрала воздух и стала похожей на кузнечные меха. Под ногами мелькают травинки, какие-то кочки. Перепрыгиваю, даже не задумываясь.

Из-за спины раздается глухой топот Лисгарда. Он не отстает, дышит ритмично, прерывисто. Сияющие щитки тихонько позвякивают, ударяясь друг о друга.

Глянула в сторону — туман набирает скорость и стремится отрезать путь к лесу, будто мысли наши чи-



тает. Хлюпанье участилось, глухие хрипы стали ближе и громче.

Я услышала, как Лисгард на бегу зазвенел ножнами, вытаскивая мечи. Затем раздался сбивчивый голос:

— Ми...миледи, что бы ни услышали — не останавливайтесь! Добегите до деревьев и поднимайтесь выше.

Я перелетела очередную кочку — похоже, муравейник. Успела разглядеть закупоренные землей ходы на ночь. Даже крошечные дорожки из травы, по которым они таскают гусениц и другую добычу.

— Не дожدهшься! — бросила я на бегу через плечо. — Это вроде как моя вина. Я не стану прятаться, пока тебя будут разрывать смарагсы... смаргерги...

Из-за спины донеслось обреченное:

— Смарги...

Споткнулась о торчащую из земли корягу. Не успела сообразить, что произошло, тело в воздухе сгруппировалось, колени подтянулись к подбородку. Мир стремительно кувыркнулся вместе с травой и звездами.

Я ловко приземлилась на ноги и продолжила бег, словно не виртуозный переворот совершила, а так водички попила. Сзади послышался впечатленный ох.

— Ты что-то говорил? — крикнула я.

Он поравнялся со мной — руки работают как поршни, волосы развеваются на бегу, доспехи блестят в призрачном свете.

Он бросил не глядя:

— Смарги, говорю.

— Вот-вот, смарги, — подтвердила я.

Покосившись за спину, ускорила, даже название тварей заставляет волосы на затылке шевелиться.

Из темноты леса раздался беспокойный крик совы, туман рванулся слева и поплыл наперерез, все больше

наполняя ночной воздух мерзким хлюпаньем. Я выхватила керис, лезвие хищно блеснуло в свете луны.

Осталось всего сотня шагов до спасительных зарослей. Мы рванулись изо всех сил наперегонки, как в игре для эльфят. Только сейчас на кону вполне реальные жизни и настроение совсем не веселое.

Деревья стремительно приближаются, из тумана доносятся истерические хрипы гонящегося за добычей хищника. Сероватая дымка ползет всего в десяти шагах и шевелит прозрачными щупальцами. Сердце сжала ледяная лапа, когда увидела, как быстро сокращается расстояние между нами.

Мы взяли правее, совершая крюк, чтобы держаться в отрыве от мерзкой поволоки. Ноги превратились в отдельный живой механизм — несут по траве, огибая коряги, перепрыгивают земляные кучи. Затылок горит так, что вот-вот расплавится.

Лисгард стал отставать — все же доспехи тянут к земле. Я чуть замедлилась и вцепилась ему в локоть.

— Ты что вздумал! — закричала я в белое ухо. — Не смей даже!

Он выдернул руку, оскорбленный моим жестом, и прохрипел:

— Мы не успеем! Так хотя бы один спасется.

— Нет! Беги, кому сказала!

Он прорычал что-то под нос, хорошо, что не разобрала, наверняка обидное, но ускорился, снова зазвенели доспехи, перебивая мерзкое чавканье.

Мои уши прижались, капюшон слетел, теперь волосы летят по ветру, как серебряный флаг.

Туман почти хватает за пятки, за спиной отчетливо слышно, как голодные чудовища хрипят и причмокивают, готовые накинуться на свежее мясо. Грузные



туши ритмично шлепаются о землю, наполняя воздух громкими хлюпающими звуками.

В нос ударил густой запах тины, древесной гнили и болотных газов, Лисгард крикнул:

— Они близко!

Спасительный лес показался всего в паре прыжков. Прямо за спиной раздался протяжный хрип. Я на бегу опустила взгляд — серая дымка опередила ровно на шаг, и щупальца тумана стремятся убежать дальше вперед.

Глянув на Лисгарда полными ужаса глазами, увидела, что белокожий даже не моргает, лицо бумажного цвета, в руках блестят два лезвия из адамантина.

За плащ резко дернуло, я вскрикнула и с разворота наугад ударила керисом. Лезвие вошло во что-то мягкое и жирное, под рукой хлюпнуло, раздался вопль боли.

Мы с разбега влетели в лес, едва не напоровшись на ствол ясеня. Белокожий развернулся и быстро замахал обоими мечами.

— Миледи, наверх! — прокричал он. — Быстро!

В панике я кинулась к стволу, ногу ухватила липкая лапа и с силой потянула к себе. В мутном воздухе разглядела жирную трехпалую ладонь с толстыми когтями.

Я закричала, выругалась на высшем языке и с размаху воткнула керис в толстую кожу. Та лопнула, как корка, из раны брызнула зеленоватая мутная жижа, смарг издал вопль и разжал лапу.

Слева Лисгард весь в липкой слизи, молча рубит направо и налево, в стороны отлетают кривые лапы и пальцы, из дымки доносятся стоны, яростное шипение и голодные хрипы.

Я подпрыгнула в темноте, пальцы ухватились за ветку, вознося хвалу матери-природе, подтянулась и села.

— Лисгард, сюда!

Он даже не посмотрел, повернувшись лицом к туману, высокородный стал медленно отступать к дереву. Масса смаргов все напирала, словно их там даже не сотни, а тысячи. В темноте мелькали жирные пальцы с кривыми когтями, оскаленные пасти и складки на брюхах.

Туман расползся по всему полю и поплыл дальше в лес, разнося мерзкое чавканье по долине. Тоненький серп луны стал мутным в непроглядной серой дымке.

Белокожий очутился подо мной, я поднялась повыше, освобождая место. Он издал воинственный крик, несколько раз в воздухе сверкнули лезвия, затем дерево качнулось. Я испуганно поджала колени, в тумане мелькнуло лицо Лисгарда, он ухватился за ветку, не выпуская мечей, и втащил себя наверх.

Внизу раздалось разочарованное хрипение. Смарги взвыли хаотичным хором, из поволоки потянулись толстые кривые пальцы, облепили ствол, дерево зашаталось.

Лисгард убрал один меч в ножны и вытер блестящий лоб.

— Дерево слишком слабое, — сказал высокородный.

Мы полезли выше. Ясень ходит ходуном от старательных усилий смаргов, на верхушке амплитуда такая, в самый раз катапульту заряжать.

Я глянула вниз — в дымке даже мои глаза ничего не видят, но из тумана раздаются истерические вопли голодного хищника. Хлюпанье и хрипы усилились,



слились в сплошную какофонию, перебивая все ночные звуки.

— Они же разорвут нас на части, когда доберутся! — прошептала я.

Лисгард, сел на более-менее надежную ветку, обхватив рукой ствол, высокородный лоб обреченно уперся в кору.

Он нервно сглотнул и проговорил:

— Ясень долго не выдержит, ствол скоро переломится.

Я затравленно оглянулась, сердце стучит так, что почти не чувствую, затылок кипит. Стало до того обидно и страшно, что я, к своему удивлению, разозлилась.

— Кто угодно, только не я! — выпалила я в сердцах. — Не верю!

— Мне жаль, миледи...

Меня снова затрясло, кровь в висках зашумела так, что даже вопли смаргов стали тише. Вцепившись пальцами в ствол, горячо зашептала:

— Вот так сидеть и ждать смерти? Надо что-то придумать, срочно придумать. Я эльфийка, выживание у меня в крови.

Пытаясь справиться с паникой, я повертела головой. В нескольких метрах от ясеня увидела ствол, настолько толстый, что отсюда напоминает изъеденную трещинами стену.

Бегло оглядела — верхушки не видно, кора на вид достаточно крепкая, чтобы выдержать вес эльфа. Остается надеяться, что не трухлявая, иначе останется смиренно свалиться в пасть изголодавшимся смаргам.

Я толкнула белокожего в плечо и кивнула на дерево:

— Не все так плохо.

Он посмотрел на меня, как на безумную, на уставшем лице засохли пятна зеленой слизи, на скулах кровоподтеки. Доспехи покрыты слоем мутной зелени, кое-где стекающей жирными струйками, на шее красуется длинная царапина.

Я вздохнула, жалея, что не помню ни одного бога.

Смарги подошли к вопросу охоты со всей страстью — ствол ходит из стороны в сторону, верхушка мотыляется, как флаг.

Потянув Лисгарда за локоть, я быстро проговорила:

— Когда сделают замах, приготовься. Как ветки окажутся ближе к вон тому огромному дереву — прыгай.

Лисгард опасливо выглянул из-за ствола. Тот затрясся сильнее — еще немного, и хрустнет под напором массы склизких брюх. Белокожий вгляделся в непривычную ему темноту, цепляясь руками за ветки. Пару секунд его глаза шурились, потом он отшатнулся.

— Ни за что! — выдохнул Лисгард.

Гнев забурлил во мне с новой силой. Хотела ущипнуть белокожего, чтоб привести в чувства, но дерево дергается, приходится держаться обеими руками.

Я тряхнула головой, волосы разлетелись в стороны, мелкие ветки моментально зацепились за космы и больно потянули на себя. Пришлось рвануть ладонью вниз по всей гриве, рискуя свалиться в пасть к смаргам. Черешки с хрустом обломились, я процедила:

— Предложи что-нибудь получше, солнечный эльф.

Белокожий обхватил ствол обеими руками, и напоминает небольшого медведя, который размышляет на полпути — лезть дальше или нет. Он вывернул шею и посмотрел на меня обреченно.



— Вы предлагаете прыгнуть на Грандарон, — проговорил высокородный, не разжимая ладоней.

Внизу слышалось оживление, если такое слово можно применить к слякотным тварям. Противное чавканье усилилось — полчище смаргов растет с каждой секундой.

Из сероватой дымки внизу то и дело показываются блестящие бока, шипастые гребни и толстые пальцы. Иногда выглядывают тупоносые морды с маленькими черными глазками и огромными полураскрытыми ртами, из которых торчат многорядные клыки. От тумана тянет болотной тиной и зловонием мерзких пастей.

Держась за ствол, я перелезла на другую ветку, чтобы яшень сработал как катапульта. Затем прислонилась спиной и вцепилась пальцами в дерево.

— Это очередная святыня, на которую нельзя дышать? — поинтересовалась я.

Голос Лисгарда прозвучал почти загробно.

— Это живой древень, — проговорил он. — Они не любят, когда их беспокоят. Как только прикоснемся к стволу, он, скорее всего, замахнется веткой потолще и превратит нас в две очаровательные лепешки.

Я смерила взглядом ствол Грандарона — крона теряется где-то на самых верхних ярусах леса и закрывает ночное небо. Чтобы стукнуть нас в нескольких метрах над землей, древню придется постараться.

Глянув на белокожего, поняла, что он действительно не собирается прыгать и готов сражаться со смаргами до последней капли крови. Лицо восковое, в глазах синее пламя и безысходность.

— Слушай, — начала я ободряюще, — может, этот бешеный древень и калечит всех, но там есть шанс.

Не прыгнем — ясень сломается и зеленобрюхие твари сожрут обоих. Заметил, какие у них зубы?

Белокожий с сомнением покосился вниз, я продолжила:

— А на тебя поглядывают чаще. Из нас двоих я бы тоже тебя первым съела — холеный, блестящий. Вдобавок большой, а значит, мяса много.

Лисгард пару секунд глядел вниз, затем подтянул колени к животу. Сапоги уперлись в ветку, он выпрямился, крепко держась за дергающийся ствол. Потом, последовав моему примеру, перелез на другую сторону ствола.

— Умеете вы убеждать, миледи Каонэль, — проговорил он утрюмо и занял ветку прямо над моей головой.

Бешеные вопли снизу достигли апогея. Из темноты внизу раздался победный вой и покатился волной по всему полчищу смаргов, уходя далеко в долину. Ясень так сильно отклонился назад, что мы с Лисгардом переглянулись.

Я прижалась к стволу, упираясь стопами в ветку, и прокричала:

— По моей команде!

Белокожий кивнул и вцепился в ствол за спиной.

Ясень достиг конечной точки наклона, на секунду замер, как натянутая тетива. С земли слышался очередной победный вой, дерево скрипнуло, и ствол резко понесся в другую сторону.

— Давай! — крикнула я во всю глотку.

Я с силой оттолкнулась от погибающего дерева, которое ценой жизни спасало нас от жуткой участи. В ушах засвистел ветер, поток воздуха мягко заструился по бокам, как шелк из паучьей нити.

На секунду время замедлилось, в теле возникла невероятная легкость. Ночное зрение уловило, как на



земле в тумане расплзлись склизкие туши смаргов. По лесу эхом прокатился разочарованный вздох, похожий на стон болота.

Резкий удар в лицо привел в себя, еле успела вцепиться в борозды, чтобы не отскочить обратно. Невесомость кончилась, меня потащило вниз по огромным трещинам в коре.

Мелкая труха и крупные куски древесины посыпались в глаза, пока судорожно пыталась затормозить падение. Наконец ободранные пальцы впились в надежные выступы, я уперлась ногами в борозды и повисла на стволе, как настоящая белка.

Чуть ниже послышался треск коры и сдержанная ругань. Осторожно выглянула из-под локтя — на стволе вполне профессионально застыл белокожий в нескольких метрах над землей, под ним разочарованно верещат полчища смаргов. Он вскинул голову и почти вслепую полез вверх, обламывая огромные куски иссохшей древесины.

Когда высокородный поравнялся со мной, то проговорил, выплевывая деревянную труху:

— И каков план дальше, миледи Всезнайка?

В воздухе раздалось глухое ворчание, я тревожно повертела головой. Только через несколько секунд поняла, что звук идет из глубины ствола.

Ворчание превратилось в недовольный рев, похожий на рокот перекатывающихся камней. Сверху послышался беспокойный шелест, посыпались крупные листья.

Я подняла голову и всмотрелась в высоту, где ствол теряется в густой кроне. Темная шапка Грандарона заходила ходуном, из самой гуши высунулась толстая ветка и поползла вниз.

Лисгард вцепился пальцами в толстый выступ с небольшим дуплом и простонал:

— Я говорил, нам конец!

Ворчащее дерево едва заметно шевельнулось. Ветка медленно приближалась, издав далеко напоминающую гигантскую черную змею с сотнями маленьких змеек по бокам. Листья перестали сыпаться, густая шапка наклонилась и так же неспешно стала опускаться на деревянную шею. Мы неподвижно наблюдали, как изгибается ствол престарелого древня, толщиной, наверное, в десять обхватов.

Я подтянулась выше и перехватила удобнее. В конечностях ритмично пульсирует, в корсет насыпалась труха и, кажется, какой-то жучок. Чувствую, как что-то щекотно перемещается прямо по ложбинке.

Затылок горит, я распласталась на стволе, как паук, цепляясь за древесные морщины. В носу защекотало от мощного терпкого запаха, обонянием увидела, как под толщей древесины кипит сокодвижение.

По тончайшим каналам влага с бешеной скоростью несется вверх, питая самые дальние веточки и листочки. От них к корням убегают потоки с драгоценной энергией света. Слышу, как пульсирует жизнь в Грандароне.

Я настолько заслушалась, что не заметила, как толстая ветка оказалась рядом. Деревянное щупальце несколько раз пролетело мимо и отклонилось в широком замахе.

Глава 13

В голове пронеслось — если оно сейчас грохнет веткой, не видать мне Забытой горы, Талисмана и ответов.



Слова вылетели изо рта быстрее, чем успела понять, что несу, голос показался чужим и непривычно жестким.

— Если ты, трухлявая колода, размажешь меня по стволу, — прогремела я, — клянусь всеми известными богами — сгниешь раньше, чем поднимется солнце!

Слева послышался изумленный возглас белокожего. Оглянувшись, тот усиленно цепляется за кору, отрывая раскрошенные куски. Выпученные глаза смотрят так, будто я в очередной раз осквернила неприкосновенность.

Грандарон на секунду остановил ветку-змею. Потом снова загудел, как горный зверь. В ушах засвистел ветер, необъятный ствол шевельнулся и медленно двинулся в сторону.

С земли донеслись звуки лопающихся пузырей, жалобные стоны смаргов разлетелись по долине гулким эхом. Глянула вниз, из тумана высунулись исполинские корни, напоминающие кривые паучьи лапы, ствол сделал несколько пружинистых движений и развернулся в сторону леса.

Лисгард простонал, с трудом удерживаясь на трухлявой коре:

— Чего он медлит? Прибил бы уже, и дело с концом! Сил уже нет висеть.

Перехватив рукой борозду пошире, если уж погибать, так с пониманием, я откинула со лба запутанную прядь и выплюнула кусок коры.

— Хватит причитать, — огрызнулась я. — Лучше держись крепче. Не больно-то ты отважен без солнечной армии.

Он открыл рот, чтобы возразить, но я перебила:

— Да молчи уже. Эй, Грандарон! Ты слышишь меня?

Древень прогудел что-то на только ему понятном языке, лиственная шапка вверху наклонилась сильнее, будто пытается разглядеть — что там за букашки дерзят. Затем ветка-змея с сухим скрипом пришла в движение.

Я зажмурилась и уперлась лбом в кору, чтобы не видеть, как приближается деревянная кувалда. До ушей донесся прерывистый шепот. Оттопырив левое ухо, поняла — Лисгард возносит горячие молитвы и готовится умереть с чистой душой. А я молитв не помню, потому молчу и изображаю святую невинность. Хотя это вряд ли, святых не оставляют погибать.

Повисла гнетущая тишина.

Когда открыла глаза и посмотрела за спину, обнаружила ветку, аккуратно зависшую у самых ног. Она вытянулась, поверхность стала покатой и удобной. Маленькие веточки торчат в разные стороны, шевелят молодой порослью, ствол опутан толстыми лианами, толстые концы свободно болтаются над туманной завесой.

Я шепнула в сторону:

— Эй, Лисгард, смотри.

Белокожий осторожно вывернул шею.

— Как же... — проговорил он неверяще.

Ветка поднялась чуть выше, как бы приглашая. Я вскинула голову и крикнула зеленой шапке:

— Грандарон! Ты не будешь нас расплющивать?

Послышался протяжный гул, посыпались мелкие ветки, мимо вниз пронеслось пустое гнездо. Хозяева очень удивятся, когда вернутся и не обнаружат уютной корзиночки.

Я расценила это как согласие. Медленно вытащив сапог из расщелины, осторожно опустила на ветку, но пальцы, на всякий случай, оставила в коре.



Ветка даже не качнулась. Осмелев, я полностью перебралась на шершавую поверхность, когда уселась — свесила ноги по бокам. Пришлось немного поерзать, чтобы вытащить из-под себя перекрученный плащ. Потом бодро натянула капюшон на уши, отряхивая деревянную труху с груди, и помахала белокожему. Тот висит на стволе, зачарованно смотрит на происходящее.

Истерические вопли и хлюпанья внизу затихли, серый туман все еще застилает землю, но энтузиазма у смаргов поубавилось. Особенно после того, как несколько десятков зеленых тварей оказались раздавлены могучими корнями Грандарона. Хрипы и стоны переместились в сторону поля — не получив желанной добычи, гады уползли ловить кого-нибудь попроще и доступнее.

Я аккуратно ухватила пальцами за небольшой отросток. Убедившись в надежности ветки, на которой сижу, подвинулась вперед.

— Лисград, давай, лезь! — крикнула я. — Древень сама доброта.

Белокожий с сомнением оглядел увитую лианами ветку, затем бросил подозрительный взгляд на меня. Сапог соскользнул и оторвал кусок коры, высокородный выругался под нос. Пальцы вцепились в трещины, по белоснежным кистям потекли багровые струйки, доспехи помутнели от зеленой слизи и покрылись подсохшей коркой.

Лисгард зафиксировал положение и толкнул носом ветку.

— Вот это и настораживает, — проговорил он.

— Почему?

— Потому, что своими глазами видел искалеченные Грандароном тела.

Из глубины ствола послышалось недовольное гудение, Лисгард от неожиданности дернулся, пальцы соскочили с выступа. Он опрокинулся и, как в замедленном действии, полетел назад.

Грандарон что-то гулко проскрипел и направил ветку, верхом со мной, вперед. Я сжала ногами ствол, боясь свалиться с высоты, вцепилась пальцами в веточки.

Гигант пронес меня над землей и подставил деревянную лапу под спину Лисгарда. Тот с лязгом стукнулся о кору и замер, видимо, не верит, что все еще жив.

Маленькие веточки аккуратно обхватили руки и ноги высокородного, поддерживая под спину, затем приподняли, Лисгарда перевернуло в вертикальное положение.

— Странно, что солнечные боятся исполина, — проговорила я. — Древень куда отзывчивей тех, кого встречала за последнее время.

Грандарон усадил его лицом ко мне и отпустил. Белокожий изумленно хлопал глазами, пальцы схватились за веточки, он вылупил на меня, будто впервые видит.

Я откинулась назад, оперевшись на локти, плащ сполз на плечи, вырез корсета раскрылся. Очень захотелось вытянуть спину после беличьих прыжков — в шее напряжение и плечи болят.

— Кому-то не мешало бы похудеть, — сказала я в шутку, глядя на высокородного из-под бровей.

По невнятному бормотанию поняла — белокожий не забыл о позорном падении, но взгляд от меня усиленно отводит. Послышался прерывистый вздох, затем раздался охрипший голос:



— Сегодня же сажусь на голодовку.

Даже хотела улыбнуться, а Генэль бы уже кинулась на шею.

Древень заскрипел ветками и понес нас вверх к лиственной шапке. Ветерок в темноте приятно заструился по коже, мимо вниз уносится морщинистая толща гигантского ствола с десятками старых ран, которые давно зарубцевались и превратились в засохшие наросты.

Я произнесла задумчиво:

— Похоже, у Грандарона была бурная молодость. Сколько живут древни? Может, по их меркам, он еще юноша в расцвете сил, а вы его древним нарекли.

Высокородный промолчал. Я выглянула из-под капюшона и украдкой посмотрела на Лисгарда. Белокожий то щурится, то широко раскрывает глаза, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. Зато для меня мир, как объемная картинка с глубокими рельефами.

Лисгард перестал озиаться в попытках увидеть детали и остановил сосредоточенный взгляд на мне.

— Я, конечно, рад, что нас не сожрали смарги, — начал он. — И благодарен дереву за спасение.

— Но?

Я выпрямилась, подняв голову, и сердито посмотрела из-под края капюшона.

Лисгард продолжил, растягивая слова:

— Мне совершенно не ясно, что вдруг нашло на Грандарона? Он не пощадил ни одного солнечного эльфа.

— Вы, наверное, его обижаете.

Белокожий чуть не замахал руками, но вовремя вспомнил, что ими лучше держаться за ствол.

— Жители Эолума относятся к древням с почтением и уважением, — проговорил он. — Тут на него пры-

гаете вы. То есть мы. Но вы в первую очередь. Сыплете проклятия, а он покорно соглашается оказать помощь.

— И что?

— Разве не странно?

Я пожала плечами, смахивая с груди очередную порцию листьев, затем опустила взгляд в темноту — туман стремительно удаляется.

— Может, дереву претит твоя изысканная, чопорная манера? — предположила я.

Лисгард аж подался вперед:

— Думаете, ваша дерзость и прямота вызывают восторг?

— Не знаю. Но эффект точно вызывают.

Ветка поднялась к кроне, внесла нас в самую гущу и остановилась возле верхней кромки. Над головой ночное небо с белым серпом луны. Звезды, у которых хватило сил проступить сквозь свет месяца, выстроились в кривые ряды. Если соединить их линиями — получатся фигуры, похожие на зверей и птиц.

Вдалеке, окруженный серым туманом, застыл ночной Эолум. Тонкие шпили мягко поблескивают в лунном свете, стена бросает густую тень на долину и создает иллюзию пропасти перед городом.

Я глянула вниз — растительность смыкается плотным ковром под ногами, широкие листья растопырились в хаотичном порядке и образуют сплошную зеленую массу.

Сбоку послышалось беспокойное покашливание. Я повернулась и чуть не охнула от восхищения — Лисгард восседает на стволе, как на единороге, одна рука держится за ветку, другая на рукояти меча. Серебряный свет отражается матовым бликом на доспехах, волосы мерцают, глаза полыхают синим пламенем. Но не



таким, как у городских ворот, в этот раз что-то другое, странное. Секунду тянулась пауза, затем он проговорил, запинаясь:

— Миледи Каонэль, не могли бы вы, эм, запахнуть?

По спине пробежали мурашки, уши потеплели, но вместе со стыдом во мне поднялось возмущение. Я выпрямила спину, подняла подбородок, чтоб он лучше смог разглядеть идеальные пропорции серого лица, соединила лопатки и выпятила грудь.

— Не я выбирала одежду.

Лисгард смущенно хмыкнул и отвернулся. Лунный свет залил правую щеку, белокожий и так светится, а теперь и вовсе на божество похож.

Древень замер, растопырив ветки. Я осторожно уперлась руками и поднялась на ноги, ловко балансируя на стволе. Подо мной простирается пропасть, хоть и скрытая густой листвой. В голове мелькнула мысль — надо бы за что-то держаться, но ноги вполне уверенно стоят на ветке, затылок теплый.

Лисгард делает вид, что ему все равно, смотрит в сторону и не моргает, но уши топорщит.

— Мы на высоте Эолумской стены в сотню блоков, — проговорил он, не поворачиваясь.

Я сделала пару шагов, ветка даже не качнулась — Грандарон крепко зафиксировался.

Листва зашуршала, из зарослей выглянул огромный коричневый глаз с множеством древесных складок и трещин. На месте, где должен быть зрачок, зияет небольшое дупло. Морщинистое веко со скрипом моргнуло, с коры посыпалась мелкая труха и какие-то жучки. Затем глазное яблоко медленно повернулось и замерло, глядя на меня.

Я расставила ноги пошире в упор и благодарно наклонила голову. Затем сложила руки в замок за спиной.

— Древень, — проговорила я так ласково, как умела. — Не обижайся, что чуть не прокляла тебя. Я бы не стала, честное слово. Это все он.

Я ткнула пальцем в изумленного Лисгарда. Тот аж подпрыгнул на месте, когда Грандарон с треском перевел на него дырявый взгляд. Из зрачка выползла перепуганная многоножка, вскарабкалась на веко и скрылась в вековых бороздах. Ствол недовольно загудел и качнулся в сторону.

— Нет, ты погоди, — поспешно добавила я. — Он не совсем виноват. Точнее, виноват только в том, что высокородный.

Слева послышался очередной удивленный вздох, я шикнула на белокожего и продолжила:

— Лисгард добрый, хоть и солнечный. Они там все немного того. А я — хорошая.

Белокожий оскорбленно фыркнул и отвернулся в темноту, мол, не желаю слушать бредни безродной серой эльфийки.

— Ну и пожалуйста, — бросила я. — Эльф с повозки — единорогу легче.

Из гуши высунулась ветка, широкий лист мягко коснулся щеки. Наклонив голову еще ниже, я провела пальцами по гладкой поверхности, лист задрожал и смущенно скрутился в трубочку.

Я хихикнула и отвела ветку в сторону, даже дерево меня полюбило, а этот белоухий только и делает, что ворчит.

— Да-да, ты мне тоже нравишься, — проговорила я ласково. — И благодарна за спасение. Но мне надо к Забытой горе.



Грандарон глухо прогудел, листва в темноте зашумела, древесная труха обильно посыпалась с веток. Веко на дырявом глазу раскрылось, выгоняя из дупла очередной отряд насекомых. Козявки с возмущенным стрекотом расползлись по трещинам и зазорам. Древень со скрипом моргнул, снова вперил в меня глаз и обеспокоенно растопырил ветки.

Я сказала мягко:

— Не кричи на меня. Или ты помогаешь, или не мешай.

Откуда-то донесся испуганный крик филина, Лисгард нервно поежился, скрестив руки на груди, и стал похож на промокшего воробья.

Древень кинул вопросительный взгляд на Лисгарда, скрипя деревянным веком.

— Да, — подтвердила я и уперла руки в бока. — Он идет со мной.

Из самого сердца Грандарона донесся протяжный скрежет, по стволу пошло мелкое дрожание, ветки, включая оседланную нами, затряслись, как от порывистого ветра, хотя в ночном воздухе полный штиль.

Я быстро села, натянула капюшон на голову — не хочу, чтоб за пазуху насыпалось еще больше трухи, крепко обхватила ногами ствол и сердито уставилась на ту часть древня, которая могла быть лицом.

Гигантское глазное яблоко виновато покосилось в сторону, как бы извиняясь за неудобства, затем весь древень пришел в движение.

Лисгард, до этого демонстративно воротящий нос, вцепился мертвой хваткой в ветки, что потолще, и не сводит с меня взгляд.

Я пожала плечами.

— Что? Он сам.

Лисгард заговорил, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но от рывков Грандарона он дергается, как при скачке.

— Миледи Каонэль, не могли бы вы попросить вашего нового друга быть аккуратнее. Не хочется свалиться в лапы смаргам. Уверен, некоторые из них все еще ползают под деревом в надежде на свежее мясо.

Ствол трянуло, с земли послышался скрежет корней, которые зашевелились после веков покоя. Сквозь треск коры донеслись вопли смаргов, которые самонадеянно решили дожидаться нас внизу.

Грандарон качнулся и двинулся в глубь леса. Исполинская масса заскользила через заросли, словно адамантиновое лезвие сквозь масло. Мелкие деревья расступаются перед гигантом, некоторые склоняют черные шапки.

Я сцепила ноги под веткой и схватилась за сучок. Белокожий все же прав — упасть с такой высоты смертельно даже для кошки, но страх показывать нельзя, а то решит, что я никудышная.

Листья лезут в лицо и липнут к коже, приходится все время отмахиваться и смахивать настырную зелень.

— А что, в Эолуме благодарность не в почете? — спросила я с белокожего. — Видишь, древень несет нас через лес, но на тебя подозрительно косится.

— Жестковато, — отозвался белокожий.

— Скажи спасибо, что не скинул.

Лисгард проговорил, качаясь в так движению Грандарона:

— На его месте я бы давно ушел в глубину леса, чтобы никто не мешал встречать преклонную старость.

Древень недовольно прогудел что-то на своем скрипучем языке.



Я успокаивающе похлопала его по ветке, на которой сидела, рискуя сползти на бок.

— Ну-ну, — проговорила я успокаивающе. — Не обращай внимания на этого сноба. Он, наверное, в детстве головой стукнулся, и там все перемешалось.

Я выглянула из-под капюшона и погрозила пальцем Лисгарду, высокородный даже бровь приподнял.

— Если бы древня здесь не оказалось, — пояснила я веско, — нас бы сожрали ваши пузыристые питомцы.

— Они не наши.

Белокожий недовольно насупился и отвернулся, провожая взглядом быстро удаляющийся Эолум.

Я виновато вздохнула и подумала, что высокородному эльфу придется учиться жить по другим законам. Я-то ладно, все равно ничего не помню, а он — рожденный благородным миром, где каждый знает свое место. С другой стороны, эльф должен уметь приспосабливаться к новым условиям. Значит, я ему одолжение сделала. В сверкающих покоях научишься только монетки считать и различать, кому кланяться, набег на беззащитные фермерские селения не считаются. Кроме того, мне все равно нужен спутник.

Так, успокаивая в себе взыгравшуюся совесть, не заметила, как огромный древень переместился на другую сторону леса. Размеры исполина позволили пересечь Светлолесье так быстро, что оглянуться не успели.

Грандарон остановился на окраине рядом с широкой дорогой, ствол стал наклоняться, ветки хором закрипели, он бережно опустил нас на обочину.

Я спрыгнула, из-под ног вздыбилось облачко пыли, сапоги моментально покрылись серым. Отойдя на пару шагов, я попыталась охватить взглядом всего

древня. Секунду стояла с раскрытым ртом, потому что размер Грандарона оказался воистину нереальным — согнутый ствол и крона полностью скрыли ночное небо.

Рядом раздался глухой стук, Лисгард спрыгнул с ветки и с заметно пободревшим лицом подошел ко мне.

Я прижала ладонь к сердцу и поклонилась старому древню.

— Спасибо, могучий великан, — сказала я почти-тельно.

Потом пнула Лисгарда в бок, тот охнул, брови сдвинулись, в глазах застыло непонимание. Он простоял так пару мгновений, потом спохватился и склонил голову в коротком поклоне.

— От лица сияющих эльфов выражаю благодарность и почтение, — проговорил он сдержанно.

Я закатила глаза, но смолчала.

Грандарон зашевелил ветками, внимательно посмотрел на меня деревянным глазом. Показалось, во взгляде мелькнули озабоченность и беспокойство, если древни вообще обладают такими эмоциями. Затем указал веткой на дорогу и развернулся.

Огромные корни зашевелились, как щупальца, шум кроны превратился в рокот водопада. Сверху посыпались огромные комья земли и древесины, мы с Лисгардом еле успели отскочить от черного града.

Грандарон издал протяжный звук, похожий на прощание, и с диким хрустом двинулся в глубину леса.

Лисгард задумчиво проговорил, глядя на удаляющуюся темную макушку над лесом:

— И что теперь? Думаете, на этом все неприятности закончились? Мы на восточной окраине, за



пределами Светлолесья. Древень отнес нас в самую удаленную от Эолума часть.

Я вытащила из складок плаща листья, в очередной раз стряхивая ветки с груди. Белокожий периодически бросает двусмысленные взгляды и делает вид, что случайно посмотрел.

— Восточную? — сказала я, переводя дух. — Тем лучше. Птичка шепнула, что нам через Чумнолесье на восток.

Белокожий всплеснул руками.

— Святая простота, — возмутился он. — Ваша птичка безумна. Вы хоть знаете, что такое Чумнолесье?

— Очевидно, лес.

— О да. Лес. Отравленный, безумный, черный лес, с кучей диких тварей, которые только и думают, как напасть и сожрать.

Хотела по привычке вспылить, высказать все, что думаю по поводу его чрезмерной осторожности, высокогородности и остальных эолумских качеств, но, взглянув в гаюиновые глаза, поняла — сил спорить нет.

Я перевела взгляд на дорогу и проговорила тихо:

— Лисгард, пойми — это не просто память. У меня была жизнь, целая жизнь, родные, друзья, любимые места. Я ее потеряла. Какая-то тварь отняла все, что делало меня мной, скомкала и бросила умирать на солнцепеке. У эльфов долгий век, но без памяти мы подобны камням, что вечно разбросаны по миру. Я словно зависла в воздухе и не знаю, как опуститься на землю. Талисман — единственное, что может помочь мне вернуть себя. Королевский гаюин мелочь в сравнении с силой, которая хранится в древнем артефакте. Обещаю, как только получу его, я верну камень.

В глазах даже помокрело, я шмыгнула носом и смахнула неожиданную слезинку с щеки.

Лисгард тяжело вздохнул и шагнул ближе. В глубине души он сочувствует, иначе как объяснить то, что не отдал меня стражникам вместе с гаюином?

Ночной ветерок коснулся щек, кожа на руках пошла серыми мурашками. Я сунула пальцы в прорези плаща, которые заменяли карманы, и поежилась.

Над ухом раздался мягкий голос:

— Идем?

Глава 14

Мы двинулись быстрым шагом по извилистому тракту. Из-под сапог вздыбливаются маленькие облака пыли. В лунном свете они похожи на мистический дымок, из которого обязательно должен кто-то появиться. Пыль медленно оседает, на сапогах остается бархатистый налет.

Долго шли молча. Спина зудит, кожей чувствую, как Лисгард сверлит взглядом.

Дорога отвернулась от леса и поползла толстой змеей между зелеными холмиками. Из травы доносится стрекотание ночных букашек, слабый запах ковыля щекочет ноздри.

Доспехи Лисгарда тихонько позвякивают, изредка слышу, как грустно вздыхает и шебуршит чем-то на поясе.

— Миледи Каонэль? — произнес высокородный.

Он поравнялся со мной и пошел рядом. Лицо серьезное, взгляд устремлен вдаль, чувствуется, как под адамантиновыми доспехами перекачиваются тугие мышцы.



— Простите мою несдержанность, — сказал он. — Вы вывели меня из себя кражей белого гаюина.

— Не кражей, — поправила я, — изъятием.

Лисгард выдохнул и терпеливо продолжил:

— Хорошо, изъятием. Вы должны были просто следовать указаниям.

— Я следовала.

Он покачал головой:

— Видимо, это не для вашей натуры.

— Снова будешь меня отчитывать? — поинтересовалась я.

— Нет, — ответил белокожий. — Я это сделал под стенами города в зарослях малины. Сейчас просто хочу сказать, в нынешнем положении придется действовать сообща. И кто-то должен взять руководство нашим маленьким отрядом.

Я приподняла бровь, выглядывая из-под капюшона. Лисгард на ходу пригладил волосы, смотрит вперед, словно уже отсюда видит гору.

— Теряюсь в догадках, — бросила я.

Высокородный не обратил внимания на пренебрежительный тон, только демонстративно вытянул уши.

— Именно, — подтвердил Лисгард. — Теряетесь. Поэтому эта роль отведена мне. К тому же я представитель высших каст солнечных эльфов.

Я тряхнула головой, скидывая капюшон, серебряный водопад с шелестом рассыпался по плечам. Белокожий бросил на меня короткий взгляд и снова уставился вперед.

— И что это подразумевает? — спросила я невинно.

Лисгард поднял указательный палец и сказал веско:

— В первую очередь послушание.

— Ха!

— Миледи, вам придется.

— Иначе я не смогу обеспечить вам должную защиту в этом опасном путешествии.

— Я сама себе защита!

— Миледи, вы многого не знаете здесь...

Я ускорила шаг, не заметила торчащую из земли корягу и зацепилась ногой. Споткнулась и с руганью полетела вперед. Густая пыль взвилась серым облачком и полезла в нос. Прямо в воздухе кувыркнулась через плечо и вскочила на ноги.

Сзади слышались глухие смешки, я зло покосилась на корягу и прошипела:

— Чтоб тебя шашель сточил!

У Лисгарда губы дрожат, щеки надуваются, старается удержаться, чтобы не захохотать в голос.

— Только попробуй, — произнесла я грозно, — или я за себя не отвечаю.

Солнечный сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая разыгравшееся веселье, и кивнул вперед.

— Развилка, — проговорил он.

Я тряхнула плащом, сбрасывая мелкую пыль. Пока шли, она улеглась плотным слоем, хотя мелкая, как мука. При каждом движении в воздух поднимаются небольшие облачка, но плащ от этого чище не становится.

Наконец я перестала трясти краями и уставилась на дорогу. Через несколько шагов тропа упирается в мшистый валун. Мы подошли ближе. На оголенном боку булыжника видны истертые надписи.

Я провела пальцами по выщербленным знакам, камень холодный, от монолита веет древностью.

— Ты знаешь этот язык? — спросила я белокожего. Тот покачал головой.



— Нет, — ответил он. — Похоже на примитивщину.
Я махнула рукой:

— У тебя все примитивщина, что не относится к солнечным эльфам.

Он нагнулся к иероглифам, внимательно посмотрел на закорючки, затем поковырял пальцами углубления.

— Не уверен, — проговорил Лисгард, — но пахнет троллями.

Дорога направо уходит в огромный крюк в сторону Светлолесья, петляя везде, где можно. В грунтовке две глубокие колеи, оставленные бесчисленными телегами. Так всегда бывает — торгаши прокладывают длинный, но безопасный путь через широкие долины.

Вторая дорога идет прямо и теряется где-то в темных скалах. Вдалеке виднеются каменистые зубья, в лунном свете похожие на приглушенные адуляры.

Я обошла Лисгарда и направилась в сторону утесов.

Сзади послышалось возмущенное покашливание. Оглянувшись через плечо, обнаружила, что белокожий сложил руки на груди и притоптывает ногой.

Пришлось развернуться. Чтобы отшибить у белокожего способность связно мыслить, я раскинула руки. Плащ распахнулся. Для пушего вида выпрямила спину и похлопала ресницами. Затем проговорила быстро:

— Что? По-моему, тут и думать нечего.

Из кустарника раздалась трель ночной птицы, настолько звонкая и жизнерадостная, что совсем не вяжется с почти магическим спокойствием темноты.

Лисгард хмыкнул, взгляд застыл на мне. Спустя несколько мгновений он с тяжелым вздохом все же отвернулся и сказал наставительно:

— Мы обсуждали вопрос послушания.

— И что теперь? Я согласия на это не давала.

Белокожий снова вздохнул, терпеливо продолжил:

— Вам следовало посоветоваться со мной в выборе направления.

Я всплеснула руками и наигранно закатила глаза.

— Ох, милорд, — проговорила я иронично. — Простите мое невежество. Как могла забыть, что вы назначили себя предводителем нашего скромного отряда и за обоих решаете — как ходить, чем дышать. Знаешь что?

— Что?

Я откинула с плеча локон и сказала беззаботно:

— Ты все равно не понимаешь, что написано на камне.

— Какое это имеет отношение к послушанию? — спросил белокожий.

— Понятия не имею, — сказала я. — Но эта дорога идет прямо. Значит, нам туда.

Лисгард не сдавался.

— Вот именно, что прямо, — сказал он и ткнул пальцем в другую сторону. — А эта в обход. Знаете, для чего делают такие дороги?

Я кивнула:

— Знаю. Но у нас не так много времени, чтобы ходить кругами.

Развернувшись, я решительно зашагала по дороге.

За спиной слышалась сдержанная ругань и позвякивание доспехов. Я удовлетворенно ухмыльнулась, поправляя волосы. В душе шевельнулось что-то древнее, оно довольно замурчало и свернулось клубочком в дальнем углу памяти.

Обочины густо заросли спорышем, кудрявые стебли выползли к середине. Если дорога так и останется



заброшенной, вскоре зеленый ковер полностью покроеет тракт.

Из кустов высовываются любопытные морды с горящими глазами. В черноте неба иногда мелькают крылатые фигуры с когтистыми лапами и длинными носами. Может, мне всего лишь кажется — на таком расстоянии ночное зрение расплывается, и безобидная летучая мышь превращается в дракона или гарпию.

На дорогу выпрыгнул перепуганный заяц с длинными, как у меня, ушами. Он замер в ступоре и уставился косыми глазищами. Нос нервно подергивается, хвост-комочек поджат — в любую секунду готов дать дёру.

Оглянувшись, увидела, как Лисгард схватился за рукоять меча. Из-за моей спины он не видит, зато прекрасно слышал возможную опасность.

Я хихикнула и махнула на зайца, чтоб ушел с дороги.

— О, милорд. Это всего лишь безобидный зверек.

Белокожий разжал ладонь и опустил руку. Заяц пришел в себя, уши шевельнулись, улавливая тонкой кожей мельчайшие изменения ветра. Он моргнул и сиганул через дорогу в кусты.

Лисгард проговорил, выдыхая:

— Повезло. В следующий раз может быть кто-нибудь посерьезнее.

— Медведь?

— Я не о животных говорю.

— Не думала, что солнечные эльфы сторонятся природы, — сказала я, продолжая движение.

Из-за спины донеслось возмущенное:

— Мы высокородные жители Эолума. Каждый народ должен заниматься своим делом. В нашем

случае — красотой и эстетикой. А заботу о природе оставьте лесным.

Я впечатленно хмыкнула и спросила:

— И такие есть?

— Вы еще удивитесь, — ответил высокородный многозначительно. — Правда, говорят, после того как Сильвирел превратился в Чумнолесье, половина лесных эльфов стали странниками и не особо пекутся об отравленной родине.

— О Сильвиреле? — решила уточнить я.

Лисгард кивнул.

— Да, — сказал он из-за спины. — По мне, это предательство. Отец говорил, некоторые из них остались в Чумнолесье в надежде сохранить остатки порядка. По рассказам — это жуткое место. Надеюсь, смогу отговорить вас соваться туда.

Я изящно перепрыгнула очередную кочку, плащ всколыхнулся в клубах ночной пыли.

— У нас нет выбора, — коротко сказала я.

Послышалось недовольное ворчание, но белокожий не стал отчитывать в сотый раз. Лишь нервно засопел и гроыхнул мечами.

Песни сверчков прекратились, в воздухе повисла тишина, похожая на паузу, когда в помещение зашел тот, кого совсем не ждали. Впереди показалась каменная расщелина с огромными насыпями по краям.

По коже пробежал холодок, словно заглянула в бездонный каменный мешок.

Чтобы отвлечься от холодной жути, которая змеей ползет по венам, я спросила:

— С утра, наверное, за нами вышлют погоню?

Лисгард бросил, позвякивая доспехами:

— Не думаю.



— Почему?

— Полагаю, решат, что нас сожрали смарги. Никто не возвращался живым после ночи тумана.

Я вытерла пыльный лоб тыльной стороной ладони и поинтересовалась:

— А как же умение чувствовать чужаков? Ты ведь говорил, что лес и солнечные эльфы одно целое.

Лисгард приблизился настолько, что почувствовала его дыхание на затылке.

— Во-первых, миледи, — проговорил он горячо, — мы давно покинули пределы Светлолесья. А во-вторых, на вас плащ, подшитый волосом моего верного Арума. Он не даст обнаружить серую госпожу, даже если затаится под стенами города.

От неожиданной близости Лисгарда по шее пробежали мурашки. Я тряхнула волосами и поспешно ускорила. Уши горят, словно ализарином прижгли, сердце колотится.

Чуть ли не бегом я вошла в ущелье, стараясь не оборачиваться, чтобы не видеть странных взглядов высокородного.

Каменная насыпь захрустела под ногами, как свежая капуста, я сделала несколько осторожных шагов и прислушалась. В ущелье тишина, которая нарушается редкими трелями сверчков и завыванием ветра в вершинах.

Я бережно погладила складку на корсете, где спрятан главный защитник от железной дряни. Потом кивнула Лисгарду, и мы быстро двинулись в глубину расщелины.

Каменные стены молчаливо проплывают по бокам, лунный свет отражается на поверхности и кажется матовым, как адуляр. На фоне черного неба монолиты

выглядят неестественно, словно кто-то принес и поставил декорации.

У подножий все поросло мхом и травой с длинными мясистыми листьями. По обочинам сухие кустарники цепляются воздушными корнями за выступы. В суровых условиях растительность отвоевала плодородный клочок, появились колючки и шипы.

Под ногами хрустит каменистая почва, хотя стараюсь ступать легко. В тишине эхо шагов убегает далеко вперед. Разбиваясь на сотни частиц о кривые уступы, оно уносится в темноту ущелья.

Вскоре заметила, как наши тени переместились влево, укоротились. Глянув вверх, обнаружила, что полоса между скалами все еще черная, но месяц переполз на запад. Значит, идем всю ночь.

Лисгард пыхтит все громче, периодически слышно, как спотыкается и бубнит. Я тоже выдохлась, хоть и храбрюсь. Со вчерашнего дня не отдыхала и толком не ела, короткий сон в темнице не считается.

Сзади шумно стукнулись камни, звякнули доспехи, послышалась глухая ругань.

— Миледи Каонэль, может, вам стоит отдохнуть? — предложил высокородный. — Не ровен час свалитесь с ног.

Покровительственный тон вызвал раздражение.

— Какой заботливый, — бросила я иронично. — Ты прямо полон сил и энергии. А я еле ползу по треклятым камням, спотыкаюсь, как голодный единорог.

Лисгард фыркнул и поплелся дальше.

Когда обогнули очередной выступ, стены ущелья стали постепенно сходиться над головой, в конце концов, осталась только узкая темная полоска неба. Для белокожего это значит полуслепое движение с регу-



лярными натеканиями на валуны и руганью на высшем языке. Дальше путь становится уже, превращаясь в тесный коридор с исполинскими стенами.

Я сдалась, мои стройные ноги в новых сапогах натоптались и требуют передышки.

Остановившись возле камня у скалы, я села и потерла колени сквозь кожу ботфорт. Та отозвалась тихим шуршанием, стопы загудели, словно не по дороге шла, а на деревенском празднике плясала.

— Ох, сын казначея, уговорил, — произнесла я. — Нужно перевести дух.

— Какое верное решение, — согласился он.

Я добавила:

— От самого Эолума сплошная гонка.

Белокожий зафырчал, как загнанный единорог, с лязгом рухнул на соседний валун. Ноги и руки раскинулись звездой, даже на мертвеца стал немного похож.

Из расселины с писком выпорхнула летучая мышь, крылья прохлопали над самыми ушами, она унеслась куда-то вверх. Я проводила зверька завистливым взглядом.

Чтобы кровь отлила от нижней части тела, я облокотилась на каменную плиту и задрала ноги на соседний валун. Под кожей зашевелились крошечные иголки, расползлись до самых бедер, стопы быстро стали легкими и холодными. Я довольно застонала и прикрыла глаза.

— Ощущение, что в ноги налили свинца, — сказал Лисгард и принялся стягивать обувь.

По воздуху растекся крепкий суровый запах, я выпучила глаза и зажала пальцами нос.

— Ты, главное, обратно натянуть их не забудь, — взмолилась я. — А то от высокородного пота все кусты в ущелье завянут.

Лисгард с невозмутимым видом пошуршал в кармане, вытащил что-то и принялся тереть.

Когда я присмотрелась, разглядела в ладони высокородного небольшой белый платок. Лисгард согнулся и протирает стопы, тщательно обрабатывая участки между пальцами. При этом довольно бормочет.

Он критично осмотрел пятки и проговорил:

— Личная гигиена, миледи, — первое правило сохранения здоровья в походе.

Я хмыкнула:

— Первое правило — не ловить ворон. Хотя не знаю, почему именно ворон. Мне, например, вороны очень нравятся.

Белокожий странно посмотрел на меня, поднес платок к носу и брезгливо сморщился:

— У-у-у. Теперь выбросить придется. Это, между прочим, подарок.

— Не леди Генэль случайно?

— Ну что ж. Вынужден признать, что она разбирается в тканях. И вкус у нее отменный. Как-то на праздник Сияющего источника преподнесла королю гобелены тончайшей работы. Сказала, что ткали из нити настоящих ночных прядильщиков. Они, если вы не знаете, невероятно редки и показываются на поверхности лишь весной.

Я откинула локон с плеча и сказала пренебрежительно:

— Купить любой высокородный может. Вот если бы она своими пальчиками ткала.

Лисгард округлил глаза:

— Леди не должна работать руками. Она вообще ничего не должна... — Он задохнулся от возмущения.



Я наклонила голову и хрустнула шеей, от долгой дороги тело затекло, спина ноет.

— Какой тогда от нее прок? Ходить в красивом наряде любая может. На меня надели, я тоже смогла.

— Миледи Каонэль, поймите, — проговорил высокогородный значительно, — высокая эстетика — основа культуры и морали. Красота солнечных эльфиек — в хрупкости и трогательности. Так должно оставаться всегда, чтобы поддерживать гармонию. Вы, кстати, потрясающе смотрелись в платье.

— Перестань. Это платье сидело как на...

Из скал раздался утробный рокот, будто сама порода заговорила древним раскатистым голосом. И голос недовольный и зловещий.

Вверху сухо треснуло, мимо прокатился огромный валун и с грохотом врезался в противоположную стену, с земли поднялась пыль, крошечные частицы заполнили ночной воздух.

Я закашлялась и рванулась в сторону, но что-то невообразимо массивное и холодное сковало тело. Попыталась дергаться, тугая хватка сжалась сильнее, дыхание сперло.

— Лисгард! — пискнула я и вывернула шею, надеясь, что белокожий избежал печальной участи.

Когда я увидела белокожего, внутри все замерло. Он сжат огромными каменными руками, которые торчат прямо из скалы.

Послышался сдавленный хрип:

— Миледи! Тролли!

Затылок раскалился. Я забилась, как пойманная птичка, в отчаянной попытке освободиться, но кулак неподвижен и медленно сжимается.

Недовольный рокот усилился, меня подняло вверх и тряхнуло, чуть голова не оторвалась. Огромный каменный исполин отделился от скалы и выпрямился во весь рост. Холод камня проник к самым внутренностям; несмотря на всю любовь к прохладе — этот холод похож на могильный озноб.

— Отпусти меня немедленно, каменный болван! — пригрозила я.

Надеясь, если ругань подействовала на Грандарона, может, и с троллем сработает.

Гигант зарычал и повернул ко мне горообразную голову с маленькими злыми глазами. Белокожий беспомощно дрыгается в кулаке второго тролля и шипит ругательствами, от которых любой житель Эолума впадет в долговременный шок.

Каменные пальцы сжались сильнее, я жалобно вскрикнула и попыталась ерзать плечами, чтобы хоть как-то расширить пространство. Но проще было бы тряпкой гвоздь забить. Тролль загудел, как лавина, гигантская голова повернулась ко мне.

— Лисгард! — крикнула я. — Извини, если что не так!

Из кулака второго тролля донесся хриплый голос:

— Ми...миледи, не самое время для покаяния. Но я вас прощаю.

Затылок стал таким горячим, что можно каштаны жарить, волна злости и обиды поднялась из самых глубин, но против горы, которая сейчас меня раздавит, это бесполезно.

— Кто-нибу-у-удь! Помогите! — взвыла я, как раненый зверь.

Тролли с грохотом, подобным камнепаду, развернулись лицом друг к другу и стали поочередно демон-



стрировать добычу. Теперь я могу видеть, как синее лицо Лисгарда, из перекошенного рта со свистом вырывается воздух, глаза выкатились.

Он растянул губы и выдавил, одновременно хватая воздух:

— Ф-ф-ф. Вряд ли вас услышат, ми.. миледи.

В груди застрял всхлип; если бы не каменная хватка — разрыдалась бы на месте.

Снизу раздалось звонкое постукивание. Каменные исполины с грохотом обернулись, синхронно пряча нас за спины. В ушах зазвенело от давления, скоро начнут лопаться крошечные струны в голове.

С земли раздался дерзкий голос:

— Неужели тролли!

Гиганты приосанились. Тот, что сжимал меня, подался вперед, слышалось глухое рокотание, похожее на перемалывание жерновов. Не сразу сообразила, что это речь.

— Мы трол-л-ли.

Исполин растягивает слова, каменный язык с трудом ворочается во рту размером с небольшую пещеру.

Голос с земли снова заговорил:

— Точно-точно, вторые по драгоценности.

Первый тролль медленно поднял ногу, с грохотом обрушил на землю, с противоположной стены посыпались камни.

— Мы первые! Первое место.

Легкие шаги прошуршали в сторону.

— Не-ет, точно второе. Первое у троллей за Межземьем.

Исполины опустили каменные челюсти, по ущелью прокатился гневный рев, подобный рокоту весеннего водопада. Второй грозно сдвинул каменные

выступы, которые заменяют брови, и занес ногу, чтобы раздавить наглеца.

— Это почему?

Голос невозмутимо проговорил:

— У тех зубы из алмазов, а у вас из простых камней. Выходит — они драгоценнее.

Троль застыл с ногой в воздухе. Почти слышно, как скрипят мозги в каменной голове, если там есть чему скрипеть. Затем повернул массивную голову к соседу. Тот сдавливает меня все сильнее, уже вижу черных мух перед глазами, в ушах звенят похоронные колокольчики.

Исполин с Лисгардом в руках прогремел:

— Земляная блоха, я размажу тебя в лепешку!

Снизу раздалось поспешное:

— Есть один способ. Но вам не по карману.

Я обреченно повесила голову, представляя, как горные исполины расплющивают наглеца, который посмел говорить с ними таким тоном.

Гиганты лязгнули челюстями и грянули хором:

— Говори!

Повисла небольшая пауза, безумец тянет время, словно наслаждается последними минутами. Исполины нервно зашатались, наклоняясь вперед. Сквозь опускающуюся на глаза черноту успела заметить рыжеватую голову.

— Есть место, где троллям меняют зубы, — сказала голова.

— Где? — прогудели тролли.

— Я скажу, но чем заплатите?

Исполины распрямились, раскатистый голос эхом разлетелся по ущелью.

— Мы осыпем тебя горой из самоцветов!

Ловкач проговорил безразлично:



— Зачем мне гора? Я путник, где мне ее хранить?

Каменные монстры расстроено прогудели, второй сказал, выпячивая похожую на утес губу:

— У нас больше ничего нет.

Ловкач снова выдержал тактичную паузу и предложил:

— А давайте так. Вы отдадите мне...

— Что?

— М-м-м...

— Ну?

Тролли замерли, боясь шелохнуться, утесы бровей поднялись, лоб стал похож на изъеденную оврагами почву. В самой глубине каменного тела гулко запульсировало.

— Давайте так, — предложил незнакомец. — Вы отдадите мне то, что зажато в кулаках, и разойдемся на этом.

Исполины облегченно выдохнули, каменные плечи опустились. Троль скрипнул локтем и положил меня на дорогу.

Я по-рыбьи раскрыла рот, воздух живительной струей хлынул в легкие. Несколько секунд пришлось просто лежать и дышать, как загнанный единорог.

Потом в груди полегчало, голова перестала кружиться. Мир медленно приобрел нормальные черты. Когда увидела, как второй вытащил руку из-за спины и опустил неподвижное тело белокожего на плиту, в груди все сжалось.

Лицо Лисгарда восковое, кожа непривычно ту-склая, глаза закрыты.

Я с трудом поднялась, на слабых ногах поковыляла к телу высокородного. В груди заворочалось мерзкое чувство, словно там разрастается дыра.

Добравшись до белокожего, я обессиленно рухнула рядом. Тот похож на утопшего чародея, такие же острые черты, бледная кожа, дыхания не слышно.

Я обхватила ладонями его лицо и зашептала:

— Белоухий, ты жив? Скажи, что жив. Если не умрешь, обещаю — больше не буду пререкаться и язвить. Платье добуду и даже надевать стану по праздникам, пока никто не видит. Очнись, пожалуйста.

В этот момент поняла: невыносимо вот так оставаться в неведении и чувствовать бессилие. Когда сидела в клетке из проклятого металла, и то ощущала больше уверенности, чем сейчас.

Веки белокожего дрогнули, он открыл глаза. Белки покраснели, мелкие сосуды полопались и похожи на багровые звездочки.

— Платье? — просипел солнечный.

Я отдернула руки:

— Фух... Надеюсь, ты не думаешь, что я всерьез про платье?

Лисгард скривился в болезненной улыбке и кивнул. От моей попытки помочь деликатно отказался, вместо этого уперся ладонями и сел.

Я наконец обернулась. В нескольких шагах от троллей рыжеволосый эльф с блестящим луком за спиной. Кожа бронзовая, будто целыми днями пропекался солнцем. Темное чешуйчатое одеяние поблескивает в лунном свете, на поясе короткий меч. Он сложил на груди руки перед исполинами и задумчиво потирает подбородок.

Первый тролль прогремел:

— Мы заплатили! Говори!

Рыжий закрыл ладонями лицо от ледяного дыхания исполинских ртов.



— Эй, потише. Не надо шуметь, — сказал он и отошел на пару шагов. — Запоминайте. Черные рудники. Найдите гнома Двабура, скажите, что пришли ставить алмазные зубы. Напомните про битву под Чумнолесьем.

— Зачем? — засомневался первый тролль.

— Двабур одним ударом снес голову вожаку болотных гноллов, — пояснил рыжий. — Он гордый и готов отдать последнюю секиру, если им восторгаются.

Гигант сдвинул каменные брови:

— Нам не нужна секира.

Ловкач цокнул языком и закатил глаза.

— Так скажите, что пришли за алмазными зубами, — сказал он.

Тролли одобрительно зарокотали и неповоротливо зашагали между стенами.

Незнакомец окликнул исполинов:

— Вы лучше срежьте через Светлолесье. Зачем делать крюк?

Монстры переглянулись, на физиономиях отразилось что-то вроде задумчивости. Спустя почти минуту исполины развернулись и, поднимая клубы каменной пыли, двинулись в обратную сторону.

Глава 15

Когда тролли скрылись за уступом, рыжий в два прыжка оказался рядом. Оценивающий взгляд скользнул по Лисгарду и остановился на мне.

Незнакомец похож на лесного бога. Из волос торчат острые кончики ушей, немного короче, чем у белокожего. В серых, как адамантин, глазах озорные огоньки, будто только что не от смерти двоих спас, а в пекарню сходил.

Незнакомец вытер лоб рукавом и сказал:

— Думал — не сработает. Убить тролля почти невозможно. Но они тупые, как винные пробки. Легче обдурить.

Он подал мне руку и представился:

— Варда.

Хотела откинуть, но пальцы ухватились за теплую ладонь, как цепляется за бревно утопающий.

Он крепко сжал и быстрым рывком поставил на ноги, я чуть не налетела на могучую фигуру. Варда ловко поймал за плечи и вернул равновесие.

Внутри полыхнуло, даже недавнее удушье померкло с горячей волной, прокатившейся по всему телу. Она поднялась из тех закоулков сознания, в которые мне пока доступ закрыт.

Я уставилась на рыжего, пытаюсь понять, что стало с моим хваленым равновесием. Тот смотрит открыто и бесцеремонно, взгляд оценивающий, словно перед ним единорог на базаре. Иногда скользит по декольте, но так небрежно, что даже обидно.

Снизу послышалось недовольное покашливание. Опустив глаза, наткнулась на странный взгляд Лисгарда и поняла — я все еще стою в объятиях рыжего.

Кончики ушей потеплели, я резко отстранилась. На лице ловкача довольная ухмылка, будто узнал большую тайну, но никому не скажет.

— И кто такой умный пошел через Ущелье Троллей, еще ночью? — спросил он бодро.

Лисгард проигнорировал протянутую Вардой руку, белоснежные ладони уперлись в камни, он поднялся и кивнул на меня.

— Угадайте с одного раза, — проговорил белокожий, отряхивая пыль. — Кто у нас лучше всех знает путь к Забытой горе?



Рыжий втянул щеки и присвистнул:

— Оо-о! К самой горе?

Пошатываясь, я отошла на безопасное расстояние. Пришлось натянуть на покрасневшие уши капюшон и запахнуть декольте, чтоб эти двое не пялились. К своему удивлению, обнаружила, что смущаюсь.

— Ничего забавного, — сказала я, пряча глаза под краем капюшона. — Мы действительно туда идем.

Варда отвернулся и бросил через плечо:

— Тогда стоит шевелиться. Тролли могут понять, что я направил их в другую сторону.

Лисгард почти пришел в себя от давки, но идея об очередном марш-броске его не обрадовала. Он проговорил привычным манерным голосом, стараясь оттянуть время до момента, когда доспехи будут приносить больше мучений, чем пользы:

— Позвольте представиться. Я Лисгард, сын казначея Эолума.

Варда быстро обернулся и коротко поклонился.

— Что высокородный солнечный эльф делает в таком месте? — спросил он.

Белокожий многозначительно хмыкнул.

— Причина моего внезапного путешествия — миледи Каонэль, — ответил он, снова кивая в мою сторону.

Я пробубнила:

— Новонареченная Каонэль.

— Это как? — переспросил Варда.

— А так. Не помню ничего, вплоть до вчерашнего утра.

Рыжий мгновение таращился на меня. Лоб напрясся, словно пытается прямо тут постичь тайну моего прошлого. Меня такой напор озадачил, уши потеплели

еще сильней. Я демонстративно стала поправлять края плаща.

Варда тут же отвернулся, затем махнул рукой, приглашая следовать за ним, пока каменные гиганты не захотели проверить правильность маршрута.

— Становится интереснее, — проговорил рыжий. — Буду звать тебя Као.

Идеальное лицо Лисгарда потемнело, глаза возмущенно расширились, но смолчал, понимает — мы все-таки обязаны жизнями рыжему эльфу, а спор по поводу укороченного имени будет выглядеть смешно.

Я потеряла плечи, в них отдало тупой болью. Белокожего тоже помяло, но он, как любой уважающий себя эльф, делает вид, что не чувствует.

Варда молча двинулся по ущелью. Мы с высокородным переглянулись и кинулись за ним потому, что неизвестно, какие еще твари здесь обитают.

Рыжий идет быстро, под ноги совсем не смотрит, но кочки перепрыгивает, будто на коленях есть глаза. Взгляд рассредоточенный, что значит — плохо видит в темноте. Зато уши шевелятся, как у зайца, а ноздри раздуваются каждую секунду. Лицо волевое, суровое, видно — вырос в жестких условиях, где нет адуляров и сияющих стен. Едва заметная горбинка выдает когда-то сломанный нос. Под чешуйчатыми рукавами перекатываются толстые жгуты мышц.

Я покосилась на Лисгарда, который вышагивает с гордо поднятой головой. Старается скрыть усталость, хотя дышит поверхностно и резко.

Да что там, у самой по ногам бегают жгучие волны — подошвы горят, будто к ним куски железа привязали. Мимо торчащих из скал валунов Варда гонит бегом, заставляет пригибаться и прыгать.



— Мы со вчерашнего дня на ногах, — пожаловалась я. — Может, пора...

— Потом, — резко оборвал рыжий. — Молчи и повторяй за мной.

От неожиданности я раскрыла рот, потом бешенство медленно поползло по позвоночнику. Повертев головой в поисках чего-нибудь твердого, наткнулась на недовольный взгляд Лисгарда. Его глаза сузились, уши острые, как пики, молчит лишь потому, что жизнью обязаны.

Пришлось сделать глубокий вдох и проглотить гнев. Если начну возмущаться, высокородный поддержит, вступится, еще драку затеют.

На десятом повороте до меня дошло: непонятные камни из скал — это спящие тролли. Рыжий старается как можно быстрее провести через кишачье исполинами ущелье.

Я виновато уставилась ему в спину. Ловкач не обращивается, зато шевелит ушами и часто тянет носом.

Проход сузился до одного размаха рук, стены опустились. Когда ущелье превратилось в закиданную камнями трещину, тропа пошла вниз. Небо на востоке посветлело, на горизонте появилась бледная полоска. Звезды померкли, остались лишь самые яркие, похожие на кончики иголок. Через некоторое время серп луны сместился на запад и пополз к горизонту.

Варда проговорил, принимаясь к свежающему воздуху:

— Через два полета стрелы будем на месте.

— Каком еще месте? — не понял Лисгард.

— Ну как. Вам же отдохнуть надо, — весело заметил Варда. — А то из тебя сейчас адамантин посыплется.

Белокожий отшатнулся.

— Я в норме, — произнес он отрывисто. — А вы забываетесь.

Внутри екнуло, мелькнула мысль сказать какую-нибудь глупость, чтоб всех отвлечь, но Варда опередил:

— Ну-ну. Тебе доспехи не мешают. Даже не спотыкаешься. Это все желтоглазая эльфийка.

Оглянувшись, увидела бешеный взгляд белокожего. Его пальцы легли на рукоять, в глазах полыхнуло синим, высокородный опустил голову и сжал зубы.

Я нервно сглотнула, чувствуя, как тарашу глаза, потом быстро закачала головой. Лисгард секунду сверлил взглядом спину рыжего, затем убрал пальцы с рукояти, послышался глухой выдох.

Варда не видел, но хмыкнул и направился вниз по ущелью.

Его ноги с легкостью находят устойчивые камни, а если попадаются шатуны, успевает зацепиться пальцами. Уши двигаются быстро, словно у кота, понятно, что в темноте не видит, но слуха и обоняния достаточно, чтобы угадывать подходящие валуны.

Мне с ночным зрением вообще прекрасно, зато сзади доносится грохот брони, тихая ругань и тяжелое дыхание. Из-под высокородных сапог сыплются мелкие камешки, обгоняют меня и несутся вниз.

Спустя вечность оказались у подножья ущелья. Вокруг трава по пояс, из березовой рощи доносится утренняя трель соловья — сигнал для других птиц о том, что место занято. На стеблях хрустальные капли росы, кое-где собрались в маленькие лужицы, чтобы первые насекомые успели напиться.

Варда чуть замедлил бег.

— Вон там, — бросил он через плечо и указал на рощу. — Можно отдохнуть немного.



Краем уха уловила вздох облегчения белокожего. Сама чуть не начала возносить молитвы неизвестным богам, потому что подошв уже не ощущаю.

— О-о-о, что мне сделать, чтобы получить глоток воды? — протянула я устало.

Лисгард предупредительно покашлял. Рыжий бросил на меня странный взгляд.

— Даже не знаю, с чего начать, — многозначительно сказал он.

Я перевела непонимающий взгляд с одного эльфа на другого. Варда лукаво ухмыляется, между зубами торчит свежесорванная травинка, уши повернулись вперед. Белокожий сверкнул гаюиновыми глазами и выпалил:

— Милорд Варда...

Рыжий покачал головой.

— Варда, — сказал он.

— Что? — не понял белокожий.

— Говорю, просто Варда. Без «милорд».

Лисгард на секунду замешкался, не привык, чтобы одергивали, затем продолжил привычным чопорным тоном:

— Так вот, Варда, прошу впредь...

Ловкач выставил ладони вперед и с глухим смехом отшагнул назад, выплевывая травинку.

— Да шучу я, — добродушно сказал рыжий. — За кустами ежевики есть небольшой ручей. Говорю это совершенно бескорыстно, это вас ни к чему не обяжет.

Пока я оторопело переводила взгляд с одного на другого, плащ распахнулся от ветра и развевается, как флаг. Оба эльфа поглядывают так, будто спрятала за спиной ключ от пещеры с сокровищами, а они гадают — кому повезет.

Когда пересекли поляну и вошли в рощу, до меня наконец долетело веселое журчание. Листья переговариваются легким шорохом, наверное, на одном с Грандароном языке, в фиалке жужжит шмель.

Я перешла на бег. Одним махом перелетев через куст ежевики, ворвалась в заросли медуницы, потом пробежала несколько метров и с плеском прыгнула в ручей.

Несколько минут возилась с корсетом, пытаюсь аккуратно раскрыть заклепки, потом плюнула, дернула шнуровку. Ткань соскользнула, я отшвырнула в сторону замысловатую вещицу и довольно вздохнула.

Древесная труха прилипла к вспотевшей коже, все чешется и зудит. Сапоги и брюки снимать не стала — туда вроде не насыпалось.

Я наклонилась и погрузила поцарапанные руки в прохладу ручья. Ранки защипало, по телу пробежали приятные мурашки.

Чтобы насладиться моментом, я застыла, приподняв уши, и прислушалась. Вода радостно журчит, перекатываясь через гладкие камни. В верхних ярусах щебечут утренние птицы, гоняются друг за другом, надеясь отобрать толстого жука у соседа. В траве копошится мышь, роет землю, прячет мелкие зерна в ямку, чтобы достать, когда с едой будет совсем туго.

Из-за кустов слышно, как пререкаются эльфы.

— Лучше тебя с костром никто не справится. Ты ж солнечный, — доброжелательно проговорил Варда и зашуршал колчаном.

— Значит, вы на охоту, — возмутился белокожий, — а мне с очагом возиться? Полагаете, не смогу принести добычу?

— Ты-то принесешь, но к тому времени мы помрем с голоду.



Послышался шумный выдох, затем звякнули до-
слехи, видимо, Лисгард по привычке схватился за меч.

— Вы сомневаетесь в моих способностях?

Варда ответил:

— Нет. Поэтому доверяю развести костер. Вряд ли
Као будет есть сырое мясо.

Я пробормотала:

— Какая забота.

Вытянув руки, я зачерпнула воды и плеснула в ли-
цо, затем быстрыми шлепками намочила тело. Капли
приятно защекотали кожу, поверхность пошла кро-
шечными серыми пупырышками.

Я пару секунд смотрела в ручей, потом решила
полностью помыться. Стянув остатки одежды, я ак-
куратно уложила их на камень, чтобы вода не забрыз-
гала, и стала выглядывать место, куда можно было бы
окупнуться.

Возле куста ежевики за годы поток промыл изви-
листый путь, образовалась естественная ванна, в ко-
торой легко уместиться.

Едва не застонала, когда погрузилась в ручей по
шею. Прохладные струи побежали по телу, обтекая из-
гибы и выпуклости. Я блаженно закрыла глаза и от-
ключилась.

Не знаю, сколько пролежала в безмятежной дрёме;
когда очнулась, сквозь густую листву пробивались све-
жие утренние лучи. Они сверкают в воде и лезут в глаза.

Чуть ниже по ручью послышалось шуршание, я
приподняла голову и взгляделась в заросли. Едва ли
какой-нибудь зверь станет нападать у водоема, но за-
тылок потеплел.

На камень выпрыгнул здоровый заяц с дикими
глазами и посмотрел на меня. В следующую секунду



просвистела стрела, заяц дернулся и рухнул в ручей, обреченный взгляд остановился на мне.

От тушки вниз по воде потянулась тонкая красная струйка. Я уперлась ладонями в камни и села. Из зарослей вышел Варда, убирая за спину лук. Могучая рука ловко подхватила тушку, он выдернул стрелу и поднял голову.

В груди ухнуло и застучало, как после бешеной гонки, очень захотелось прикрыться. Но руки застыли, даже пальцами пошевелить не могу.

Я замерла под прожигающим взглядом. Мокрая кожа загудела, капли воды показались недостаточно холодными, чтобы остудить непонятный жар в центре живота.

Варда секунду не сводил с меня глаз, затем улыбнулся одним уголком губ и бесшумно скрылся в кустах.

Меня забила мелкая дрожь, понадобилось пара минут, чтобы пришла в себя.

— Припомню, — пообещала я себе.

После такого оставаться в ручье желание пропало. Я тряхнула головой, капли с волос разлетелись в стороны и повисли бриллиантами на траве. Затем быстро поднялась и вышла из воды.

Со штанами возилась долго — кожа противно прилипает, вытереться нечем. Когда наконец справилась, поняла, какую ошибку совершила, — они обтянули ноги и при каждом движении скрипят. С раздражением сунула ноги в сапоги — они, к счастью, равнодушны к воде. Потом вошла в корсет.

Тугая ткань моментально набухла и потяжелела. Несколько минут крутила шворки так и эдак, наконец плюнула и стянула все одним узлом.



Быстро оглядела себя. Для серой эльфийки, которая не обучалась этикету и манерам в сияющих залах, вполне сгодится. Небрежно накинув плащ, я вышла на поляну.

В паре шагов от березы Лисгард возится с деревянной конструкцией, напоминающей кривую башенку. Башенка то и дело клонится набок и норовит развалиться от малейшего дуновения.

Уши высокородного шевельнулись, он обернулся. Лицо вытянутое, в глазах почти детская обида.

— Эти ветки совсем не подходят для костра, — проговорил Лисгард расстроено.

Я подошла, села рядом на торчащую из земли корягу. Она тихонько скрипнула, из-под сучка у земли вылезла длинная многоножка в блестящем панцире и поспешила скрыться в траве.

— Возьми те, которые подходят, — предложила я.

Он в очередной раз обошел вокруг, присел и принялся подпирать ветки с другой стороны.

— Они во всей роще какие-то не такие, — промычал белокожий.

— Гм.

Раздалось знакомое шуршание. На поляну вышел Варда с двумя заячьими тушками на плече, бросил на меня короткий взгляд, достаточный, чтобы кончики ушей загорелись ализариновым пламенем.

В груди ухнуло, пришлось отвернуться, только спустя пару мгновений поняла, что таращусь на пень.

Варда пересек поляну; остановившись над Лисгардом, он бросил тушки рядом.

— Ну что? — спросил он весело. — Сегодня у нас мясо с кровью?

Я посмотрела на рыжего и стала молча сверлить взглядом в ожидании, когда начнет глумиться, не-



пристойности говорить. Мысленно заготовила целый мешок колкостей и едких замечаний, от которых не то что у эльфа, у тролля во рту пересохнет. Но он не торопился с шуточками, а вид вообще такой, словно ничего не произошло.

Белокожий поднял благородное лицо на Варду и одарил недовольным взглядом.

— Дрова не годятся, — сказал он.

— А что так? — удивился рыжий.

Лисгард выпрямился, сложил руки на груди и проговорил терпеливо:

— Вы, милорд, Варда. Ах нет, просто, Варда, сами попробуйте.

Затем приглашающе провел рукой и отошел в сторону.

Рыжий пожал плечами и огляделся по-хозяйски. Затем взял пару палок с развилками на концах, воткнул их друг против друга по краям кострища. Быстро переложил хлипкую башенку Лисгарда во вполне надежный шалашик. После чего достал из кармана два камешка, содрал кусок сухого мха с коряги, на которой сажу. Чиркнул пару раз, мох затлел, через секунду задержались маленькие язычки пламени. Варда аккуратно подложил мох под шалашик, куда-то подул, помахал руками. Дрова треснули, огонь медленно пополз по древесине и запылал, как настоящее зарево.

Рыжий довольно оглядел свое творение и поднял жизнерадостный взгляд на Лисгарда.

— Кажется, дело не в дровах, — сказал он и лукаво подмигнул.

Высокородное лицо побагровело, как закатное небо, глаза выпучились.





— С розжигом я бы справился, — процедил он.

— Не верю, — заявил Варда.

Рыжий смахнул с головы сухую ветку и посмотрел в глаза сыну казначея. Вроде взгляд открытый, руки расслаблены, но ощущение, что внутри сжата пружина, готовая распрямиться в любую секунду.

Лисгард натужно выдохнул, пальцы медленно легли на рукоять.

— Что-о? Мне просто нужно подходящее заклинание, — начал оправдываться белокожий.

Варда расплылся в добродушной улыбке и развел руками:

— Значит, в быту твоя магия бесполезна.

— Как вы смеете сомневаться, — процедил белокожий.

Уши солнечного заострились, в глазах полыхнуло синим, ладонь в который раз легла на рукоять меча. Несколько секунд он гневно пыхтел, переводя взгляд с него на меня и обратно. Чем дольше он смотрел на рыжего, тем темнее становились его глаза. Когда уши солнечного угрожающе вытянулись вверх, я ляпнула первое, что пришло в голову:

— Какие большие зайцы. Где таких нашел?

И тут же прикусила язык — прекрасно знаю, где нашел, по крайней мере, одного. Варда внимательно посмотрел на меня, лицо серьезное, но в глазах пляшут веселые огоньки.

— Мне везет, — проговорил он многозначительно и поднял тушки.

Я облегченно выдохнула и с благодарностью посмотрела на рыжего. Тот уже отвернулся, будто его совсем не волнует произошедшее на ручье, и принялся деловито свежевать зайцев. Даже немного обидно.

Взгляд Лисгарда стал растерянным, он готовился к битве за поруганную честь, а его не то что победили — проигнорировали. В конце концов, он раздраженно фыркнул и демонстративно отошел подальше к березе.

Усевшись спиной к стволу, солнечный одарил меня оскорбленным взглядом, словно его обвинили в бесполезности. Я улыбнулась, пытаюсь ободрить, показать — ты очень даже полезный, но он сложил руки на груди и уставился в сторону ущелья.

В груди болезненно сжалось, появилось мерзкое чувство, которое напомнило — он по моей вине покинул дом и тащится неизвестно куда.

Стараясь отвлечься от тяжких дум, я отвела взгляд от Лисгарда. Варда закончил возиться. Я заглянула через плечо — на самодельном вертеле висят две здоровые тушки, огонь по-кошачьи облизывает блестящее мясо, заставляя выделяться капельки жира. В животе голодно заурчало.

Рыжий сел напротив меня, откидывая ногами мелкие веточки, и отвернулся. Смотрит в огонь, пламя отражается волосах, делая его похожим на полыхающего демона, который очнулся от векового сна и пытается разобраться в новом мире.

— Зачем тебе к Забытой горе? — спросил он, не отрывая взгляд от костра.

Я вздрогнула и сильнее запахла плащ. Выждав несколько мгновений, проговорила:

— Чародей сказал, что Золотой Талисман может вернуть память.

Варда скривился:

— Я тебя умоляю, Талисман такая же выдумка, как ворон с белыми глазами.



Грозно посмотрев на рыжего, я подняла уши, но тот даже не подумал пугаться. Смотрит в пламя, словно там интересней, чем со мной. Лицо суровое, в глазах насмешка.

С губ уже были готовы сорваться едкие замечания по поводу и без повода, как неожиданная мысль вспыхнула, как разбившийся адуляр.

Я осторожно придвинулась, стараясь не выдать волнения. Наклонившись вперед, спросила, как бы между прочим:

— И что это за сказка?

— Чего?

Чтобы не показаться слишком любопытной, я снова выждала паузу. Ткнула заостренной палочкой заячью тушку, кое-где мясо покрылось хрустящей корочкой, она потрескалась и исходит соком. При мысли о нежной зайчатине рот наполнился слюной.

— Сказка про ворона, — проговорила я терпеливо и голодно сглотнула.

Варда снова поморщился и покрутил ладонями так, будто подгребает воздух к животу:

— И ты туда же.

— А что такого?

— Не люблю бредни шаманов, — отозвался он.

Я не унималась:

— А все-таки.

Варда вздохнул.

— Вообще, о вороне ходят разные легенды, — проговорил он. — Но все сводятся к тому, что он помогает путникам.

— Зачем им помогать? — не поняла я.

Рыжий странно посмотрел на меня:

— Все путники мечтают о покровителе. Поскитайся пару сотен лет, поймешь.

— Значит, птица охраняет тех, кто в дороге... — произнесла я задумчиво.

— По одной из легенд, — нехотя начал Варда, — когда-то существовали древние эльфы. Обладали сильной магией, тайными знаниями, все как полагается. Между кланами вспыхнула война. Из-за своей неумемной силы перебили друг друга. Но один эльф не участвовал в сражении. Он считал, что спастись можно в новых землях. В общем, обернулся вороном и с тех пор помогает странникам. Вроде хранителя движения.

Я заслушалась, воображение моментально нарисовало долины, всемогущих эльфов с дворцами и яствами, у всех по гаюину, обязательно белому и по два... нет, по три единорога.

Варда продолжил:

— Это легенда Чумнолесья. У эльфов разлома — своя легенда.

— О чем? — встрепелась я.

Варда пожал плечами:

— Не знаю. Темных уже пять тысяч лет не видели.

— А у солнечных? — спросила я, косясь на Лисгарда.

Варда ответил:

— Они, кажется, вообще о ней не слышали. Хотя лучше спроси сама.

Рыжий перевернул вертелo с тушками, от которых уже пошел одуряющий запах, я потянула носом и облизнулась. Рыжий кинул быстрый взгляд на меня и хмыкнул.

— В общем, подумай, надо ли тебе бежать на край земли, — посоветовал он. — Все-таки Золотой Талисман — легенда.



В затылке появилось знакомое тепло, уши угрожающе поднялись, в кончиках быстро запульсировало, как после бега. Я вцепилась в край плаща, который нацеплял мелких травинок с земли.

— У каждого должно быть то, за что готов умереть, — огрызнулась я.

Варда хмыкнул:

— Смелая, что ли?

— Может, и не смелая, — ответила я. — Но если не верну память, буду мертвая. Умение ходить и разговаривать не подразумевает жизнь. Вон смарги тоже шевелятся, воняют, как трупы, но шевелятся.

Варда улыбнулся уголком рта, глянул куда-то вверх, словно извиняясь за то, что такой замечательный и великолепный.

— Язык у тебя острый, а с виду и не скажешь, — проговорил он.

Я вперила в него раздраженный взгляд, в надежде, что испугается, он лишь усмехнулся и принялся вытирать нож, которым разделявал зайцев.

— Слушай, если ты все забыла, могу рассказать, как мир устроен, — предложил рыжий.

Я прошипела:

— Мне Лисгард рассказывает и вполне справляется.

— Да, вижу, — хохотнул Варда. — Наверно, когда я вытаскивал вас из каменных лап, он именно этим занимался. На практике показывал.

— Что ты вообще к нему привязался! — вспыхнула я. — Он солнечный эльф, откуда ему знать, что творится за пределами Светлолесья?

— Вот именно, — согласился рыжий. — Именно.

Из травы высунулась любопытная мордочка ласки, блестящий нос задергался, отсеивая запахи. Зверек ис-

пуганно посмотрел на рыжего, затем шевельнув усами, перевел взгляд на меня.

Я протянула ладонь и поманила малявку пальцами. Ласка осторожно подняла одну лапку, проверяя — не обманываю ли, затем покрутила головой, сжалась и в два прыжка оказалась на ладони.

Горячие лапки с острыми, как иголки, коготками защекотали кожу. Зверек поерзал в руках, пытаясь уместиться. Я засмеялась, когда он стал тыкаться мокрым носом в пальцы, затем каким-то чудесным образом скрутился калачиком; укрыв морду хвостом, он уставился на меня левым глазом.

— Ну что ты, маленький, набегался? — проворковала я. — Отдыхай. Не бойся этого злого Варды. Серая эльфийка не даст тебя в обиду.

Эльф поднялся, снял с костра готовые тушки, ловко разделал коротким ножом и протянул мне кусок со словами:

— Не трону я твою зверушку. У нее мясо сухое.

Я возмущенно посмотрела на него. Прижав к груди пушистый комочек, взяла дымящийся ломоть. Пальцы обожгло, я сердито уставилась на Варду, но смолчала. Боль от жара свежеприготовленной еды — самая лучшая боль.

Вдыхая одуряющий аромат, я облизнулась и откусила от ломтя. Язык опалило, но мир стал ярче, воздух чище, а эльфы добрее.

Не заметила, как справилась со своей порцией. Думала, захочу еще, но заяц оказался на удивление жирным и сытным.

Ласка мирно посапывает на руке, я смакую мелкие косточки и облизываю руки — сладкий жир стекает почти до локтя.



Варда отложил одну порцию на кусок бересты, другую принялся жевать, глотая большими кусками, словно хищник. Затем повернулся ко мне, внимательный взгляд несколько секунд сверлил лоб, затем вытер жирные губы и что-то пробормотал.

Я сдвинула брови и спросила сурово:

— Что?

Он выставил ладонь перед собой и отклонился.

— Да нет. Ничего.

— Говори.

Рыжий быстро доел кусок и вытер пальцы о бедра.

— Вообще, ласки не очень даются в руки, — сказал он. — Даже лесным эльфам.

Я погладила зверька по пушистой шерстке, тот приподнял голову и вопросительно посмотрел мне в глаза, мол, зачем разбудила? Я сплю, никому не мешаю. Когда почесала ему подбородок, малявка задрал голову и блаженно закрыл глаза.

— Отдыхай, пушистик. Ты в безопасности, — произнесла я и подняла глаза на Варду. — Может, я ему нравлюсь.

Он кивнул:

— Точно. Нравишься.

Попыталась найти в словах рыжего скрытый смысл, но если он и был, то незаметный для моей опустевшей памяти. Пришлось смириться с его искренностью, хотя странное ощущение осталось.

Чтобы не думать о тяжелом, я повертела головой в поисках отвлечения. Лисгард замер под березой, глаза закрыты, похоже, отключился после ночной гонки.

Я осторожно переложила ласку на траву под корягой. Зверек недовольно засопел, но глаза не открыл. Разнежился в тепле и спит без задних ног, даже ухом

не ведет. В опасной близости с троллями здоровый сон особо ценный — никогда не знаешь, когда из скалы вылезет каменная рука и раздавит, только красное пятнышко останется.

Взяв порцию мяса, я подошла к высокородному и аккуратно толкнула в плечо.

— Поешь, нам далеко идти, — проговорила я. — Не хочу слышать за спиной голодные стоны.

Лисгард поднял веки, секунду смотрел на меня, будто впервые видит, затем спохватился и выпрямил спину.

— Долго я так просидел? — спросил он хрипло.

Варда буркнул, отворачиваясь:

— Достаточно, чтобы рисковать остаться без еды. Серая косилась на твоего зайца.

Я протянула мясо Лисгарду, тот молча принял, с недоверием ковырнул поджаренный бок.

Несколько секунд косился на кусок; когда желудок призывно квакнул, все же взял и стал методично жевать. На лице появилась глубокая задумчивость, будто пытается понять — что бедный заяц ел на завтрак и сколько потомства успел оставить.

Белокожий долго оценивал пригодность блюда, потом, словно признав его сносным, пожал плечами и перехватил кусок поудобней.

— Итак, Варда, — проговорил он, поглощая ломоть за ломтем. — Пришло время вам рассказать, кто вы и откуда?

Я сделала шаг в сторону и села на траву рядом с белокожим. Ловкач развернулся полубоком, словно подставляет нам лучшую свою часть. Солнечный луч упал на рыжую шевелюру и окрасил огненным сиянием.



Варда пошерудил палкой в костре, снопы крошечных искр взлетели в воздух. После этого он поднялся и закидал огонь песком.

— Я странник, — просто сказал рыжий.

Лисгард чуть не поперхнулся, дожевывая остатки зайца.

— Из Чумнолесья? — не поверил высокородный.

— Догадливый.

Варда повернул ко мне голову и проговорил:

— Понимаешь, почему не верю в ворона? Сколько путешествую — никогда не видел.

Белокожий вперил на Варду изумленный взгляд и долго смотрел на него, будто сравнивал рисунки из манускриптов с реальным эльфом Чумнолесья. Затем манерно вытер пальцы о платок, который, как оказалось, не выбросил после того, как почистил ноги.

Отложив бересту в сторону, Лисгард отклонился назад.

— Я считал, странники осели в зараженном лесу, — сказал он.

Рыжий, извиняясь, развел руками:

— На то мы и странники, чтобы нигде не оседать. Забыл? Когда Безумный маг проклял лес, народ лесных эльфов раскололся. Некоторые до сих пор пытаются найти контакт с отравленными деревьями и очумевшим зверьем.

— И правильно делают, — отозвался высокородный.

Варда фыркнул:

— Да? Видел, как какой-нибудь наивный дурень пытается приручить клыкастого лося? Зверь смотрит на него внимательно, а потом трубит атаку и разрывает на части.



Белокожий угрюмо промолчал, рыжий продолжил:
— В общем, их попытки — пустая затея.

Лисгард встал, поправляя доспехи и оружие, затем поднял гаюиновые глаза на Варду.

— Зато они не предали родину, — проговорил он с нажимом.

Варда подтянул пояс и оскалился:

— Ха! Родину. Если родина превратилась в монстра, который пожирает все подряд, — зачем оставаться? Лучше отправиться туда, где можно жить, а не выживать. Ну, я так думаю. Хотя в вопросах выживания я поднаторел, поднаторел.

Я робко встряла в разговор:

— Может, мы продолжим путь?

Варда кивнул и подал мне руку:

— Именно. Я иду с вами.

Лисгард скрипнул зубами, на лбу вздулась и запульсировала вена, пальцы сжались и стали белее обычного.

Он прочистил горло и сказал, с трудом сдерживая напряжение:

— Чем обязаны?

Я схватилась за грубую ладонь Варды, тот резко рванул на себя, приводя меня в вертикальное положение. Взгляд рыжего скользнул в вырез.

— Вам не добраться до Забытой горы самим, — проговорил он невозмутимо. — Желтоглазую не отговоришь. Упертая. Но дорога идет через Чумнолесье, одна она не пройдет.

Идеальное лицо высокородного помрачнело. Буквально кожей ощутила, как он закипает, и только богам известно, почему до сих пор не набросился на рыжего и не разорвал на куски.





Жвалки на белом лице играют, зубы плотно сжаты. По какой-то неведомой причине соблюдает выдержку и уравновешенность, хотя взглядом способен прожечь гору.

— У миледи Каонэль уже есть защитник, — упрямо проговорил высокородный.

Со стороны Ущелья потянуло сухим воздухом и глиной, солнце поднялось выше, нагревая утренний воздух. В памяти всплыли недавние события, когда очулась на песке под нещадными лучами. Внутри все невольно сжалось.

Варда бросил короткий взгляд на теснину, затем покосился на белокожего. По лицу вижу — с языка рыжего вот-вот сорвется то, из-за чего придется разнимать двух огромных эльфов.

Странник сделал вдох, чтобы отпустить очередную остроту, но в последний момент махнул рукой.

— Один хорошо, а два лучше, — бросил он беспечно.

Рыжий глянул на потухший костер, затем прошелся везде, где трава оказалась примята, взбил, чтоб следы дневки быстрее исчезли.

Остановившись возле мирно спящего зверька, он наклонился и прошептал в пушистое ухо:

— Беги давай отсюда.

Ласка подняла встревоженную мордочку, глазки-пуговицы зыркнули на рыжего. Она перевела на меня осуждающий взгляд. Смотрит внимательно, разве что не говорит — эх ты, защитница, как гладить, так первая. А как пришел большой рыжий зверь и гонит в шею, так молчишь.

Я подошла к зверьку и виновато опустила рядом.

— Он прав, малыш, мы уходим. Никому не говори, что нас видел.

Пушистый комочек будто понял меня. Ласка поднялась и вытянула лапы, гибкий позвоночник растянулся, как у кошки. Она ткнулась мокрым носом в ладонь и в один прыжок скрылась в траве.

Из-за спины раздался удивленный голос Варды:

— Мда. И правда необычно.

Лисгард все еще стоит под березой и бросает гневные взгляды на рыжего. Я подошла к нему и постаралась говорить тихо, чтобы странник, сосредоточенный на затягивании ремней колчана, не услышал:

— Слушай, Лис, думаю, придется потерпеть. Он ведь действительно знает дорогу. Если ты и правда взялся меня защищать, лучше будет взять Варду с собой.

Белокожий странно покосился на меня, глаза все еще полыхают, но за языками синего пламени проступило сознание.

Он нервно повел ушами и проговорил с раздражением:

— Что еще за Лис? У Варды нахватались?

— Ничего подобного, — фыркнула я. — Просто так удобнее.

Высокородный многозначительно промычал что-то под нос и смиренно опустил руки.

— Пускай идет, — произнес он. — Кто ему запретит.

Глава 16

После коротких сборов мы двинулись дальше. Лисгард шагает молча, доспехи тихо позвякивают, прям как колокольчики. Лицо недовольное, словно голого гнома увидел. Изредка бросает подозрительные взгля-



ды на рыжего. Синий камень в обруче на лбу блестит в утренних лучах, словно еще один глаз.

В просветах между листьями ласковая и добродушная синева, но я знаю, как обманчиво небо. Это белокожим хорошо нежиться в солнечных лучах. Я не сахарная — от нескольких мгновений на жаре не растаю, но радости особой нет.

Воздух стал теплее, пчелы с жужжанием отправились на ежедневный облет, утро на удивление спокойное: если бы не спешила, могла бы насладиться.

Варда чуть сзади шагает почти бесшумно — долгая жизнь среди опасностей приучила к незаметности и осторожности. Кожей чувствую, как изредка на меня поглядывает.

Через пару перелетов стрелы деревья стали реже, зато кусты калины и падуба пошли плотными рядами, царапая руки.

Из-за огромного валуна в конце рощи донеслись хриплые голоса. Я потянула воздух, в носу зашекотало от запаха крепкого пота и нестираной одежды.

— Там кто-то есть, — сказала я тихо и притормозила.

Рыжий остановился, повернув голову боком, он замер на несколько секунд. Уши зашевелились, как у зайца, в унисон голосам, затем понюхал воздух и вытер нос рукавом.

— У тебя хороший слух, — проговорил Варда.

Я довольно хмыкнула и заправила за ухо локон. Тон рыжего все такой же насмешливый, но в груди странно потеплело. Чтобы не выдавать смятения, я воинственно подняла подбородок и бросила:

— Я еще не то умею.

Варда заинтересованно приподнял бровь:

— А что еще?

— Не знаю, — сказала я, пожимая плечами. — У меня ж потеря памяти.

Рыжий обнажил белоснежные клыки и тихо засмеялся, затем наклонился и стал поправлять шнуровку на сапоге. Он поплевал на пальцы, скручивая лохматый шнурок, и произнес:

— Мы вошли в Межземье.

— Ну и что? — спросила я.

— Здесь правят меч и брага, — пояснил Варда. — Любой может всадить вам клинок в спину или пустить стрелу меж глаз. Держитесь рядом, вперед не лезьте. Ничему не удивляйтесь — тут можно встретить кого угодно.

Он справился с правым сапогом и перешел к левому, деловито перетягивая тугие узлы, чтобы ткань облегала плотнее. Я понимающе кивнула — в дороге сапоги должны быть как вторая кожа, чтобы никакой камешек не попал.

Рыжий продолжил:

— За валуном начинается дорога на восток, но там отдыхают разбойники. Лучше обойти.

Лисгард молчал, оперевшись плечом на ствол березы. Он придирчиво разглядывал грязь под ногтями. Последние слова Варды заставили его оторваться от щепетильного занятия и поднять голову.

— Человеческие разбойники? — спросил высокородный небрежно.

Варда откинул рыжую копну с лица и посмотрел на белокожего, как на умалишенного.

— А какие они еще бывают? — огрызнулся он. — Гномы, что ли? Или, может, солнечные эльфы решили сменить ремесло?



Он сокрушенно покачал головой и вернулся к перетягиванию шнуровки.

Лисгард провел ладонью по белоснежной гриве, затем поправил обруч с гаюином на лбу, пальцы сжались на мече. Через секунду он уже мчался к валуну, как бешеный олень.

Я схватила за голову и крикнула:

— Куда ты!

Белокожий достиг камня и начал огибать справа. Солнце блеснуло в алмазновых доспехах, пуская солнечных зайчиков в разные стороны. Металл хоть и легкий, но гремит, как настоящая сталь.

— Оказывается, странники трусы, — бросил он на бегу. — Это всего лишь люди!

Варда поднял голову, в глазах блеснули молнии. Он тихо выругался под нос и выхватил лук из-за спины.

— Болван! — рявкнул рыжий. — Это не те люди!

За камнем раздался хор побеспокоенных разбойников, дружный рык, лязг металла и изумленный возглас белокожего.

Варда зыркнул на меня и спросил быстро:

— Оружие есть?

Я отодвинула в сторону плащ, на поясе сверкнул коротенький керис.

Он поморщился и проговорил раздраженно:

— Без толку.

В несколько прыжков странник преодолел расстояние до валуна и, как на веревочках, взлетел на камень. Его руки быстро замелькали, выхватывая стрелы из колчана. Свистящий звук заполнил воздух, словно они не ждут спуска, а сами срываются с тетивы.

Затылок потеплел. Едва успела моргнуть, как поняла, что бегу в гущу сражения. Лезвие кериса блестит

в ладони, как плавленное серебро, в ушах свист ветра, сердце молотит, будто собирается пробить грудную клетку.

Когда обогнула валун, увидела, как на поляне Лисгард рубится во все стороны. Вокруг него плотным кольцом два десятка разбойников машут саблями и топорами. В траве несколько трупов, у одних в голове стрелы, другие просто разрублены до груди.

— Их много! — выдохнула я.

— Не мало, — крикнул Варда, не оглядываясь.

Люди дерутся умело и сосредоточенно, лица перекошены яростью и праведным гневом. Огромный бородач с дубиной пытается подобраться к белокожему сзади, но тот вертится, как мангуст. Бородач отскакивает, боясь идти в лобовую атаку.

Доспехи высокородного побагровели, по лбу течет красная струйка, движения прерывисты и сдержанны. Старается беречь силы. Я пригляделась и облегченно выдохнула — высокородный не ранен, а кровь на броне чужая. Варда пускает стрелы, методично убирая разбойников одного за другим.

Когда запас кончился, он выхватил из ножен изогнутый меч. С яростным криком рухнул на голову разбойнику, который оказался под камнем. Вдвоем они упали в траву, Варда моментально вскочил и с размаху всадил клинок в затылок.

Удары Лисгарда стали слабее, но разбойников еще много. Варда с ревом бросился в самую гущу, рассекая врага прямо в прыжке.

Я замерла, глядя на кровавую баню.

Сзади хрустнуло.

Когда развернулась, в голове пронеслись все проклятия, какие смогла вспомнить. Трое громил зашли



с подветренной стороны и покачивают кривыми саблями. Тела закованы в железо, в бородах остатки еды вперемешку с травой.

Один плюнул под ноги, они с глумливыми улыбками двинулись на меня.

Я покосилась на эльфов, те заняты остальной бандой, в мою сторону даже не смотрят. Пришлось отступить на пару шагов, давая себе хоть немного времени. Потом в груди что-то вспыхнуло, ум очистился, словно окатили ледниковой водой. Я откинула плащ и крепче сжала керис.

Тот, что посередине, проговорил пропитым голосом:

— Серую еще не убивал.

Затылок раскалился, будто в него налили раскаленного железа, в складках корсета появилось покалывание. Чем ближе подходили разбойники, тем сильнее кололо, только когда стало совсем противно, поняла — белый гаюин действует.

Разбойники окружили меня и с ревом бросились в атаку.

Я подпрыгнула на месте и зависла в воздухе. Пока они ошарашенно таращились, извернулась в полете и приземлилась на плечи одному. Пока тот тупо хлопал ресницами, соскользнула за спину и с лету вонзила керис в середину черепа.

По рукам прошла волна, в голове зазвенело, будто ударила молотом в каменные ворота. Человек застыл с изумленными глазами, пальцы сжались, словно мертвое тело собирается ударить в ответ. Затем колени разбойника подкосились, он рухнул в траву, как мешок с песком.

Я отпрыгнула в сторону, укрываясь плащом, как щитом. Раздался треск ткани, прямо перед носом вылезло сверкающее лезвие.

— Чтоб вас лешие сожрали! — отчаянно прокричала я.

Над ухом пролетела дубина, пришлось упасть на колено, чтоб уберечь голову.

Тут же с руганью вскочила на ноги и снова оттолкнулась от земли. Перелетев одного из разбойников в затажном прыжке, оказалась прямо между ними. Тело работает быстрее ума, я резко пропустила керис под рукой и надавила. Из-за спины раздался вопль боли, я чуть прокрутила лезвие и дернула на себя, вопль повторился, сзади грохнулось.

Лицо третьего разбойника перекосило от ярости, на губах выступила желтая пена, глаза покраснели. Он вскинул меч и бросился на меня.

Пришлось резко отклониться назад, зависнув параллельно земле, чтобы спастись от широкого замаха, он едва не снес пол-лица. Разбойник снова замахнулся, я кувыркнулась в сторону, уворачиваясь от лезвия.

Когда вскочила, решила прыгнуть со спины, но разбойник быстро развернулся и снова пошел на меня.

— Да что тебе надо! — не выдержала я.

— Отрезать уши! — проревел разбойник.

Я закричала:

— Лучше я тебе!

Он впал в безумие, стал крушить направо и налево. Только успеваю уклоняться от смертоносных ударов.

Я выбросила вперед керис в надежде попасть разбойнику в лицо, но тот отмахнулся от клинка, как от назойливой мухи. Мое единственное оружие с шелестом упало в траву.



От очередного замаха пришлось поспешно отпрыгивать, спина уперлась в шершавую кору березы. В ту же секунду перед глазами сверкнуло лезвие.

Дыхание застряло в горле, я приготовилась умереть.

В воздухе просвистело, блеснул металл. Разбойник сделал неуверенный шаг и застыл с открытым ртом. Отходя от шока, я быстро заморгала, все еще не понимая, что случилось.

Из глаза разбойника торчит окровавленное острие, на самом кончике собралась багровая капля. Поверхность натянулась, капля оторвалась и, как в замедленном действии, полетела вниз.

По искривленному лицу потекли багровые струи. Пальцы негодяя медленно разжались, меч с глухим стуком упал в траву. Он стоял так еще секунду, не сводя с меня целого глаза, затем взгляд померк, и мужик рухнул, широко раскинув ноги.

Я медленно повернула голову и захлопала ресницами.

Среди груды изрубленных тел стоит Варда в позе метателя, грудь ходуном, на лице кровавые капли вперемешку с потом. Глаза бешеные, сверкают, как алмантиновые доспехи.

Чуть в стороне на колене Лисгард, ладонь опирается на рукоять. Лезвие наполовину утоплено в теле разбойника, наверное, прошло насквозь.

Я очнулась от оцепенения, медленно подошла к ним. Только сейчас поняла, как испугалась — руки холодные, уши торчат. Меня начала бить крупная дрожь.

Варда запахнул мне плащ и проговорил хрипло:

— Ну-ну. Все хорошо. Отбились.

Зубы застучали, я сунула руки под мышки, пытаюсь найти подходящее положение, но легче не стало.

— Спасибо, — проговорила я сквозь тряску.

Варда отвернулся и глянул на белокожего.

— То ли еще будет, — выдохнул он.

Рыжий вновь повернулся и внимательно всмотрелся в лицо. Широкая ладонь легла на затылок, как если бы была маленьким эльфенком, а он — большим и сильным. Его лицо оказалось так близко, что смогла разглядеть прожилки в глазах.

Палец скользнул по щеке.

— Забрызгалась, серая, — произнес Варда тихо.

Я смущенно отстранилась. Мазнув ладонью по подбородку, посмотрела на пальцы: на серой коже остались красные пятна. Потом быстро оглядела себя, делая вид, что сейчас это ну очень важно.

Сапоги заляпаны почти до колен, в плаще небольшая дыра, на локте красное пятно, но через некоторое время посинеет, затем станет желтым, а потом вовсе сойдет.

Вокруг трупы в неестественных позах, под ними небольшие багровые лужицы, головы запрокинуты. В голове запульсировала мысль — я убила людей, по-настоящему убила. Когда уйдем, стаи ворон и стервятников растащат останки.

В желудке заворочалось и поползло вверх, перед глазами поплыли цветные мухи, уши заложило, будто на них надели деревянные колпаки. Приступ тошноты накатиł неожиданно и быстро. Меня согнуло пополам, пришлось сцепить зубы, чтобы удержать в себе утреннего зайца.

Захотелось пить, затылок все еще пульсирует, но уже остыл. Варда с пониманием посмотрел на меня,



снял с пояса небольшой бурдюк с водой и протянул мне:

— Глотни.

Я схватила бурдюк и стала жадно пить, стараясь насытиться про запас. Прохладная влага приятно льется в горло, бодрит и растворяет жуткие мысли.

Рыжий подцепил пальцами край емкости и дернул на себя.

— Хватит, — остановил он. — Не пей много, в животе будет булькать.

От рывка вода расплескалась и облила мне лицо, я вытерлась краем плаща и шумно выдохнула.

Лисгард все еще неподвижно сидит рядом с кучкой трупов и тяжело дышит. Рыжий провел ладонью по лбу, на коже осталась чужая кровь. Он подошел к белокожему.

— Воды? — предложил странник.

Лисгард, не поворачиваясь, взял бурдюк, сделал несколько больших глотков и вернул емкость.

Меня все еще потряхивает. Не придумала ничего лучше, чем еще раз оглядеть поле. Трупы все еще здесь и растворяются, как дурной сон, не собираются, одежда в крови, пальцы сжимают рукояти.

Только рыжий выглядит спокойно, словно каждый день в такие передряги попадает. Уши все еще воинственно торчат, но взгляд деловитый, как у хозяина фермы.

Белокожий оперся на меч, как на посох, и со стариковским кряхтением выпрямился.

— Не понимаю, — проговорил он неверяще. — Это были люди, обычные люди. Кто научил их владеть мечом?

Варда ходит между трупами, вытаскивая из тел стрелы. Перед тем как убрать в колчан, критически осматривает и протирает куском шкуры.

— Ты рванул, как ненормальный, — сказал он.

— Это были люди, — повторил белоухий уперто.

Рыжий уперся ногой в тело и резко дернул, слышался тихий хлюп.

— Предупреждал же, это Межземье, — пояснил он. — Может, в Светлолесье люди рабы, но здесь даже ребенок владеет оружием.

Лисгард сокрушенно покачал головой — все еще не верит глазам и ушам. Потом его глаза вспыхнули, словно о чем-то вспомнил. Высокородный обеспокоенно повертел головой, взгляд остановился на крупном мужике у муравьиной кучи. Из груди разбойника торчит рукоять эльфийского меча.

Он медленно подошел, ухватился за расписной край и рванул на себя. Послышался чмокающий звук, клинок сверкнул на солнце красноватыми бликами.

Белокожий вытащил замусоленный платок Генэль и стал тщательно вытирать. Ткань моментально побавела, на металле остались мутные разводы — паучий шелк плохо впитывает кровь. После нескольких безуспешных попыток сын казначея смял платок и отшвырнул в траву.

Варда наконец собрал стрелы, он подошел ко мне и протянул керис.

— Твое? — спросил рыжий. — В траве нашел.

Я дрожащими пальцами взяла клинок и сунула в ножны.

— Спасибо.

— Ты где сражаться научилась? — спросил он.



— Не знаю. Оно само.

Рыжий удивленно вскинул брови.

— Полезное умение, — проговорил он, затем подошел к громиле и выдернул из черепа кинжал. — Если бы у меня все получалось само, сразу бы прыгнул в короли. Нет, даже в императоры.

Чтобы отвлечься от навязчивых мыслей об убиенных, я подняла голову к небу. Глаза моментально заслезились от избытка света, по щеке скользнула мокрая дорожка. Я поспешно вытерла ее краем плаща, чтобы не увидели. Затем облизала губы, во рту остался металлический привкус человеческой крови.

— Зачем тебе в императоры? — спросила я безразлично.

Варда посмотрела на меня, как на глупую гусыню.

— Ну как, — начал объяснять он. — Во-первых, для личного удовольствия. Представь, я на вершине мира, больше не надо бороться, все достигнуто и солнечные эльфийки подносят медовую пыльцу на серебряном блюде.

— А во-вторых?

— Во-вторых... — Рыжий задумчиво посмотрел в сторону. — Во-вторых, еще не придумал.

Я фыркнула:

— Чего и следовало ожидать.

Привычное язвительное состояние постепенно возвращалось ко мне. Варда пожал плечами, на ходу запихивая в карман монеты, что вытащил у покойников.

— Я просто живу, — сказал он. — Странники, знаешь ли, стараются ничем не обременяться.

Он закончил обход и остановился передо мной, скрестив на груди руки, концы волос слиплись от крови, на плече повис кусок чьей-то кожи.

Я брезгливо поморщилась и ткнула пальцем на ошметок.

Варда повернул голову, шея сморщилась, он глянул на плечо, затем невозмутимо взял лоскут двумя пальцами и отбросил в сторону.

— Говоришь, не знаешь, где научилась биться? — спросил он с сомнением и поскреб лезвием подбородок.

— Именно, — ответила я.

— У тебя необычный стиль, — не отставал Варда. — Такому нигде не обучают. Зависание в воздухе — сложная техника, не представляю, кто может ее передать. Даже лесные не умеют.

Он убрал кинжал за пояс и недоверчиво покосился на меня.

— Да что ты пристал со своим стилем! — выпалила я. — Не знаю я ничего. Подбежали разбойники, начали наступать. Дальше как во сне. Тело само завертелось, стало скакать, думать не успевала.

Варда подозрительно прищурил глаза и скривил губы. Я зашипела и отвернулась. Из-за спины послышались смешки и шорох. По звукам поняла — рыжий проверяет меч, укладывает его поудобней в ножнах.

В пальцах странно закололо, тело похолодело, я испуганно оглянулась в поисках источника наваждения, но вокруг лишь эльфы и куча трупов.

Холод стал сильнее, но под кожей будто бегают огненные муравьи и больно кусают. Затылок онемел, в глазах потемнело, я со стоном упала на колени и скрутилась калачиком.

Варда кинулся ко мне.

— Что с тобой? — растерянно спросил рыжий.



Одолевающая слабость растеклась по телу, во рту пересохло, в спутанном сознании ленивой черепахой проползла мысль — сейчас бы фруктов. Тех, что спасли меня от обезвоживания на краю пустыни.

Мир сжался в одну точку, где видно только перепуганное лицо рыжего. Затем появилась белая физиономия с гаюновыми глазами.

Звуки разлетаются эхом, как весенний гром, в ушах бухает. Попыталась встать, но ноги не слушаются, мышцы ватные, позвоночник будто превратился в тряпку.

— Это откат от гаюина, — прозвучал обеспокоенный голос Лисгарда.

— Белого, что ли?

Слова Варды зазвенели сотнями колоколов в голове. Мир стал растворяться в молочной дымке, пронизывающий холод сковал тело, ощущения конечностей стали пропадать.

Над самым ухом прогремел раскат, с запозданием дошло — орет Варда.

— Где! Где камень?

Хотела ткнуть на декольте, но руки не поднимаются, в груди растекается ледяное марево. Голос Лисгарда прозвучал, как мышинный писк:

— Надо найти его прежде, чем отключится. У нас нет ледяного молока, чтобы отпаивать.

Замороженная кожа едва ощутила хлопки по телу — ищут. В голове слабо трепыхнулась мысль: ой, что будет, когда найдут.

Словно сквозь густой кисель донеслось:

— Нашел!

Раздался возмущенный вздох Лисгарда.

— Вы же не полезете туда руками! — выпалил он.

— Ждать, пока умрет?

Возню в районе груди ощутила слабо, оледеневшее тело быстро теряет чувствительность. Мысли переваливаются друг через друга, как полудохлые змеи, вместо голосов то жуткий рык, то комариное жужжание.

— Нашел! — крикнул Варда с облегчением.

Что-то прошуршало и грохнулось вдалеке, Лисгард заголосил:

— Что вы наделали! Это же белый гаюин!

Загрохотали доспехи, послышалось шуршание в траве, белокожий то ли с чем-то возится, то ли копается, при этом трагично причитает.

Лицо обожгло жгучей болью, голова зазвенела. Сквозь пелену дошло — Варда самоотверженно хлещет меня по щекам.

В пальцах моментально потеплело, горячая волна поползла от конечностей к телу. Перед глазами проступили цветные пятна, превратились в лица эльфов. Рыжий вглядывается в лицо с тревогой и надеждой, за спиной стоит Лисгард и смущенно отворачивает голову с красными, как спелая земляника, ушами.

Я разомкнула пересохшие губы и прошептала:

— Пить.

Варда дернул бурдюк, оторвал зубами затычку и чуть ли не силой влил мне в рот остатки воды.

Блаженная жидкость потекла в горло, я стала жадно пить, пока баклажка не опустела. Мир медленно вернулся в нормальное состояние. Варда дернул меня за плечи и посадил, уперев спиной в небольшой камень.

— Что произошло? — прохрипела я.

Лисгард проговорил, стараясь на меня не смотреть:



— Я говорил, миледи, белым гаюином может владеть лишь король солнечных эльфов. Вас постиг белый дурман. Продержи камень при себе чуть дольше — вас бы уже никто не откачал.

Я слабо кивнула и опустила взгляд. Корсет расшнурован и перекошен самым откровенным образом, Варда смотрит в глаза и хмурит брови.

Кончики ушей запылали, в груди закипело, я вцепилась пальцами в траву и отвела взгляд, стараясь не смотреть ни на одного из эльфов. Гаюин был спрятан в удобной складке корсета прямо под грудью.

Я вспыхнула:

— Варда! Ты... ты... как ты смел!

Он вскинул брови.

— Это мне вместо «спасибо», — сказал он оторопело и запахнул мне плащ. — Раз ты в порядке, вставай и пошли.

Он поднялся, отряхнулся для вида и спросил белокожего:

— Откуда у нее камешек?

— Украла у короля Эолума, — ответил высокородный небрежно.

Я поспешно вставила:

— Не украла, а присвоила. Мне нужнее.

— Потому, что вы сплошная проблема, миледи, — пробубнил под нос белокожий.

Варда с уважением посмотрел на меня. Взяв за плечи, он поставил на ноги и еще раз поправил края плаща.

— Спереть имущество короля? Сильно, — похвалил он и обернулся к Лисгарду: — Гнаться будут?

Белокожий пожал плечами и демонстративно повернулся спиной.

— Не знаю, — проговорил он чопорно. — Могут решить, что не выжили в ночном тумане.

— Это что за дрянь? — спросил странник.

— Не вашего ума дело.

Варда всплеснул руками и недовольно дернул ушами.

— Не моего, — огрызнулся он. — Как спасти вас, так моего, а как объяснить, так не моего. Ну-ну. Все белоухие такие.

Лисгард манерно оглянулся через плечо, у самой Генэль не получилось бы лучше. Да что там, сейчас король Эолума показался бы неотесанным фермером рядом с сыном казначея.

— Какие? — спросил солнечный надменно.

— Беспольные, — бросил рыжий.

Я наконец справилась со шнуровкой на корсете; от мысли, что он шерудил там своими огромными руками, тыкал, искал камень, по коже пробежали мурашки. Еле справилась с очередной горячей волной, которая прокатилась по телу. После гаюинового льда она кажется вдвойне жгучей.

Кое-как встала и проговорила окрепшим голосом:

— Хватит пререкаться уже. Далеко до горы?

Солнце поднялось над деревьями и медленно плывет в голубом воздухе. Скоро полдень, жарить начнет сильнее, а воды мало. Я перевела страдальческий взгляд на бурдюк и спросила:

— Нам хватит?

Варда секунду непонимающе смотрел на меня, затем, заметив, куда смотрю, сказал:

— Переживаешь?

— Может, вам не надо пить, — бросила я раздраженно. — Лисгард вообще как солнечная батарейка,



хлебом не корми, дай поваляться под лучами. Но мне без воды не вынести переход по жаре.

— Для тебя всегда найдется, — сказал рыжий, перешагивая через тело.

Он развернулся и двинулся по дороге, Лисгард недовольно фыркнул и отправился следом.

Я сделала шаг, на глаза попался короткий эльфийский меч, зажатый мертвыми пальцами в траве. Клинок темный, словно варили в угле, лезвие тонкое.

Наклонившись, я осторожно разжала окровавленную ладонь и вытащила меч. Металл сверкнул на солнце и пустил солнечных зайчиков в лицо. Разбойник его точно украл, у людей таких не видела.

На антрацитовый рукояти разглядела гравировку, попыталась прочесть, но разобрала лишь несколько рун про разлом.

— Корявый язык, — пробормотала я.

Затем окинула трупы взглядом, в поисках того, в чем можно носить чудесный меч. По спине пробежала неприятная волна, обоняние уловило первые запахи мертвечины.

Я сделала глубокий вдох, чтобы справиться с омерзением. На глаза попались подходящие ножны, они лежат рядом с мужиком, который только что был могучим воином, а теперь — обед для стервятников.

Подбежала, стараясь не наступать на распластаные тела. Затем подхватила и закрепила на поясе. Ножны сели, как влитые. Я улыбнулась, когда меч с легким шелестом вошел в гнездо; довольная, я бросилась догонять эльфов.

Глава 17

Мы пошли между зеленеющими холмами. Кое-где встречаются густые поросли шиповника и кустарников с большими белыми цветами. От бутонов идет головокруго-приятный сладкий запах, вокруг них деловито гудят пчелы.

Когда проходили мимо одного из таких, особо смелая пчела подлетела ко мне и несколько секунд жужжала рядом, словно высматривала сетчатыми глазами, можно ли у меня что-нибудь вкусненькое урвать. Поняв, что с цветами у меня мало общего, она резко взяла влево и умчалась к кустам.

Варда периодически подгоняет, поглядывает из-за плеча, губы кривятся. Все кажется, сейчас начнет подшучивать и издеваться, но рыжий молчит. Лишь ушами подергивает.

Солнце поднялось выше и недобро смотрит сквозь белесую дымку. Обжигающие лучи скользят по коже, норовят снять верхний слой, чтобы добраться до нижнего — нежного и мягкого, выжечь, к лешему, до костей.

Пришлось накинуть капюшон и заправить волосы внутрь, чтобы в глаза не лезли. Блаженная тень легла на лицо, из-под края я посмотрела на Лисгарда. Тот расправил плечи и довольно шагает, кожа покрылась легким матовым свечением, волосы блестят, как слюда. Я завистливо вздохнула и задумалась.

Чародей сказал, Талисман упадет через три дня, мы идем всю ночь, а горы все не видно.

Наклонившись к белокожему, я прошептала расстроенно:

— Может, Варда прав?



Лисгард непонимающе покосился на меня, уши привстали, он метнул яростный взгляд в спину рыжего.

— Вы во всем готовы с ним согласиться? — спросил он недовольно.

— Нет, — сказала я, качая головой. — Я о другом. Может, нет никакого Талисмана и чародей наврал?

— Чародей мог, — согласился белокожий. — Он ведь человек.

Я продолжила рассуждать:

— Хотя рыжий и в ворона не верит.

— Какого еще ворона? — спросил Лисгард.

Я не ответила, вместо этого ускорила шаг и поправлялась с Вардой. Он прет, как бык, по жаре, даже мухи облетать стараются, когда натыкаются на суровое лицо.

Чтобы избежать двусмысленных намеков и взглядов, я на всякий случай плотнее запахнула плащ. Кожа, спрятанная от жгучих лучей, стала быстро остывать.

Я спросила:

— У нас план есть? Или идем куда глаза глядят?

Варда покосился на меня, на ходу поправляя пояс с мечом.

— Я исходил Межземье вдоль и поперек, — сказал он. — Дорога идет мимо избушки, дряхленькой такой. Вроде пустая, хотя вокруг малинник и тыквенное поле. Потом сворачивает на восток и тянется до перекрестка трех дорог с постоянным двором, таверной. Там можно передохнуть.

— Передохнуть? — не поняла я.

— Ага.

— А как же гора? У меня время ограничено, если не забыл.

Губы Варды скривились в усмешке, он проговорил:

— Почему забыл. Помню.

Я зыркнула из-под капюшона и нахмурила брови. Вроде говорит честно, но лицо такое, словно украл единорога и не признается. В голове мелькнула мысль — если таверна, значит, люди.

— А в твоей таверне нам не кинутся уши отрезать и каленым железом жечь? — недоверчиво спросила я.

Рыжий покачал головой.

— Постоялые дворы зачарованы, — объяснил он. — Там запрещены убийства. Драться и буяннить можно, кувшины об голову бить, табуретками швыряться. Но если умертвишь кого — окаменеешь. Так что аккуратней там.

Я нервно прижала капюшон к голове и сказала:

— Не убьют, так покалечат. После резанья, думаю, можно выжить.

— Да? — прогудел Варда. — А много ты выдела живых эльфов с отрезанными ушами?

Задумалась. Своих сородичей знаю не так много, только эолумских. Зато с людскими традициями познакомиться успела.

— А если случайно? — осторожно поинтересовалась я.

— Что случайно?

— Убил случайно.

— Какая разница? — фыркнул рыжий. — Убил — окаменел. Там за конюшней целый сад с глянцевыми статуями. Все случайные.

Я снова задумалась о странных землях, в которые нас затащил рыжий, где карают всех подряд, без суда и следствия. Минуту шевелила ушами под капюшоном, разглядывая кусты с белыми цветами. Пчел стало больше, в некоторых бутонах по две, а то и три. Ко-



пошатся, с недовольным жужжанием отнимают друг у друга пыльцу, когда кому-то удастся выхватить лакомый кусок, остальные делают вид, что совершенно не заинтересованы.

Пауза затянулась, я проводила взглядом очередной куст и решила — какое мне дело, пускай карают, главное, чтоб меня не трогали, на пути не вставали.

— Они навсегда статуями останутся? — спросила я. Варда пожал плечами.

— Откуда мне знать, — ответил он безразлично. — Говорят, если снять чары с постоянных дворов, камни оживут. Только кому надо, чтобы толпа гномов, людей и эльфов вмиг очнулась от сна и принялась за старое? Нет. Пускай уж лучше статуи.

Я сперва возмутилась, хотела отпустить что-нибудь едкое, но рыжий преградил путь рукой.

— Тьфу ты, пропасть, — скривился он и указал на ветхую избушку рядом с перелеском. — Не слышал, старею, наверное. Говорят, когда возраст переваливает за тысячу, слух портится.

Я махнула рукой:

— Ерунду говорят. Вон белокожий вообще тугоухий, в Эолуме все чуток глуховаты. И ничего, не жалуются.

Рыжий покосился на Лисгарда через плечо.

— Правильно, — пояснил он, — зачем им слух в городе? Там главное — зрение и солнечная магия. А в лесу без хорошего носа и чутких ушей вот так — прям в лапы к врагу.

Из-за деревьев показался большой отряд солнечных эльфов в ярких, как знойный день, доспехах.

Я сокрушенно вздохнула, не понимая, почему тоже я не уловила их запах. Обычно от белокожих за версту

тянет чем-то терпким. На всякий случай приняхалась, но всюду лишь запах травы и плодородной земли.

Еще несколько секунд дергала носом, пока не сообразила — ветер с другой стороны. Зато уши уловили мерное грохотание адамантиновой брони и оружия.

Меня затрясло, эти фанатики не отстанут просто так, ясно, зачем ломились в такую даль. Только белого камня у меня больше нет, а вот голова серой эльфийки в качестве утешительного приза королю вполне сойдется.

Варда сплюнул на землю и сказал:

— Нас уже заметили, спрятаться не успеем.

Я затравленно оглянулась на белокожего. У того взгляд загадочный и спокойный, даже на отца похож больше обычного.

— Кто-то говорил, погони не будет, — выпалила я.

Лисгард звякнул броней, мечи с тихим шорохом полезли из ножен, он проговорил сдержанно:

— Я был уверен, миледи, что король сочтет нас мертвыми. После ночного тумана обычно не остается даже костей, а трупы искать бы не стали.

— Почему? — удивился Варда.

Лисгард бросил:

— Высокородные таким не занимаются.

— Ага, трупов не нашли, — фыркнула я. — Но отряд отправили, да еще какой.

Я пригляделась, насчитала около пятидесяти эльфов, каждый в полном боевом оснащении. Половина пешие, налегке, остальные верхом на серебристых единорогах с красными глазами, даже отсюда вижу. Отряд движется сквозь заросли к дороге наперерез. На пути избушка с перекошенной дверью, крыльцо по-



росло бурьяном, но справа огромный малинник, а за ним поле с оранжевыми приплюснутыми шариками.

Я проверила меч и керис, натянула сильнее капюшон, чтоб спрятать лицо. Бессмысленно, конечно, но иначе не могу.

— Как же эти солнечные ханжи оказались здесь раньше нас? — спросила я.

Лисгард потер пальцами кончик уха и предположил:

— Думаю, элумский маг перебросил через портал. Варда странно покосился на белокожего.

— Откуда, интересно, они узнали, каким путем пойдем?

— Скорее всего, меня отследили по крови, — сказал Лисгард. — В аметистовом хранилище есть колба с моей.

Пока я пыталась сообразить, как по крови можно найти эльфа за пределами Светлолесья, от отряда отделились десяток крепких всадников и галопом помчались к нам. Под копытами единорогов клубится пыль, земля сотрясается от грохота, подковы наверняка из адамантина. Острые пики на лбах зверей недобро поблескивают.

Я спросила робко, в надежде, что все само разрешится:

— Может, обойдем как-нибудь? Их много — не отобьемся.

Лисгард подошел слева, посмотрел на меня, как на насекомое, которое вздумало читать стихи.

— Знаете, миледи, — проговорил он чопорно, — говорят, когда рождается эльфийка, боги наделяют ее одним из трех даров: красотой, умом или силой. Так вот, следите за внешностью.

Я вспыхнула до самых кончиков ушей, под капюшоном не видно, как пылают щеки. Хотела ответить что-нибудь резкое, но смолчала, чтобы не накалять обстановку.

Облако пыли стремительно растет, разбрасывая в стороны серебристые крупницы из-под копыт. Такие звери в бою стоят пары-тройки воинов, если не больше. Приблизиться к ним во время сражения — уже подвиг. Не проткнут рогом, так копытами зашибут.

Уши Варды стали похожи на две торчащие пики, на руках проступили жилы, глаза сверкнули и превратились в две узкие полоски.

Он положил ладонь на рукоять и сказал:

— Ну-ну, солнечный, ты полегче. В ее словах есть доля правда — отбиться не сможем.

Всадники приблизились и окружили плотным кольцом. У всех подбородки вздернуты, на благородных лицах непроницаемое спокойствие. Волосы туго заплетены, хотя всегда считала, что косы — прическа для эльфиек. Но в воинственности этих эльфов сомневаться не приходится. Наверное, волосы убирают для удобства в бою, чтоб в лицо не лезли.

Броня как на подбор — ковали по одному заказу. Единороги беспокойно фыркают и роют копытами землю, все, как один, похожи на Арума.

Вперед выехал высокий эльф с глубоким шрамом на щеке, оказывается, он остановился перед высокородным, признав в нем лидера.

— Далеко собрались, милорды? — проговорил он бархатным голосом.

Рыжий смерил солнечного таким взглядом, будто уже разрубил пополам и любуется ювелирной работой.



Он выступил вперед и сказал, глядя в лазурные глаза белоухого:

— Мирные эльфы. Идем через Межземье.

Воин смерил его пренебрежительным взглядом и скривился.

— Если вы не заметили, милорд из Сильвирела, — сказал он снисходительно, — я обращался не к вам. Кроме того, мирные через Межземье не ходят. Сдайте оружие. Нам не нужны неприятности.

Он поправил локон гривы, которую едва придерживал пальцами, и выжидающе уставился на Варду.

Пришлось подчиниться, это не кучка разбойников на привале, чтобы раскидать их, как новорожденных котят. Здесь хорошо обученные, умелые бойцы.

Осторожно, стараясь не распахивать плащ и не поднимать головы, я вытащила керис. Темный клинок пришлось распластать по ноге и прикрыть плащом, чтоб незаметно было.

Затем медленно протянула в сторону изогнутую рукоять, держа двумя пальцами за лезвие. Один из воинов быстро подхватил и передал эльфу со шрамом.

Солнечный удивленно приподнял бровь и присвистнул:

— Ничего себе. Зачарованный керис, такие только шаманы изготавливают.

Он чуть наклонился и попытался заглянуть под капюшон. Я сильнее наклонила голову, понимая — он не из армии Эолума, иначе уже давно догадался бы, кто мы такие.

Солнечный разочарованно хмыкнул, затем обернулся к остальным.

— Ведем к командиру Эолума. Полагаю, у него найдутся к вам вопросы, — проговорил он, бросив на меня многозначительный взгляд.

Его единорог развернулся и зашагал прочь.

Внутри все рухнуло, я затравленно глянула на Лисгарда, потом перевела взгляд на Варду. Тех тоже разоружили и жестами указали встать рядом со мной. Кольцо всадников сузилось, тот, что был ближе ко мне, свесился с единорога и прошептал горячо:

— Ты, наверное, темная? Никогда не встречал темную. Правда, что у темных под...

Он не закончил, Варда посмотрел на него дикими глазами, гвардеец со звуком захлопнул рот и замер, повиснув на боку единорога. Если у него и вертелись какие-то двусмысленные слова во рту, то они прилипли вместе с языком к нёбу.

Волна отвращения и злости расползлась из центра грудной клетки, пробежала по коже жгучими мурашками, хорошо, что не видно, как трясутся губы. Мысленно поблагодарила рыжего.

Я осторожно приподняла голову так, чтобы остаться под капюшоном, и прошипела в лицо гвардейцу:

— Сунешься ко мне, лишишься важной части тела.

Солнечный изумленно отпрянул, видимо, привык, что все млеют от его безупречной физиономии и сияющей кожи. По отряду, словно шорох паучьего шелка, прошелестели сдержанные смешки.

Варда сурово посмотрел на меня, в глазах решимость и злость. Такие, как он, не любят терять контроль, а оказываться в плену — тем более. Но сейчас не время для геройств, нужно выждать момент и действовать по обстоятельствам.



Сбоку Лисгард сжимает в ладонях рукояти клинков, смотрит исподлобья взглядом эльфа, у которого отняли светлячка, но обещают отдать, когда съест кашу.

Думала, если забрали оружие, то свяжут, но гвардейцы лишь обступили на достаточном для удара расстоянии и бесстрастно косятся.

Потом мы быстро спустились с холма и остановились у заброшенной избушки, солнечные рассредоточились и внимательно наблюдают за нами. Кажутся расслабленными, но пальцы на рукоятях, а взгляды холодные и внимательные.

В середине отряда сверкает карета, дверцы в витиеватых узорах и крупных цветах из золота, над окном переливаются маленькие синие камешки. Колеса широкие, подходящие для путешествий по бездорожью. Впереди упряжка из четырех единорогов, те покачивают головами, красные глаза смотрят устало, но рога блестят грозно.

Карета скрипнула и качнулась, откинулся сиреневый полог, из прохода шагнул высокий сапог. Из-под полога высунулась белобрысая голова с волосами до пояса. В маленьких светлых глазках недобрый огонек, левое ухо надломлено в сторону и нелепо дергается на ветру. Броня сияет так, что глаза слепит. На поясе огромный меч, все доспехи расписаны мелкими рунами и покрыты слоем серебристой пыли.

Он зыркнул на нас из-под изогнутых бровей и легонько щелкнул пальцами. Тут же непонятно откуда выскочил паж с мягкой табуреткой. Он согнулся в почтительном поклоне, поставил стул и исчез за каретой.

Солнечный эльф водрузил себя на табуретку, словно на трон, закинув ногу на ногу, облокотился на ко-

лено. Минуту изучал нас пристально, потом манерно проговорил:

— Вы быстро идете. Мы надеялись перехватить вас еще в Светлолесье.

Тот, который нас привел, спрыгнул с единорога. Подойдя к желтоволосому, он наклонился.

— Эта странная компания идет по Звериному тракту, — проговорил гвардеец. — Прикажете убить их, командир?

Эльф со сломанным ухом оценивающе посмотрел на Варду, скользнул взглядом по могучей фигуре. Потом глянул на белокожего — Лисгард морщит лоб, кулаки нервно сжимаются. Высокородный поглядывает на отобранные мечи в руках сородича и что-то шепчет одними губами.

Командир скривился и проговорил с издевкой:

— Милорд Лисгард, и каково это — своих предать, а? Белокожий поднял на него гаюиновые глаза.

— Наверное, так же, как пытаться убить молодую шаманку с новорожденным эльфом на руках, — ответил он жестко.

В толпе воинов прокатился легкий шепот. Из шестеста голосов смогла понять, что командир когда-то служил старой королеве, той самой, что пыталась извести бабку Лисгарда.

Пришлось наклонить голову, чтобы разглядеть лицо желтоволосого. Лицо, как и у остальных высокородных, такое же безупречное, не считая сломанного уха. Странно лишь, что на вид ему не больше пятисот, ну максимум семисот лет. А должно быть значительно больше.

Командир довольно оскалился и стал похож на хищную зубастую ящерицу.



— К сожалению, — проговорил он, — я не смог выполнить приказ моей госпожи, да пребудет она в сияющем сне. Не могла же королева оставить отпрыска один на один с сыном шаманки.

Лисгард процедил:

— Какая преданность.

Командир снисходительно улыбнулся и продолжил:

— Однако она все равно меня наградила. За верность.

Он демонстративно указал себе на лицо.

— Продался за внешность, как эльфийка, — снова выдавил сын казначея.

Командир опять проигнорировал его выпад.

— Поэтому я снова спрошу, — сказал он. — Милорд, что чувствуете, помогая беглянке? И где, в конце концов, камень, который вы помогли украсть?

Я слушала бред желтоволосого и не понимала, серьезно он или шутит, пытаясь убить косноязычием и маразмом. А маразм у него точно есть, учитывая возраст.

Лисгард не ответил, лишь сдвинул брови, наклоня голову, и стал похож на рассерженного барана.

Эльф со сломанным ухом удовлетворенно хмыкнул, затем достал из-за пояса белоснежный платок, прокашлялся в него и вытянул в сторону двумя пальцами. Снова появился расторопный паж. Он подхватил испачканный невидимой грязью платок, сунул за пояс командиру новый — чистый и благоухающий, затем шмыгнул назад.

Желтоволосый поправил на лбу обруч с гаюином и посмотрел на меня.

— Миледи, отчего вы прячете лицо? Давайте не будем изображать притворную скромность. Или, может, вы боитесь дневного света, как темные? — спросил он, наклоняясь вперед.

Сердце заколотилось, как у загнанного кролика. Думала, от страха, но через секунду поняла — это злость. По венам словно течет раскаленная жидкость, затылок теплый, но с каждой секундой нагревается сильнее.

Я сжала зубы, командир откинулся назад и уперся спиной в колесо. Поломанное ухо уродливо трепыхнулось, он повернул голову так, чтобы его было не видно, и проговорил елеяно:

— Миледи, может, вам нужен кусочек железа, чтобы собраться с духом?

Из ряда воинов выдвинулся один с небольшой коробочкой на ладони, прошел вперед и остановился рядом с желтоволосым. Пальцы легли на крышку, он вопросительно оглянулся на командира.

Тот сделал небольшую паузу, я в ужасе затаила дыхание. В памяти всплыло недавнее свидание с железной решеткой, по спине прокатилась холодная струйка.

Желтоволосый кивнул, и воин молча открыл коробочку. В середине небольшой ржавый кусок, кое-где налипла ржавая крошка и старая плесень.

На глаза медленно поползла красноватая пелена, ноги стали ватными. Я громко сглотнула и сжала кулаки, пытаясь сосредоточиться на равновесии, чтобы не рухнуть перед чванливым ханжой.

Лисгард незаметно приблизился и легонько придал ладонь к спине. Красная пелена моментально растворилась, конечности обрели прежнюю крепость, а ум ясность.



Я непонимающе захлопала ресницами, пытаюсь понять, как это возможно. Потом решила, что сила его камешка от прикосновения распространилась и на меня. Я слегка прижала под капюшоном уши в знак благодарности и смирения.

Потом ухмыльнулась: если бы белый гаюин оказался у Лисгарда, он был бы уже на полпути к Эолуму, спеша предстать перед королем и заслужить прощение.

Желтоволоосый проговорил недовольно:

— Ну? Может, вам поближе поднести?

Я печально вздохнула и, подняв голову, откинула капюшон.

По отряду прокатился удивленный вздох, десятки изумленных глаз, не моргая, застыли на мне. Здоровенный эльф с кудрявой головой замер на месте с мешком в руках. Ткань надорвалась, из дыры сыплется золотистое зерно, гвардеец хлопает ресницами, горка с тихим шуршанием растет.

Меня мелко затрясло, если решат убить прямо сейчас — от нас мокрого места не останется. Чтобы сохранить лицо перед Лисгардом и Вардой, я мысленно досчитала до семи. Дрожь постепенно исчезла, дыхание успокоилось, только гнев все еще плавает по венам.

Кто-то из гвардейцев прошептал:

— Красивая. Зачем только капюшон носит...

Я покосилась в его сторону и проговорила:

— Прячу, чтоб не пялились.

В тишине завывает ветер, в перелеске настырно чирикает птичка — ей плевать на людей, на гномов, на эльфов и на весь мир вообще. Главное — червяки пожирнее.

Рядом тяжело дышит Лисгард, у бедняги нервы на пределе, еще немного — и сорвется. Слева, словно тень Сильвирела, замер Варда — этому вообще начхать на всех. Он даже проводить до горы решил, чтобы потешить самолюбие.

Командир несколько секунд глазел на меня, затем проговорил:

— Говорят, кто был в Межземье, видел все. Но я, кажется, видел все еще в Эолуме.

Он оглянулся на гвардейцев, те стоят с круглыми глазами, рты раскрыты. Некоторые даже вперед подались, чтобы лучше рассмотреть.

— Серая... — раздался шепот из отряда.

Хозяйский тон командира злил, я сжимала и разжимала кулаки. Желтоволосый еще сильнее раззадорился, повернулся к стражу со шрамом и толкнул под локоть:

— Кто сказал, красивая? И правда красивая. Глаза — желтые, как у кошки, даже жалко королю везти. Казнит ведь. Может, продадим Безумному магу? И нам хорошо, и ему приятно.

Страж Межземья в ужасе отшатнулся и выпучил глаза.

— Вы, верно, умом тронулись, милорд, — прошептал он.

Командир досадно скривился, на лице сверкнули белоснежные зубы.

— Зато представь, как маг наградит за такую диковинку, — сказал он и впился в меня взглядом. — Это же настоящее сокровище.

Воины посмотрели на него, как на свихнувшегося, стараясь подобрать отвисшие челюсти.

Командир разочарованно выдохнул.



— Какие вы все зануды, милорды, — сказал он. — Я пошутил, право. У меня приказ: доставить белый гаюин королю. Эльфийку, живую или мертвую, предоставить в тронный зал, а милорда Лисгарда пленить как изменника.

Варда молча рассматривал отряд и заносчивого командира, но, услышав о Безумном маге, дернул ушами и прорычал:

— Если приблизишься к серой, клянусь, скормлю тебе твою же печень.

Желтоволосый изящно подпер кулаком высоко-родный подбородок.

— Интересно, — проговорил он заинтересованно, — как вы собираетесь сражаться с пятью десятками вооруженных гвардейцев? Мы прикончим вас, как котят.

Варда хищно оскалился:

— Посчитай, скольких заберем с собой.

Он покосился, занял боевую стойку, прикидывая, как извернуться, чтобы выхватить меч у рядом стоящего эльфа. Лисгард встал рядом и замер, сжав кулаки до белых костяшек.

Командир поднял брови и сцепил пальцы.

— Может, проверим? — предложил он.

Но проверять никто не спешит — все переминаются на ногах и медлят. Может, я так смутила, или злобный оскал Варды вогнал в ступор. Стоим, как истуканы, и выжидательно переводим друг на друга напряженные взгляды.

Порыв ветра налетел с холма и распахнул плащ. Секунду толпа эльфов плялилась на вырез корсета, затем взгляд стража со шрамом скользнул ниже и замер на клинке с антрацитовою рукоятью.

Его глаза расширились, он воскликнул:

— Это ведь Темный клинок! Их только в Великом разломе делают. Серая — пособница темных эльфов!

Варда с Лисгардом одновременно оглянулись на меня. Я виновато скривилась и зажмурилась, перебирая в голове проклятия и ругательства. Пособница или нет, уже никто разбираться не станет. Послышался грохот адамантина, я сделала глубокий вдох и открыла глаза.

Гвардейцы застыли, потом раздалась команда. Солнечные воины с воинственным криком ринулись в атаку.

Я схватилась за антрацитовую рукоять и приготовилась к бою, втайне надеясь, что удастся незаметно ускользнуть в пылу схватки.

Варда поднял уши, зарычал и прыгнул вперед, как дикий леопард, на лету пнул зазевавшегося эльфа и выхватил меч. Лезвия засверкали, как молнии, от блестящих полос в стороны разлетелись багровые брызги, упали на стебли и застыли кровавой росой. Трое бойцов схватились за бока и с руганью упали в траву.

Остальные нерешительно замерли, командир подскочил с табуретки и заорал в бешенстве:

— Убейте предателей!

Я в очередной раз приготовилась умереть. Против такой толпы не выстоять даже Варде, чего уж говорить обо мне и белокожем. Хотя этот хмурит брови, откуда-то вернул солнечные клинки и держит наготове.

Пара десятков воинов пошли на нас. По движениям видно — не новички, каждый шаг и жест выверен. Они отработанно растянулись по дуге, стараясь взять в кольцо.



Воздух треснул и задрожал, как студень. Все разом прижали уши и оглянулись на дом. Я снова выругалась про себя и замерла.

Дверь избушки с грохотом распахнулась, из-за трубы с криком выпорхнула сорока. Со старых петель посыпалась труха вперемешку с кусками мертвой коры, в воздухе за клубилось коричневое.

Я принялась, из черноты прохода потянуло затхлой сыростью и гнилью. Бревна дома заходили ходуном, как гигантские челюсти, затем искривились и замерли.

Гвардейцы застыли с поднятым в воздух оружием, командир вылупил глаза и с тревогой всматривается внутрь дома. В темноте слышались шаркающие шаги и скрип половиц.

По спине пробежали мурашки, внутри все сжалось. Звук приблизился и замер.

Глава 18

На порог шагнула карга в черном, как уголь, тряпье. Седые волосы свисают до земли, платок повязан небрежно и затянут сзади. На ногах огромные, словно кандалы, башмаки.

На лице, похожем на перележавшее яблоко, громоздится крючковатый нос, острый кончик загнут вниз. Из-под изогнутых бровей зло смотрят ясные травяные глаза.

Карга проползла тяжелым взглядом по гвардейцам. Мурашки на коже превратились в огромных жуков и перепуганно бегают в поисках укрытия.

Она открыла морщинистый рот, раздался громкий скрипучий голос, от которого кровь заледенела.

— Какого лешего тут делается?

Командир первый пришел в себя, одернул доспехи, соломенная шевелюра колыхнулась от ветра.

— Иди-ка ты, старая, в свою хибару и не высывайся, — сказал он пренебрежительно. — Тогда не тронем.

Карга скривила правый глаз и причмокнула губами.

— Эт кто энто мы? — спросила она недовольно.

Страж Межземья все еще стоял с открытым ртом. Когда старуха заговорила, челюсть со звуком захлопнулась. Он шагнул к командиру и прошептал запинаясь:

— Нехорошо это, милорд. Нехорошо. Плохой знак, изба была пустая.

Командир отмахнулся от эльфа, как от назойливой мухи, и проговорил, все больше раздражаясь:

— Мы, значит, карательный отряд Эолума. Я командир этого войска.

Он гордо выпятил грудь. Карга покосилась на нас зеленым глазом, оценивающий взгляд прополз сверху вниз и обратно. Затем снова посмотрела на командира и уперлась рукой в поясницу.

— Энто, значит, вы тут шастаете у меня по двору? — спросила она.

Командир снисходительно закатил глаза и скривил нос, на лице отразилось что-то среднее между презрением и жалостью. Затем вытер двумя пальцами уголки губ и пожал плечами:

— Ну шастаем. И что?

Старуха хлопнула в ладоши и захихикала старческим голосом:



— Хе-хе-хе. Вот-те, попались, голубчики. Я вас поджидаю, поджидаю, выпасти не могу. Сплю нынча много. Видать, от старости.

Я незаметно приблизилась к Варде, рядом с ним плечи немного расслабились. Он заметил мое шевеление, взглядом велел стать за ним.

Лисгард недовольно покосился на меня, в глазах немой укор и обида, затем оскорбленно отвернулся и сконцентрировался на карге.

Командир Элума переступил с ноги на ногу и выставил правое плечо вперед.

— Зачем это ты, старуха, нас выпасаешь? — спросил он настороженно.

Карга недовольно причмокнула, закатывая глаза. Она уперла руки в бока, худосочная фигура выпрямилась. Когда топнула по трухлявым доскам, из трещин и щелей с шорохом взвились то ли мухи, то ли снопы черных молний.

Старуха снова хихикнула и сказала неожиданно чистым, ясным голосом:

— Катитесь отсюда, пока отпускаю. Что-то добрость на меня напала сегодня. И больше чтоб не видела. Не то костей не соберете.

Страж Межземья снова приблизился к желтоволосому и затараторил горячим шепотом:

— Командир, идемте, прошу. Полагаю, эта старуха нехорошая. Очень нехорошая.

Эльф с поломанным ухом выхватил меч из-за пояса и с размаху стукнул рукоятью по лбу стража. Тот взвыл от неожиданности, из рассеченного лба брызнуло красным, он зажал пальцами рану и отскочил в сторону. Круглые глаза тарашатся на взбешенного

лорда, уши торчком, еще немного, и скажет то, за что придется ушами же расплачиваться.

— Да что ты заладил, как сорока! — завопил командир и обернулся к карге: — Из ума выжила, бабка? У меня пять сотен гвардейцев.

Пока желтоволосый пререкался со старухой, приблизился Лисгард и стал рядом. В руках поблескивают клинки, на меня даже не смотрит. Я попыталась ему улыбнуться, но получилось что-то вроде ухмылки.

Ветер поменялся. Из перелеска потянуло зеленью и чем-то терпко-кислым. Долго пыталась найти подходящее определение запаху, наконец поняла — похоже на муравьиную кислоту.

Варда взял меня за руку и прошептал на ухо:

— Когда дам сигнал, хватай белокожего и беги к избушке.

Я таким же шепотом спросила:

— Твоя знакомая?

Он покосился на меня:

— Впервые вижу.

Окинула его недоверчивым взглядом — рыжий смотрит открыто и честно, взгляд мечется между солнечными эльфами, старухой и дорогой.

— Не врешь? — спросила я.

Он покосился на меня и сказал серьезно, хотя взгляд лукавый:

— Мне чужда ложь.

Тем временем ветер усилился. Карга скривила и без того морщинистое лицо. Раздался лязгающий звук зубов, здоровых и ровных, старуха перешагнула с ноги на ногу и проговорила заговорщицки:

— Ладно, командир, воля твоя. Я предупреждала.



Вся толпа солнечных, вместе с предводителем, замерли в тревожном ожидании. Видно, еле сдерживаясь — то ли броситься в атаку, то ли в бегство.

Карга чуть наклонила голову, злой зеленоглазый взгляд будто отделился от старухи, стал живым и самостоятельным. Он уперся прямо в лицо желтоволосому, затем скользнул по остальным и замер в невидимой точке. Она вскинула руки, костлявые пальцы забарабанили по воздуху.

Вокруг завибрировали призрачные круги, видимость исказилась. Волосы карги поднялись, зашевелились, как тонкие серебристые шупальца.

Я в страхе попятилась, надеясь найти укрытие где-нибудь в траве или за спинами эльфов, но Варда дернул за край плаща, чтоб перестала шевелиться. Я послушно замерла.

Карга с силой хлопнула в ладоши, густой древесный треск сотряс пространство, запахло гарью. Между пальцев старухи вспыхнуло зеленоватое свечение, стало усиливаться и расти. Когда она выбросила руку вперед, с кончиков сорвался изумрудный луч и умчался в перелесок.

На секунду все затихло.

Командир нервно повел плечами.

— Это все? — выпалил он раздраженно.

Глаза карги хитро прищурились, она потерла в воздухе большим и указательным пальцем, потом пробормотала что-то и раскрыла рот.

Варда скомандовал:

— Бегом!

Мы кинулись к избушке так, чтобы старуха все время находилась сбоку. В момент, когда оказались слева от крыльца, из глотки карги раздался жуткий и

душераздирающий вопль. Мы рухнули под покосившийся цоколь и прижались к земле.

Звуковая волна ураганом налетела на отряд эльфов, слышались испуганные крики и проклятия на высшем языке. В воздух подняло листья и коряги, безумный вихрь закружился над поляной. Ветер стал почти видимым, стремительные потоки с силой ударили в гвардейцев, подкинули вверх и понесли в перелесок, словно пушинки.

Командир вцепился в выступ на бортике кареты, глаза в ужасе выкатились, он стал похож на раздутую от икры жабу. Поток ветра придавил его и распластал на расписной поверхности.

Карета скрипнула и покатилась назад, быстро набирая скорость. Желтоволосый с трудом повернул голову, в этот момент вся конструкция застонала, как раненый бык, оторвалась от земли и поднялась в воздух.

Старуха вскинула ладонь, карета на секунду зависла на месте. Взгляды карги и командира встретились. Пару секунд они сверлили друг друга, затем карга шелкнула пальцами, экипаж развернулся и сорвался с места. Через перелет стрелы карета с хрустом налетела на раскидистый дуб и раскололась, как скорлупа.

Карга закрыла рот, на поляне перед избушкой стало пусто. На земле остались полувывернутые корни, кое-где трава оторвалась целыми лоскутами, на ее месте чернеет жирная земля.

Старуха проговорила загадочно:

— Кушайте, муравьишечки. Зеленый огонек разбудил вас, миленькие. Давненько свеженького не едали, голубчики.

Я подняла голову, пришлось скинуть с пояса руку Варды — когда падали, прикрыл собой. Затем подня-



лась и уставилась чумными глазами на каргу. Сзади слышался адамантиновый грохот, возня.

Старуха окинула меня взглядом, от которого задрожали колени. Вместе со страхом изнутри поднялся гнев, но его пришлось проглотить.

Я проговорила, стараясь выдержать баланс между уважением и независимостью:

— Суровая ты, бабуля.

Карга причмокнула и всплеснула руками.

— Глядишь-ка, бабуля! — удивилась она. — Уж лет сто так никто не звал. Всё ведьма да карга.

Старуха деловито оглядела меня с головы до ног и сдвинула брови.

— Батюшки, ушастая, ты чего такая серая? Знаю белых, лесных, — стала перечислять карга старческим голосом. — И темных знаю, что из Великого разлома. Али хворь с тобой какая?

Сзади слышался быстрый шепот Лисгарда:

— Ведьма? Это что?

В ответ раздалось наставительное:

— Это как чародей, только женщина.

Белокожий шумно выдохнул и напряженно засопел, словно готовится к атаке. Зато Варда, наоборот — беззвучен и незаметен.

Я пожала плечами и накинула капюшон, кончики ушей заправились глубже, и ткань почти не топорщится.

— Не знаю, бабуля. Вот иду выяснять, — проговорила я.

Ведьма прищурилась.

— Энто куда идешь?

— К Забытой горе.

Карга запрокинула голову и присвистнула по-молодецки. Тут же вытерла губы костлявыми пальцами, на коже осталась мутная слизь.

— Охо-хо. Думала, туда никто не сунется из-за Безумного мага.

Варда вышел из-за спины и спросил настороженно:

— А что с магом?

— Как что, милоч? — Ведьма округлила травяные глаза. — Птички доносят, он уж два дня под горой сидит, ждет чего-то.

Я непонимающе посмотрела на рыжего, и внутри похолодело. Его лицо омрачилось, жвалки заиграли, вены на руках раздулись, наливая мышцы мощью. Хотела прикоснуться к плечу, чтобы успокоить, но побоялась.

Воздух посвежел, бодрящие потоки распахнули плащ, сделали меня похожей на ворону, растопырившую крылья. В небе гулко загудело, я подняла голову.

Сиреневые тучи быстро приближаются с запада. В гигантских завитках, похожих на кольца бараньей шерсти, мелькают яркие всполохи. Они блестят так часто, что кажется, боги устроили праздник и соревнуются — кто сильнее метнет молнию.

Я глубоко вдохнула, ноздри приятно защекотало от влаги и озона.

Нос ведьмы пошевелился, она закричала и глянула в темнеющее небо.

— Ладная гроза будет, — сказала карга протяжно. — Ох, ладная. Давненько в наших краях дождичка не было.

Она сверкнула глазами, губы растянулись в улыбке, обнажив два ряда жемчужных зубов. Смотрит на



меня лукавыми глазами. Ухоженные челюсти и морщинистая физиономия сочетаются странно. Ежу понятно — здоровый вид поддерживает колдовством, только не ясно, почему не омолодила все тело.

Старуха шаркнула ногой и приглашающе указала в избу.

— Устали, путнички? Заходите, отдохните маленько, — закудахтала она. — У меня редко гости хаживают, так что и эльфы сойдут.

Я вздрогнула от предложения карги. Зеленые огоньки в глазах заставляют шевелиться волосы на затылке, а из самого центра живота поднимается животный страх. Чтобы не выдавать чувств, пришлось отвести взгляд от жуткого лица, которое, по ведьминским меркам, наверное, красивое.

— Спасибо, бабуля. Времени у нас мало, — сказала я.

Далеко в небе зарокотало, словно кто-то обвалил кусок скалы. Сиреневые тучи подросли и быстро ползут в нашу сторону. Я благодарно вздохнула, радуясь, что не придется тащиться по пеклу.

Ведьма подозрительно прищурилась зеленым глазом и подперла бок рукой.

— А энто зачем спешите? — спросила она.

— На Забытую гору упадет... — начала я.

Сильный толчок под ребра заставил запнуться. Лисгارد наклонился и шепнул на ухо:

— Миледи Каонэль, не стоит всем рассказывать о цели нашего путешествия.

Я выпрямилась, потирая ушибленный бок. Потом покосилась на белокожего и пару секунд изучала, опасаясь увидеть издевку или снисхождение. Но у того лицо серьезное и сосредоточенное.

— Нашего? — удивилась я. — А я все корю себя, что вынудила солнечного эльфа покинуть родину. Оказывается, тебе по душе убегать от монстров и сражаться с головорезами.

Он сдвинул брови и молча отшагнул назад. Взгляд гаюиновых глаз с каждым часом все страннее, а слова непонятнее.

Старуха внимательно посмотрела на Лисгарда, затем на Варду, потом перевела взгляд на меня. Морщинистые губы причмокнули, она хитро прищурилась и пробубнила под нос так неразборчиво, что даже эльфийский слух не уловил смысла.

Подул холодный ветер, я подставила лицо потоку и на секунду прикрыла глаза. По коже пробежала приятная рожь, я едва не застонала, но вовремя спохватилась, понимая, как дико это будет выглядеть, особенно после того что случилось.

Когда очнулась, старуха разглядывала меня со знающим видом и многозначительно хмыкала под нос. Седые волосы разлетелись от ветра и шевелятся, словно щупальца подводного монстра.

— Дитятко, — озадаченно произнесла ведьма и сделала шаг ко мне. — Чего-то ты побелела вся.

Лисгард нервно сглотнул, вытер тыльной стороной ладони подбородок и на секунду замер. Уши дергаются, словно считает, сколько золота пришло в Эолум, взгляд рассеянный.

Он что-то прошептал в сторону и нервно поправил обруч на лбу.

— Не такая уж она и бледная, — сказал высокородный.

Старуха вытаращила глаза:



— Чу! Ты ослеп, белоухий? Лицо у деточки почти как твое.

— Что вы ее все деточкой зовете? — не унимался высокородный. — Она старше вас раз в десять.

Я непонимающе покосилась на Лисгарда. Тот почему-то возмущен, ноздри раздуваются, как у дикого быка, рука то и дело дергается к мечам, но в последний момент останавливается.

Варда тоже удивлен, смотрит на высокородного с любопытством. Левая бровь приподнята, губы сжаты.

Снова глянула на каргу. Та только с виду беззащитная, нутром чую — прыти у нее побольше нашего. Но белокожий, словно назло, манерно поднял подбородок и недовольно смотрит на ведьму.

Она бросила на него злой взгляд и сплюнула под ноги.

— Возраст не в количестве лет, ушастый ты болван, а в мудрости. А с ней у вашей спутницы какие-то странности, — сказала она и ткнула мне пальцем в щеку. — Ну, так чего там? Голова кругом не идет?

Я отклонилась, ноготь карги едва не вспорол кожу. От слов старухи стало как-то обидно, но вместо досады из глубины поднялся гнев, под кожей прокатились горячие волны, пришлось собрать волю в кулак, чтобы не сказать то, от чего карга отправит нас следом за солнечным отрядом.

— Это вы меня так обозвали? — все же спросила я, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце.

— Как? — удивилась ведьма.

— Дурой.

Ведьма странно захихикала и покачала головой.

— В том-то и мудрость, — проговорила она загадочно. — Кто заламывает ручки, трещит без остановки

и хлопает глазками, тем проще. Их холят, лелеют, пылинки смахивают, они ж хрупкие. Никто не знает, что у них в головах. А раз так, то вроде даже и не дуры, а совсем наоборот.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, издевается она или нет, прислушалась к ощущениям — кожа начала чуть-чуть зудеть. Потом вытянула руки вперед и растопырила пальцы — кончики быстро затряслись, как после недели без отдыха. Непонимающе посмотрела на Варду, тот скрестил на груди руки и молча наблюдает.

Рыжий заметил мой взгляд, шагнул вперед, голова в напряжении наклонилась.

Высокородный несколько секунд сверлил взглядом каргу, потом повернулся ко мне и вгляделся в самую душу. Внутри что-то неприятно заворочалось — что-то определенно не так, и Лисгард это понимает, но молчит.

Он выдержал короткую паузу и выдохнул:

— Теперь я вижу.

Старуха скользнула взглядом по озабоченной физиономии белокожего и громко шмыгнула носом.

— Ты, дитяtko, будто белым камнем одурманена, — проговорила она. — Только нету его у меня, а на королеву ты не больно похожа, чтоб с собой таскать.

Я раздраженно фыркнула: то дурой назвала, теперь говорит, что выгляжу плохо. А эльфам, между прочим, нравится.

Пригляделась, в зеленых глазах мерцают золотые искорки, в уголках собрались крохотные морщины, не считая тех, что от старости расползлись по всему лицу, край губ подрагивает — ну точно издевается.

Я надула щеки.



— У короля Эолума был камень. Пришлось позаставствовать, на время. А этот, — я кивнула на рыжего, — выкинул его, когда откачивал после отката.

Карга приподняла и без того изогнутую бровь, уголки губ растянулись в удивленной улыбке. Она странно захихикала и покосилась на Лисгарда.

— Стало быть, камня у вас нет? — спросила карга весело.

Я развела руками:

— Глупо получилось, согласна.

Карга снова засмеялась, все больше походя на старую ворону, и покачала головой.

— Чудная, ты, серая, ох чудная. Чутья много, а простых вещей не видишь. — Она снова глянула на белокожего. — Воровка, значит?

Я уперла руки в бока и выпалила:

— Ничего подобного!

Ведьма махнула рукой и запричитала:

— Где ж голова твоя была, желтоглазое дитятко, когда крала? Хотя чего уж, молодец.

Я тоскливо вздохнула, вспоминая, как красиво переливался гаюин всеми гранями, словно внутрь поместили крошечный костер, расплескивая радужный свет.

— Голова моя была там же, где и сейчас, — сказала я и сердито посмотрела на старуху.

— То-то и оно...

— Я не сделала ничего дурного.

— Угу...

Ведьма сунула в ноздрю костлявый палец, сосредоточенно поковыряла, затем вытащила оттуда здорового жука с блестящей спинкой и швырнула в траву.

— Вот окаянный, все время заводится. Чего только не делала — поганками травила, паука подсаживала, затыкала на ночь пробкой, чтоб задохся. Так он через другую ноздрю лезет.

Послышалось брезгливое фырканье белокожего. Солнечный эльф взращен на красоте и эстетике, а сморщенная ведьма с жуком в носу никак не вписывается в рамки прекрасного.

Варда все еще стоит рядом со скрещенными руками. Немного расслабился, видя, что старуха настроена дружелюбно.

— Ты маслом намазать попробуй, — посоветовал он. — Лапки соскользнут, жук сам и вывалится.

Старуха посмотрела на него, как на говорящего единорога.

— Мда? Попробовую вечером, — сказала она, затем глянула на меня. — Вот что, дитятко, хворый он, камешек энтот. Людям безвредно, а у эльфов ум и силы забирает. Померла б ты от него, коли с собой носить стала.

Варда глянул на меня и нехотя согласился:

— Это точно, бабуля. Серую еле откачали, когда свалилась с помутнением. Глаза закатились, лицо побледнело, вот как сейчас.

Я с опозданием обнаружила знакомый холод в конечностях и огненных муравьев под кожей. С ужасом поняла — приступ повторяется, наверное, потому, что не пила ледяного молока после первого раза.

Уши начало медленно закладывать, меня пошатнуло и повело в сторону. Варда успел подхватить под локоть и удержать на ногах.

Лисгارد встрепнулся и проговорил в панике:

— О, сияющий источник! Это я виноват!



Варда скривился и отмахнулся от высокородного:
— Что ты несешь? Отойди!

Ведьма вздохнула, как сытый кот, которому принесли еще одну порцию сметаны и с надеждой ждут, чтоб съел. Оттолкнула в сторону белокожего, который успел подскочить и заглядывает мне в глаза. Затем хлопнула в ладоши и произнесла какую-то неразбериху на чужом языке. В воздухе возникла деревянная посуда и зависла на месте.

Ведьма взяла чашку и приказала Варде:

— А ну-ка, милоч, поддержи голову желтоглазой, не в то горло потечет — задохнется ж.

Рыжий с сомнением посмотрел на старуху, но указания выполнил — крепко сжал мне лицо и надавил на щеки, чтоб не смогла закрыть рот.

Ведьма шагнула, спина скрючилась, она одним движением влила в меня содержимое чашки.

Язык сковало диким холодом, жидкий лед потек в горло, обжигая внутренности, словно проглотила саму зиму, затем упал в желудок. Холод из центра солнечного сплетения расползся по телу, разум сковало, и я подумала, что еще немного — и рассыплюсь, как хрустальная ваза Эолума, если стукнуть чем-то твердым.

Спустя вечность оцепенение начало спадать, приятное тепло зашевелилось в пятках и быстро распространилось по телу, противный шум в ушах отступил. Я пошевелила пальцами, затем смогла приподнять руку.

Ведьма отшагнула назад с довольной улыбкой, щелкнула пальцами, кружка растворилась в воздухе, словно была из него соткана.

— Ну как тебе, дитяtko, ледяное молоко? — спросила она похихикивая.



Отстранившись от Варды, который все это время удерживал мое лицо, я уперла ноги в землю и выпрямилась. Лоб чешется, как после недельных странствий по песчанику.

— Ощущение, что проглотила ледник, — сказала я и поскребла ногтями кожу. — А потом приятно даже.

Старуха поправила платок и покачала головой.

— Приятно-то, приятно, — сказала она. — Но гляди, его часто пить нельзя, а то с животом худо будет.

Я подняла взгляд на белокожего и вцепилась взглядом в синий камень. Тот загадочно переливается в дневном свете, будто внутри беспокойное море. Если присмотреться, то в крошечных гранях можно увидеть собственное отражение. В самой сердцевине лазурное пламя с цветными переливами, похожими на радугу. От гладкой поверхности разлетаются солнечные зайчики и играют на лице.

— Хорошо тебе, — проговорила я тихо. — Синий гаюин не заставляет корчиться в судорогах.

Глянула на ладонь, на серой коже следы от антрацитовых борозд. Когда начался откат, вцепилась в рукоять и не заметила, что углы глубоко врезались. Я горестно вздохнула, вспоминая камешек. С другой стороны, ведьма права, я не похожа на королеву, иначе гаюиновый дурман не валил бы с ног.

— Бабуля? — спросила я.

— Чего, дитятко.

— Можешь молока ледяного про запас дать?

Справа возмущенно выдохнул Лисгард. Карга с сомнением посмотрела на меня и причмокнула губами:

— Ишь ты какая.

— Бабуля, вдруг на меня снова дурман опустится, — попыталась оправдаться я.





Старуха повела плечами и проговорила задумчиво:

— Вообще-то в любой таверне всегда найдется бутылка ледяного молока.

Пришлось сделать скорбное выражение, хотя сейчас даже стараться не надо — после ледяного молока скулы все еще сведены. Но ресницами все-таки похлопала. Внутри такому методу все воспротивилось, даже замутило слегка, но он всегда срабатывал на эльфах.

Старуха окинула меня продолжительным взглядом и вздохнула протяжно.

— Ладно, дитяtko, — сказала карга, голос прозвучал почти по-матерински. — Подставляй бурдюк, мало ли куда занесет нелегкая. С тебя станется.

Я выдернула из-за пояса Варды кожаную емкость и запахла плащ, а то снова раскрылся от ветра.

— Спасибо тебе, добрая женщина, — сказала я.

Старуха хитро сощурилась и проговорила:

— Полно те, милая. Льсти, да знай меру. Доброй меня не кликали лет уж...

Она прищурилась левым глазом, пытаясь вспомнить, затем отмахнулась:

— Никогда не кликали.

Пузатые тучи закрыли полнеба, норовя прорваться над перелеском. Порыв ветра прижал к земле молодые березы. Деревья, что постарше, обеспокоенно закрипели, посыпались листья. Птицы затихли и попрятались, даже зверье схоронилось в норах.

Карга шагнула к черному, как душа бездны, проходу и уперлась локтем в дверной косяк.

— Гроза-то будет лихая, — предупредила она еще раз. — Может, таки переждете у меня?

Я посмотрела вверх, небо стало еще чернее, грозные тучи ползут быстро, словно за ними тоже гвардей-

цы гонятся. Вдалеке иногда поблескивает, но пока не гремит и есть пара минут подумать.

Лисгард стоит с гордо поднятой головой и смотрит вдаль. Кому-кому, а ему точно не помешает отсидеться в тепле. Только компания ведьмы не понравится.

Варда застыл скалой, руки, как отполированные стволы деревьев, мирно сложены на груди. Кажется расслабленным, но я знаю, что кроется за напускным спокойствием. Все бы ничего, но время утекает, как вода сквозь кольчугу. От карги по спине мурашки, хоть и старается помочь.

Я сделала скорбное лицо, даже, наверное, перестаралась.

— Спасибо, бабуля, за заботу, — проговорила я и вручила бурдюк Лисгарду. — Ты очень добра к незнакомым эльфам. В другой раз обязательно останемся.

Половицы жалобно скрипнули под весом карги, когда та сделала очередной шаг внутрь избы. На вид в старухе не больше трех пудов, но скрип досок говорит о другом.

Она высунула крючковатый нос из-за плеча, глаза сверкнули, как изумруды, и проговорила:

— Ну что ж, ступайте с богами. Дорога через Чумной лес опасна. Твари всякие бродят, утопленницы бесчинствуют.

Я оглянулась на Варду, эльфы потемнели лицами и молчат, как в ализариновом плену. Постаралась изобразить улыбку, чтобы приободрить, но они сделали вид, что не заметили.

Вздохнув, я сказала:

— Справимся. С нами странник.

Карга кивнула, но вид у нее такой, словно наполовину уже в другом мире, где духи, демоны и боги.



Она проговорила отстраненно:

— На Мавкином озере не больно шумите. Девки-то они хорошие, да больно чумные. После грозы вылезают из омутов да ждут-поджидают.

Старуха загрохотала башмаками, удаляясь в глубину избы, и продолжила:

— Оно и понятно. Бедняжкам и так в жизни досталось, вот потопились в темной воде. Ну энто ничего, нет-нет да явится добрый человек, окропит чистой водой и освободит.

Ведьма исчезла в черноте прохода, возникло ощущение, что внутри избушка больше, чем снаружи. Решила заглянуть внутрь, глянуть, куда делась ведьма, но, сделав шаг, замерла в нерешительности.

Шарканье затихло, только предгрозовоый ветер в трубе завывает, и листва шелестит тревожно. Внутри екает от холодной жути, но любопытство сильнее.

Сделала еще один робкий шажок, правое колено предательски задергалось, чутье недовольно заворочалось в районе солнечного сплетения.

По плечу осторожно постучали, я вздрогнула от неожиданности и резко развернулась. Варда отдернул руку и спрятал пальцы под мышкой.

— Ты чего такая резкая? — произнес он почему-то обиженно.

— А ты чего подкрадываешься? — спросила я в ответ.

Варда пожал плечами:

— Предупредить хочу.

— Не заглядывать?

— Угу.

Я с сомнением посмотрела на странника, думала — издевается, наверняка какую-нибудь гадость сказать

хочет. Но в серых глазах дружелюбие, даже, можно сказать, забота.

— Что за озеро? — спросила я и развернулась к рыжему.

В этот момент дверь за спиной грохнула, зловеще шелкнул затвор. Я испуганно прыгнула в объятия странника и вжала голову в плечи, тот бережно поймал и прижал к себе.

На секунду ощутила спокойствие и защищенность, какие бывают, наверное, лишь во сне. Быстро подняла голову — лицо Варды серьезное, но в глазах веселье. Я с силой пнула его в грудь и отскочила в сторону.

Изба протяжно скрипнула, заерзала, как потревоженный медведь. Старые бревна загрелись, на глазах перекадываясь в свежие ряды. Крыльцо поднялось в воздух, доски разлетелись, словно ими выстрелили, немного покружились, затем собрались заново и улеглись на прежнее место. Дом в последний раз крикнул и замер.

Выглянув из-под капюшона, увидела, как Лисгард недобро смотрит на Варду, жвалки играют, ноздри раздуваются, но молчит как рыба.

Небо окончательно затянулось, воздух стал холодным и влажным. Рыжий поднял голову, носом шумно втянул воздух, пригласительно махнул рукой.

— Так что с озером? — повторила я.

— Оно в Чумнолесье, будет как раз на пути, — сказал странник. — В озере мавки. Не заметят, если передвигаться бесшумно.

Из-за спины раздался недовольный голос солнечного:

— Мудрый Варда не может найти путь безопаснее? Или вам обязательно тащить миледи через проклятое



озеро, где наверняка с ней что-нибудь случится? Уверен, есть обходной путь.

Варда покачал головой:

— Обойти не получится. Вокруг топь, там еще хуже.

Лисгард не унимался:

— Или вы в очередной раз хотите погеройствовать?

Я устала на белокожего, пытаюсь постичь причину его неожиданного приступа дерзости, но в голову идет всякая ерунда о манерах, чести и прочих эолумских штучках.

Странник посмотрел на высокородного, во взгляде мелькнула тень сочувствия, но такая легкая, что Лисгард не заметил. Потом рыжий махнул рукой и двинулся по дороге.

— Кто-то ведь должен быть героем, — бросил он беспечно.

Солнечный тихо зарычал, лицо исказилось гневом, глаза превратились в две узкие щели с синими кострами. Я положила ладонь на плечо белокожего и проговорила успокаивающе:

— Не обращай внимания. Зато ты — высокородный.

Лисгард метнул на меня яростный взгляд, нервно сбросил ладонь с плеча и тяжелой поступью двинулся за странником на приличном расстоянии.

Глава 19

Быстро догнали рыжего, приходится шагать в одном темпе, чтобы не отстать. Солнечный отворачивается и раздувает ноздри, как рассерженный бык. От постоянной гонки его лицо покрылось слоем пыли,

белоснежная кожа потускнела, даже чем-то мою напоминает. На меня поглядывает сердито, словно все еще злится за то, что вынудила покинуть отчий дом.

От очередного взгляда Лисгарда щеки вспыхнули, я поспешно поравнялась с Вардой и спросила, сильнее натягивая капюшон:

— Девок этих стоит бояться?

Странник непонимающе покосился на меня, ускоряя шаг.

— Ну, мавки твои, — пояснила я.

— А, вот ты о чем, — протянул Варда довольно. — Да не мои они. В Чумном лесу всех стоит бояться.

От его слов в животе неприятно похолодело, но постаралась не подать виду, наоборот — воинственно приподняла уши.

— Да ничего не сделают нам мертвые девки! — проговорила я с напускной бравадой.

— Тебе, может, и не сделают, — произнес рыжий загадочно.

— Почему?

— Надеюсь, не узнаешь.

В воздухе полыхнула яркая вспышка, через секунду над головой сухо затрещало, словно кто-то расколол небо. Последовала череда гулких раскатов, затем мир на мгновение затих.

В безветренном молчании о капюшон ударилась тяжелая капля, затем еще одна и еще. Через мгновение стена воды прорвала небесную запруду и с ревом обрушилась на землю.

Ливень ударил мощно и беспощадно, меня пригнуло, как молодое деревце. Ветер рванул плащ и раскрыл полы, ударяя струями, словно хлыстами. Я схватилась



за края и укуталась, ткань противно прилипла к мокрому телу.

По Варде бегут широкие ручьи, на лбу изгибаются и стекают по вискам на шею, волосы превратились в медные сосульки.

Он развернулся и сделал ладони дудочкой у рта.

— А могли бы переждать! — прокричал он сквозь шум грозы, с укором глядя на меня из-под мокрых бровей. — Надо добежать до следующего перелеска!

Указал вперед, но даже мое двойное зрение оказалось бесполезным — на расстоянии нескольких шагов ничего не видно.

Варда схватил меня за руку и потащил за собой.

— Я тут ходил! — проорал он в никуда. — Через несколько перелетов стрелы будет дубрава, за ней таверна.

Я вырвала пальцы и гневно уставилась на рыжего, тот хмыкнул и одарил меня таким взглядом, от которого капли на щеках закипели.

Обернулась к Лисгарду, тот из солнечного стал, наверное, лунным. Волосы налипли на адамантин, кожа потеряла привычное сияние и слегка мерцает, как поломанный адуляр.

Он посмотрел так, что захотелось провалиться до самого царства подземных богов, чтобы больше никогда не видеть этого укоряющего и смиренного взгляда.

Я сделала виноватое лицо — вроде раскаиваюсь, очень-очень, что втянула в передрягу.

— Варда говорит, нужно бежать, — сказала я смиренно.

Лисгارد поднял глаза и процедил:

— Я слышал, что сказал Варда.

Мы бросились сквозь беспощадный поток воды. Ливень яростно лупит по капюшону, будто боги прогневались на землю и решили начисто смыть всех непокорных. Стена дождя плотная, как вчерашний кисель, приходится все время шарить руками, подбегать и проверять — где Варда и Лисгард.

Дорогу моментально размыло, превратило в кашеподобную колею, ноги скользят в грязи и периодически вязнут в густой жиже. Приходится дергать, рискуя остаться без сапог. Стараюсь держаться с рыжим, но из-за плохой видимости он все время теряется.

Плащ не промокает, ткань плотная, зато под ним все распарилось и липнет к коже, мешая быстро передвигаться. Прошла вечность, а мы все еще бежим, как испуганные поросята. Затылок привычно разгорячился, готовый взять под контроль любую внезапность.

Ноги в очередной раз нелепо разъехались на глинистой горке, я взмахнула руками и чуть не свалилась в широкую лужу. Тело напряглось, как пружина, спина изогнулась, я резко выпрямилась, совершив несколько нелепых прыжков, замерла.

С капюшона вода ручьями, сердце колотится. Я приподняла край и вгляделась в стену дождя, но кроме мутных потоков ничего не увидела.

Сложив руки трубочкой, я прокричала:

— Ва-арда!

Уши судорожно зашевелились под тканью в попытке уловить хоть намек на рыжего. Но в воздухе устойчивый шум ливня, вперемешку с раскатами грома, небо полыхает молниями. Пришлось высунуть одно ухо, тоненькая кожа моментально намокла и согнулась под напором воды.



Дождь ревет, как водопад, я еще раз покричала, но звук утонул в очередном раскате.

Пару секунд я стояла, соображая, что делать, если осталась одна. Но в полперелете стрелы от меня молния ударила в землю, я вскрикнула и сорвалась с места.

Сквозь поток бежать трудно, струи лупят в лицо, даже капюшон не помогает, на размытых кочках ноги разъезжаются, только эльфийское равновесие спасает.

Не знаю, сколько пробежала, но затылок раскалился, как доменная печь. Сапоги по колено в грязи, вода стекает, будто только что окунули с головой.

Остановилась передохнуть на секунду, чтобы дать затылку остыть, иначе изнутри загорюсь. Согнулась, стараясь выровнять дыхание, ладони уперлись в колени. Затем небрежно заправила выбившиеся серебристые пряди за уши и подняла голову.

Из стены дождя высунулась загорелая рука, пальцы сжали меня за плечо и дернули на себя. Перед глазами выскочило сердитое лицо Варды.

Он вцепился лапой в локоть и прокричал в самое ухо, будто я глухая:

— Ты чего ползешь, как черепаха? Тут осталось — всего ничего!

Я высвободилась из цепкой хватки, хотела накричать за то, что меня потеряли, но передумала — все равно не услышит.

Рыжий сорвался с места, махая, чтоб не отставала; я бросилась за ним. Через секунду увидела белокожего, тот молча бежит по самой обочине, где поросль уже пожухла. По молодой траве скользко, по грязи тоже. Но вот тут, на стыке дороги и травы, — самое то.

Варда шлепает стопой плашмя, а не приземляется на носок, как обычно.

— Наравне с вами бегу! — крикнула я Варде.

Тот не оглянулся, только ухо назад выставил.

— Только пропадаешь, — отозвался он сквозь поток.

— Могу быстрее! — снова крикнула я. — Я ведь легче, и без доспехов!

— Хочешь посоревноваться?

— Куда мне, скромной серой эльфийке.

Варда бросил:

— Значит, все же черепаха.

Я огрызнулась:

— Эти самые черепахи тоже умеют бегать, если приспичит. Не надо наговаривать. Если б еще знать, кто такие черепахи.

Из потока воды вынырнуло темное, я с силой налетела лбом на что-то твердое и шершавое. Боль расползлась колючей паутинкой по голове и растаяла в районе шеи, я зло выругалась, надеясь, что эльфы не слышали.

Потом потеряла лоб, смахнула с кожи мокрую кору и обежала дерево. Ствол в три обхвата толщиной, из земли торчат корни. Перескочив через корягу, я выбралась на ровное место.

Быстро огляделась. В перелеске стена воды не такая плотная, можно различить стволы, кусты. И вообще — видимость вполне сносная.

Рыжий с Лисгардом давно пронеслись мимо, Варда бросил на меня лукавый взгляд и на бегу махнул головой, чтоб не задерживалась. Они помчались в глубину дубравы.



Я ринулась за эльфами. Дробный шум дождя похож на топот адамантиновых ног. Струи воды сбивают листья с веток, уже весь плащ в блестящих зеленых пятнах.

На бегу сделала глубокий вдох и ускорилась, через несколько мгновений догнала обоих и побежала наравне. Важно покосилась на рыжего:

— Что, съел?

Он одобрительно улыбнулся, я добавила:

— Серые эльфийки тоже на кое-что годны.

— Очень годны, — сказал он загадочно, перепрыгивая через пень.

Через перелет стрелы Варда замедлил бег, спустя еще пару минут сделал жест, чтобы повторяли за ним, затем перешел на шаг. Взгляд сосредоточенный, когда деревья стали плотнее, совсем замедлился, стал красться между шуршащими от дождя кустами.

Я повертела головой. Вокруг пусто, дождь разогнал всю живность по норам и укрытиям. Даже люди не стали бы путешествовать в такую погоду. На это способны только полоумные эльфы.

— Шагайте осторожно, — бросил странник через плечо, — перед таверной капканы против тварей Чумного леса. До него рукой подать.

— Магические? — спросила я.

Варда покачал головой:

— Нет. Самые настоящие, медвежьи. Если схлопнется — отхватит ногу.

Лисгард проворчал что-то, встал за мной и двинулся след в след. Капли барабанят по адамантиновым доспехам, словно музыка леса. Потоки воды промыли в почве дорожки, вода струится по ним куда-то в глубь

леса, я попыталась проследить ее путь, но ручейки текут в зарослях ежевики.

Через перелет стрелы сквозь пелену дождя показался высокий частокол из широких бревен. Я приблизилась к рыжему и постучала по плечу:

— Это что?

— Таверна трех дорог, — ответил он не оборачиваясь.

Пригляделась — действительно, к воротам подходят три размытые дождем колеи.

По скользкой траве допрыгали до дороги, ноги мгновенно утонули по щиколотку в черной жиже. Лисгард недовольно заметил, вытаскивая сапог из грязи:

— Миледи, ваш новоизбранный защитник — настоящая свинья.

Варда дернул мокрым ухом и даже чуть обернулся.

— Почему это? — спросил он удивленно.

— Только свинья может затащить высокородного эльфа и благородную миледи в такое место, — проговорил белокожий безглаголю.

Я нервно переступила с ноги на ногу, поднимаясь на свободную от жижи кочку, и сердито посмотрела на Лисгарда. Тот ответил таким же взглядом, затем принялся вытаскивать вторую ногу из грязи.

— Да чего вы грызетесь? — спросила я. — Хорошо же идем.

Послышалось недовольное сопение высокородного, рыжий странно хмыкнул, словно все, кроме меня, что-то знают, но говорить отказываются.

Странник оглядел меня с головы до ног и обратно, затем перевел взгляд на топчущегося в грязи белокожего.

— Миледи благополучно справилась с колеей, — проговорил он довольно. — Вон дождь уже и грязь



смыл, стоит себе, чистенькая. А ты не больно умел. Топчешься, черные капли аж на щеках. Так что не я свинья. Ох, не я.

Затем он резко развернулся, не дожидаясь реакции Лисгарда, шагнул к воротам и громко постучал три раза.

Повисло глубокое ожидание, уже думала, что никто не откроет, когда уши уловили стук сапог по мокрому дереву. Через несколько мгновений внизу ворот открылось маленькое окошко. В проеме показалось суровое заросшее лицо с большим носом.

Стражник прогудел треснувшим басом:

— Кто такие?

Варда присел и нагнулся к окошку.

— Трое эльфов с разных мест, — отчеканил рыжий. — Попали в грозу, нужно высохнуть и поесть.

Нос на бородатом лице высунулся вперед, глаза недоверчиво прищурились.

— Остальных покажи, — потребовал стражник.

Варда демонстративно отшагнул в сторону, чтобы бородатый мог разглядеть меня и Лисгарда, который наконец вытащил сапог из трясины и раздраженно сопит рядом.

Внимательный взгляд темных глаз быстро скользнул по белокожему, затем перескочил на меня. Я даже чуть приподняла капюшон, вроде как само дружелюбие.

Стражник еще секунду детально изучал всех по очереди, потом спросил сурово:

— Правила знаете?

Варда снова наклонился к окошку.

— Как же не знать, — заверил он. — На заднем дворе целый каменный сад из фигур тех, кто не знал.

Стражник закричал, захлопнул окошко, затем слышался звук отпираемого замка, низенькая калитка отворилась. Чтобы попасть внутрь, пришлось согнуться почти пополам. Пролезла за Вардой, стараясь не зацепить головой косяк, сапоги стукнулись о деревянный настил, я выпрямилась и огляделась.

По всему двору деревянный ковер плотно покрывает землю, даже щелей не видно, за воротами грязь, а тут даже луж нет.

В середине двухэтажная таверна с черепичной крышей, из трубы белый дым, и дождь ему не помеха. Рядом с таверной несколько деревянных домиков, по звукам — кузня, конюшня и пара жилых хаток.

Из-за калитки вылез крупный гном в темной броне, борода коричневая и густая, на спине несоразмерно большой молот. Но гному, похоже, плевать, что за спиной неподъемная груда.

Страж пропустил скрипящего зубами Лисгарда, захлопнул калитку, лязгнул тяжелый засов. Затем гном обернулся и махнул рукой в сторону таверны.

— Идите. Если нужны комнаты, — проговорил он и странно покосился на меня, — наверху только что освободилась одна, там огры ночевали, но жена уже все вымыла.

Лисгард молча кипит рядом, бросает безумные взгляды то на рыжего, то на гнома. Видимо, не может определиться, кто бесит больше — самодовольный странник или коротконогий силач.

Рыжий загадочно глянул в мою сторону и хмыкнул:

— Спасибо. Нам бы, для начала, высохнуть и поесть.

Дождь немного успокоился, в голове почему-то мелькнула мысль о Безумном маге. Хотела сказать



рыжему, но вспомнила, как он бесится, когда о нем слышит.

Вместо этого сказала:

— Нельзя расслаживаться в таверне.

— Почему же? — удивился Варда.

— Можно опоздать на раздачу пряников, — невесело проговорила я.

Странник облегченно выдохнул и проговорил:

— А, ты все про Талисман.

Я бросила на рыжего злой взгляд и произнесла тихо, но разборчиво:

— Я ломлюсь через чужие земли, втягиваю других, сама попадаю в неприятности не для того, чтобы какой-то сумасшедший присвоил то, что принадлежит мне. А оно принадлежит, просто еще не все в курсе.

С опозданием поняла, что проболталась о своих мыслях, лицо странника потемнело, мокрые уши вытянулись, готовые хоть сейчас проткнуть Безумного мага.

Двор пересекли молча. Когда остановились у таверны, Варда толкнул дубовую дверь, та закрипела и отворилась. Вошли в шумное помещение с низкими потолками, огляделись — публика разношерстная, в воздухе ароматная дымка, от тарелок с мясом валит пар, за столами громилы, стук кружек, хохот, чавканье. Из кривоzubых ртов валятся куски пищи, а громилы продолжают гоготать.

Меж столов шныряют карлики с подносами, ловко расставляют дымящиеся тарелки, прыгают через торчащие ноги. Я заметила пустой стол в углу, толкнула Варду под локоть:

— Вон там.

Он хищно посмотрел по сторонам, заткнул кожаные перчатки за пояс и двинулся к столу. Мы с Лис-

гардом поплелись следом. Белокожий скрипит зубами, вот-вот кинется на Варду с мечом.

Я опустилась на лавку из грубых досок, капюшон благоразумно не сняла, и так проблем хватает. Лисгард чинно сел рядом, даже слишком рядом, я отодвинулась, дав понять, что не собираюсь участвовать в их противостоянии.

Белокожий запыхтел, положил руки на столешницу, бросил пробегающему карлику:

— По бокалу ледяного молока, сливочный пудинг и ваниль.

Карлик на бегу повернул голову, глаза круглые от удивления, споткнулся, не заметив чью-то ногу. Тарелки с подноса взмыли в воздух, но карлик привычно поймал.

Он наморщил лоб — почти слышно, как заскрипели извилины в голове.

— Сливочный пудинг? — спросил он гнусаво.

Лисгард благожелательно кивнул:

— Да-да, сливочный. И добавь медовой пыльцы.

Карлик поднял бровь, рука уперлась в бок, другой удерживает поднос с чьим-то обедом.

— Может, еще цветочных фей вызвать, чтоб плясали, пока ешь?

Я откинулась на спинку и захихикала, сдерживаясь, чтобы не засмеяться в голос.

Варда сказал:

— Не обращай внимания. Высокородный немного того. — Он покрутил пальцем в воздухе у виска. — Лучше скажи, что там повар сегодня готовит?

Карлик немного успокоился, лицо смягчилось, в глубине мелькнуло подобие доброжелательности. Он перекинул поднос в другую руку.



— Утку в поджарке, грибную похлебку и малиновый пирог с маком.

Варда широко улыбнулся, глянул на меня прищурившись и проговорил как можно добродушной:

— Неси утку, пирог и что-нибудь запить.

Карлик крикнул под нос и, гремя тарелками, умчался.

Из-под капюшона взглянула на Лисгарда — идеальное лицо потемнело, брови сошлись, пальцы выстукивают сложную мелодию. Хотела подбодрить, но решила, только сильнее задену ранимое самолюбие — с подбадриванием у меня как-то не вяжется.

Варда потянулся, звякнули щитки на одежде. В своей броне иногда похож на гигантскую рыбу, особенно когда мокрый.

Он хрустнул шеей.

— Ты не обижайся, — сказал странник. — На правду не обижаются. Ну, с придурью, и что?

Лисгард метнул яростный взгляд, сжал кулаки до белых костяшек и процедил:

— Я не виноват, что вокруг меня одно отребье. Болваны, что не могут отличить благородного эльфа от безродной швали.

Варда поднял тяжелый, как гора, взгляд, чуть растянул губы в ухмылке. Глаза сверкают стальным блеском, рука опустилась под стол. Боковой линией чую, положил на рукоять меча. Шевельнула ухом, прислушалась — ладонь прошла по адамантиновой рукояти и снова оказалась на столе.

Он погладил пальцами отполированную до блеска столешницу, внимательно изучил коричневые черточки в древесине. Не решаясь пошевелиться, я замерла.

Странник глянул исподлобья на гогочущих людей в дальнем углу, перевел взгляд на каменных громил в середине зала и посмотрел на Лисгарда. Тот продолжает метать глазами молнии и оскорбленно подергивает губами.

Варда, к моему разочарованию, выдохнул и проговорил спокойно:

— Каждый, кого ты называешь швалью, получил крещение в бою. Вон те, — он кивнул в сторону гномов, которые приговорили по четвертой кружке и затянули подхрипшими голосами песни о славной гномьей доле, — воевали за Черные рудники. Каждый может рассказать, как хоронили друзей, родню. Как сражались и победили, несмотря на потери.

Он чуть повернулся и указал на кучку людей:

— Видишь тех?

— Люди, — брезгливо скривился Лисгард.

Варда кивнул:

— Верно. Эти люди — единственные уцелевшие из рода врачейателей. Об их лекарских способностях ходят легенды. На селение напали твои солнечные собратья. Молодых увели в плен, чародеев утопили.

Белокожий фыркнул, Варда не умолкал:

— А этих каменных исполинов вообще днем с огнем не найдешь. Это тролли-перекаатыши, их всего четверо. Умеют переставлять камни и собираться в одного большого тролля. Не знаю, зачем это надо, но выглядит впечатляюще. Так почему ты, выросший в свете адуляров, холеный и напомаженный, называешь отребьем тех, кто населяет мир?

Я наблюдала из-под капюшона, периодически переводя взгляд с рыжей головы на белую и обратно.

Лисгард раздул ноздри и наклонился вперед.



— Вот эти населяют? — выпалил он.

Он махнул рукой в сторону, задел подбежавшего с подносом гоблина. Тарелки загремели, карлик вскинул руки и запрыгал, как на раскаленной сковородке. Белокожий запоздало дернулся и убрал руку.

— Извиняюсь, — проговорил он нехотя.

Гоблин наконец перестал прыгать и сердито посмотрел на него черными глазками.

— Напьются, посуды не напасешься, перебьют, столы поломают, — затараторил гоблин. — Думаешь, у кого за это вычитают? Из вырученных денег? Как бы не так! Из карманов простых гоблинов, из наших карманов! Ты, одуванчик, поменьше веточками размахивай. Сломаешь — заставлю платить.

Коротышка с мушиной скоростью раскидал тарелки и кружки, Варда кинул пару монет. Тот на лету схватил, спрятал в складки передника, развернулся и с недовольным кряхтением скрылся среди столов.

Лисгард круглыми глазами посмотрел на место, где только что стоял гоблин, затем перевел взгляд на меня. Я пожала плечами — сам напортачил, сам и объясняйся.

Схватив кружку, он в несколько глотков осушил, едва сдерживаясь, чтобы не закривиться, снова яростно глянул на Варду. Тот снисходительно ухмыльнулся и принялся отрывать ногу пропеченной до хруста утки.

Со стороны гномов потянулась очередная заунывная песнь о подвигах и золоте, карлики замельтешили, как мухи, заменяя пустые кружки.

Я взглянула на белокожего, душа сжалась. Он смотрит почти затравленно на разгул в таверне, на Варду, который уже оторвал кусок и с довольным видом пе-

режеживает, и бросает ему подбадривающие взгляды, мол, давай, ешь, очень вкусно.

Лисгард нервно повел плечами и отвернулся.

— Подышу пойду, — сказал он.

Встал, расправил закованные в щитки плечи и двинулся в сторону выхода. Я задержала взгляд на точеной фигуре солнечного эльфа. В который раз подумала, что он невероятно красив, особенно когда думает. Глаза приобретают гакиновую глубину, лицо отрешается, становится похожим на выточенную из мрамора скульптуру.

Сбоку послышалось шумное бульканье — Варда проталкивает в глотку большой кусок, глаза таращатся, как у болотной жабы, нос кривится. Он схватил кружку с пенистой жидкостью и сделал два больших глотка.

Затем обернулся и крикнул белокожему вслед:

— Будь осторожен с навозом! Слышал, корова опять из стойла сбежала.

Лисгард даже не обернулся, на ходу тряхнул головой и скрылся за дверью.

Когда белоснежная шевелюра исчезла, во мне все закипело. Откуда-то снизу поднялся гнев и заполнил голову. Пока пыталась разобраться с эмоциями, Варда сосредоточенно жевал, иногда хитро поглядывая на меня, даже не пытаясь скрыть самодовольства.

Когда гнев достиг той стадии, что хочется орать и колотить чем-нибудь тяжелым, я схватила кружку и опрокинула в рот. Сладкая хлебная жидкость с шипением потекла в горло, газированный напиток ударил в нос, я закашлялась.

Несколько мгновений приводила в порядок потревоженную глотку, когда удалось — с силой пнула странника в закованный щитками сапог.



Варда чуть не подавился.

— Это за что еще? — спросил он, вытаращив глаза.

Я вытерла рот платком и сказала зло:

— С белокожим можно и помягче.

Варда облегченно выдохнул, положил остатки ноги в тарелку и принялся за остальную тушку.

— Као, да я сама учтивость, чего ты, — расслабленно проговорил он. — Просто ткнул его носом, чтоб не забывался.

Вроде понимаю, в общем-то Варда прав, но гнев у же клокочет в груди, а сдерживать его вредно.

Я грохнула кружкой о стол и выпалила:

— Куда уж нам. Да, Лисгард излишне манерный. Так вышло, что родился среди белокожих и попросту не знает, что мир этим не ограничен.

— Вот именно.

Я сделала глубокий вдох и продолжила:

— Он научится. Но ты... Его все время дразнишь!

Варда запил очередной кусок утки и спросил невозмутимо:

— А тебе, значит, можно?

— Можно. Даже нужно. Я эльфийка, — ответила я. — Но твои выпады его задевают.

От гномьей компании слышались крики, я нахмурилась. Скоро займется рядовая драка с ломанием стульев, битьем посуды и выбиванием зубов.

Люди за дальним столом засуетились — собираются уйти по-быстрому, пока не встряли в гномью разборку.

Я подалась вперед, грозно приподняла голову. У Варда физиономия самодовольная, даже не скрывает насмешки, глаза странно поблескивают, рот кривится то ли в улыбке, то ли в ухмылке.

Странник перестал жевать, вытер пальцы о бедра и спросил:

— Слушай, а чего ты так взбеленилась? Сама та еще язва. Или что там у вас с белым?

Я вскочила из-за стола и прошипела:

— Ты невыносим! Ешь один!

Протиснувшись между лавкой и столешницей, я вылезла к деревянной балке и направилась к бару, где карлик с акробатической ловкостью жонглирует закупоренными бутылками.

В спину услышала:

— Ну ты чего! Я ж ничего такого не сказал.

Я послала ему взгляд, полный гнева и недовольства, для виду подняла уши под капюшоном. Пока я протискивалась между гномом и столом, рыжий наблюдал с видом полнейшего изумления, словно это не он только что поддел белокожего, а потом сморозил глупость, которую и на уши не натянуть.

Наконец я села на высокий стул перед баром, положив руки на столешницу, опустила голову.

— Ледяное молоко. Одно, — попросила я гоблина.

Карлик закинул склянки в ящик с соломой, в них тихо зазвенело, я тревожно покосилась на них. Но физиономия коротышки невозмутимая, словно знает, с какой силой швырнуть, чтобы все осталось в целости.

Он подпрыгнул кузнечиком и снял с верхней полки увесистую бутыль. Затем одним махом наполнил деревянную кружку и протянул мне.

Я впечатленно закивала и спросила:

— Оно не греется наверху? Там же тепло.

Карлик довольно закряхтел, мощный прыжок снова поднял его в воздух. Он вернул бутылку на место и ответил гнусаво:



— Я храню его в стекле из Великого разлома. Само остужается.

Сделав вид, что поняла, я сделала глоток. Горло обожгло ледяным холодом, во рту все онемело, язык перестал слушаться. Ледяная жидкость опустилась по пищеводу и превратила желудок в небольшую ледышку.

Я выпучила глаза на карлика, тот ехидно улыбается и самодовольно кривится. Попыталась сказать, чтобы стер с рожи дурацкую улыбочку, но губы не двигаются. Пришлось ждать, пока ледяной капкан растворится.

Через пару минут внутренности снова стали живыми и ощутимыми. Осторожно пошевелила языком, не открывая рта, тот послушно задвигался.

Я облегченно выдохнула, потом сердито зыркнула на карлика, тот невинно развел руками, мол, видели очи, что покупали.

Сбоку слышалось настырное покашливание, я повернула голову. Возле стула коренастый гном, черная как деготь борода затянута в четыре косы. На щеке зарубцованный шрам, потертые в боях щитки плотно облепили конечности и торс, на ногах тяжелые сапоги. В одной руке молот в полменя размером, в другой — кружка браги. Потянула носом — определенно, браги не самой свежей, кстати.

Гном весело блеснул карими глазками и проговорил зычным басом:

— Не изволит ли милейшая, гм, эльфийка... — Он заглянул под капюшон, хотя при его росте это не обязательно: — Милейшая серая эльфийка, сплясать со мной джигу?

Танцевать с рубакой мне не хотелось, но заметила, как Варда бросил на меня тревожный взгляд. В голове

заплясали лешие, я натянула капюшон посильнее и наклонилась.

— Спасибо, я не знаю джигу, — проговорила я.

Гнома это не остановило, он вскарабкался на соседний стул, балансируя молотом и брагой. Короткие ножки забавно повисли в воздухе, я отвернулась, скрывая улыбку.

Он повернулся ко мне всем корпусом.

— Дык я научу! — задорно выкрикнул бородастый. — Это быстро, сначала так... потом эдак...

Гном символически задрогал ногами, пытаясь показать основные движения. Брага расплескалась, по полу расползлись пенящиеся кляксы, плясун лишь покосился и продолжил демонстрировать джиговские па.

Я спросила:

— А молот зачем притащил?

Гном дико посмотрел на меня и погладил бороду рукоятью.

— Как же без молота? — удивился он. — Кто без молота со мной танцевать захочет?

Я понимающе кивнула:

— Да, без молота никак нельзя.

Он удовлетворенно закричал, поставил кружку. Решила, рубака даже забавный, если не обращать внимания на короткие ноги и несоразмерно могучие плечи.

Гном слез со стула и приблизился:

— Так что, серая, спляшем?

Карлик за баром ехидно ухмыляется, как злорадный упыренуш. Натирает деревянный кубок, обильно украшенный резьбой со всех сторон. Хотела спросить, зачем в таверне такая утварь, если для браги и кваса слишком маленькая, а ледяное молоко можно и из



кружки. Но побряхтывание рядом вернуло к реальности.

Я повернулась к гному, губы рубаки расплылись в улыбке, обнажая два ряда на удивление чистых и ровных зубов. Шрам на щеке сморщился, слегка перекосив лицо, коричневые глазки смотрят с надеждой и добродушием.

Чуть было не согласилась, но на глаза снова попала рыжеволосая фигура Варды. Странник сосредоточенно ест в дальнем углу таверны и поглядывает в мою сторону.

Я наклонилась к расхрабтившемуся гному, края плаща разошлись, приоткрыв корсет с глубоким декольте. Гном изменился в лице — глаза округлились, рот открылся, он шумно сглотнул.

— Видишь ли, благородный воин, — проговорила я приглушенным голосом, — мне запрещают танцевать с гномами.

Чернобородый вспыхнул, с трудом отрывая зачарованный взгляд от декольте, и прогремел, стараясь смотреть куда угодно, только не на меня:

— Эт кто такой дерзкий!

Я невинно захлопала глазками, запахивая плащ, и указала на дальний стол:

— А вон тот рыжий эльф.

Гном резко развернулся, схватил кружку со столешницы и залпом осушил.

— Это еще что за новости! — гаркнул он.

Бородач вскочил с места и ринулся на мирно жующего Варду. Тот едва успел увернуться, когда первый стул пролетел мимо головы. Кусок утки вывалился из рта, он оторопело уставился на гнома. Затем бросил быстрый взгляд на меня.

Лицо странника посуровело, глаза гневно сверкнули, в следующую секунду он выпрыгнул из-за стола и схватил кувшин. Гном поднял очередной стул над головой и проревел, замахиваясь:

— Значит, запрещаешь красотке плясать? Эй, ребята, — он повернул красное от браги лицо к собратьям, — тут нашего брата притесняют!

Из-за стола с грохотом поднялись четыре тяжело-весных гнома, недолго думая, похватали табуретки и загудели наперебой:

— Эт кто такой вумный?

— Напрасно он!

— Табуреткой по башке! Делов-то.

Обиженный гном указал ножкой стула на Варду и переступил с ноги на ногу.

— Вот, — буркнул он.

Рыжий снова посмотрел на меня — недоволен, как разбуженный медведь, уши дергаются, в глазах алмантиновый блеск.

Толпа гномов на мгновение замерла — все-таки драться со странником не лучшая затея, но горячая кровь уже ударила в голову, да и брага примешалась.

С дружным ревом гномы ринулись на Варду, раскидывая по пути стулья.

Я быстро встала и направилась к выходу, уверенная — рыжий самостоятельный, справится. И еще денег потом с них попросит за добрую драку.

С гордо выпрямленной спиной приблизилась к двери. Сзади раздались гортанные крики, слышался звон посуды и лязг доспехов. Рядом о стену с хрустом ударился стул, толстая ножка отскочила в сторону и грохнулась рядом с остальными обломками. Стараясь



не попасть под обстрел, я толкнула дверь и вышла на улицу.

Дождь превратился в мерзко морозящую пыль, от которой не спасает даже капюшон. Крошечные капли настолько легкие, что вместе с ветром влетают под край и покрывают лицо влажной пленкой. Я провела ладонью по щеке, на пальцах остались холодные капли.

Под крышей возле конюшни, сложив руки на груди, стоит Лисгард. Оперся плечом на деревянную балку, нахохлился, как мокрый воробей, и смотрит куда-то под ноги.

Жалость и сожаление в сотый раз сдавили внутренности. Я дернула ушами и вздохнула, стараясь прогнать бесполезные чувства. Но они, как паутина, накрыли мысли и не пускают. Пришлось несколько секунд прислушиваться к драке за дверью.

Наконец терзания ослабли, я преодолела расстояние до конюшни и остановилась с Лисгардом.

— Пойдем внутрь? — проговорила я. — Тебе надо высохнуть и поесть, а то совсем блеск потерял. Скоро грибами покрываться начнешь, как болотный тролль. Никогда их не встречала. Во всяком случае — не помню. Но уверена, на них растут грибы с красными шляпками в крапинку.

Осторожно постучала по спине, белокожий нервно передернул плечами.

— Миледи, — бросил он раздраженно, — я не желаю сидеть за одним столом с вашим новым другом. Мне надоело выслушивать оскорбления от безродного эльфа-странника, который даже рангов не различает. И что особенно невыносимо, миледи Каонэль, мне приходится терпеть и отмалчиваться, чтобы не ставить вас в неловкое положение.

Снова мерзкое чувство вины холодной змеей свернулось в районе живота. Я скривилась, но оно решительно отказалось уходить. Чтобы хоть как-то от него отвлечься, дернула себя за ухо. Стало больно, но показать этого все равно не могу. Зато вина притупилась.

— Лисгард, — начала я, шагнув вперед, и оказалась перед ним. — Не обижайся на Варду, он, наверное, привык все контролировать. А то, что задевает все время, — ну и что? Я же тоже задеваю.

Он покосился в сторону и проговорил странно:

— То вы...

Я округлила глаза:

— У меня что, особое разрешение? Послушай, сын казначея...

Закончить не успела. Дверь таверны с грохотом распахнулась, из проема кубарем прокатилась коренастая фигура и треснулась о стену конюшни. Через секунду появился взмыленный Варда. Уши торчат, как заостренные пики, волосы вздыбились и топорщатся в разные стороны, под глазом краснеет свежая ссадина.

Он окинул двор бешеным взглядом, увидел меня и прохрипел зло:

— Какого лешего ты устроила?

Я попятилась к деревянной балке, лицо странника стало еще страшнее — ноздри раздулись, по лбу пошли морщины. Запоздало поняла: в гневе он не посмотрит, что хрупкая эльфийка. Стукнет пару раз по голове, и поминай как звали.

Сын казначея схватился за рукояти клинков и воинственно вскинул подбородок. Варда сделал шаг в нашу сторону. Из таверны раздался протяжный звон, затем послышались глухие удары и хруст костей.



Рыжий обернулся и взгляделся в дверной проем, бешенство в его глазах моментально погасло, он разочарованно плюнул и проговорил:

— Тьфу ты дрянь! — Затем повернул голову к нам: — Ваши тарелки на столе, сегодня тут заночуем.

— Тут? — тихо спросила я.

— Только безумец сунется в Чумной лес ночью, — огрызнулся Варда. — Наверху две комнаты освободились. Любые выбирайте.

Странник вытер локтем чужую кровь с щеки и тяжелой походкой направился куда-то за таверну.

Я выглянула за угол, с той стороны виден край невысокого домика, в окнах пестрые занавески, под крышей два красных фонарика. Принюхалась — от домика тянет чем-то приторно-сладким и густым, словно его облили всеми духами Эолума.

От стены приковыляли два гнома-стража, одновременно заглянули в дверь таверны. Тот, что пропустил нас внутрь, недовольно закричал:

— Ты посмотри. Опять! Все говорят, что знают правила, как до драк доходит — забывают.

Второй гном почесал курчавую бороду и кивнул:

— Ага. Каждую неделю по новой статуе. Уже ставить некуда. Может, оружие у всех отбирать?

Чернобородый постучал костяшками кулака по лбу и проговорил протяжно:

— Дурень, у троллей нет оружия, кроме кулаков.

Страж, что, видимо, ниже по званию, не унимался:

— Интересно, вот он каменный. Как тогда окаменел?

— А я почему знаю? — буркнул первый. — Лучше прикати тачку из кузни. Не собираюсь тащить эту ко-

лodu на собственном горбе, это у ездовых лучше получается.

Гном с кудрявой бородой шмыгнул между мной и белокожим, на ходу выкрикнув:

— Посторонись!

Коренастая фигура скрылась в темноте кузни, раздался деловитый шорох и грохот металла. Я напряглась, сжав кулаки, потому что запахло железом. Но, к моему удивлению, ализаринового дурмана не последовало, я облегченно выдохнула и мысленно поблагодарила того, кто зачаровал таверны.

Из темноты проема выкатилась здоровенная тачка на двух колесах, за ней показался взъерошенный гном. Страж старательно толкает махину, пыхтит, но не останавливается.

Спустя несколько мгновений безудержного усердия гном подкатил тележку ко входу в таверну. По лбу кажутся крупные капли, нос покраснел, волосы налипли на лоб.

— Все, внутрь не закатить, — сказал он, выдыхая. Старший страж выругался под нос:

— Проклятье гоблинов! Что за работа? Каждый раз одно и то же. Драка, убийство, окаменение. Нет, решено. Уйду в Черные рудники, там хоть платят хорошо, да и гномочки краше, чем на границе с Чумнолесьем.

Потом подтянул пояс и вошел внутрь. Послышался глухой скрежет досок, недовольное бормотание вперемишку с бранью. Из прохода показалась каменная голова тролля, затем туловище с застывшими впереди руками. Наконец, гном вытянул истукана наружу и с грохотом повалил в тачку.



Кудрявобородый уперся в ручку телеги, лицо покраснело от натуги. Колеса жалобно скрипнули под беспощадной массой тролля и медленно покатались в сторону заднего двора.

Я проводила их взглядом. Главный страж подошел к неподвижному собрату, бедняга распластался у выхода из таверны и тяжело вздохнул.

— Ох, брат, не повезло, — проговорил он печально. — Пусть в небесных чертогах тебя встретят, как воина. Да будет жизнь вечной среди топоров, богов и прекрасных дев.

Затем он наклонился, взвалил на себя бездыханное тело и поковылял куда-то за кузню.

Лисгард молча наблюдал, пока гномы возились с нарушителями, потом выпрямился и с присущим ему достоинством проговорил:

— Эта таверна не место для высокородного эльфа и миледи. Предлагаю сейчас же покинуть его.

Дождь совсем прекратился, я подняла голову — тучи поредели, кое-где образовались широкие дыры, в которых видно небо. Скоро ветерок окончательно их разгонит. С востока быстро наступают сиреневые сумерки. Я вспомнила, что было в прежних сумерках, почти услышала чавкающие прыжки смаргов, по плечам пробежали мурашки.

Я вздохнула — завтра третий день, последний рубеж, когда можно успеть захватить талисман, но Варда не решается лезть ночью в Чумнолесье.

Я покачала головой:

— Странник не велит.

Лисгард пренебрежительно фыркнул:

— О, ну если странник, миледи...

Я с непониманием посмотрела на высокородного, несколько секунд вглядывалась в недовольное лицо, пытаюсь постичь тайну неприязни двух эльфов. Даже хотела спросить, но решила, что сейчас не время. Вместо этого кивнула головой на дверь.

Мы вернулись в таверну, где зеленолицые гоблины успели убрать следы недавней драки. Только пара разломанных стульев напоминает о бесславной гибели гнома. Несколько постояльцев потирают ушибленные бока и сердито поглядывают на меня. Но подходить не решаются.

Как Варда умудрился выпутаться из заварушки, выяснять не стала, да и вряд ли поколоченные им гномы признаются.

Доедали молча. Я радовалась, потому что не хочу слушать высокопарные речи белокожего о том, какое все не эолумское и не достойное его солнечной персоны.

Сын казначея украдкой косится на меня. Гаюиновый взгляд подолгу останавливается то на губах, то сползает ниже, потом резко падает в тарелку.

Я разделалась с последней утиной ногой и встала из-за стола.

— Варда прав, нужно отдохнуть. Займу свободную комнату, — сказала я и направилась к ступенькам, за спиной раздался досадный вздох.

Комната оказалась маленькой, но чистой и уютной. Проверила окна, они оказались крепкими, чтобы выдержать натиск незваных гостей. Какой-то древний инстинкт заставил осмотреть все углы, изучить замки и петли. Затем задвинула засов на двери, скрутилась калачиком на короткой койке и, едва закрыв глаза, отключилась.



Глава 20

Слабый луч упал на щеку. Когда тепло стало неприятным, разлепила веки и села. В утреннем свете комнатка оказалась еще меньше, чем при ночном зрении. Огляделась, с радостью обнаружила крохотное зеркальце на стене.

Я медленно выпрямилась, потянулась в обе стороны, бока приятно вытянулись. Затем прогнулась назад, чтоб разогнать кровь, и окончательно проснулась.

Подошла к стене. Из зеркала на меня взглянула желтоглазая красавица с взбитыми за время сна волосами и съехавшим на бок плащом.

Несколькими быстрыми движениями привела копну в божеский вид, поправила плащ. Пальцы аккуратно натянули капюшон, он успел стать родным за время путешествия, и вышла из комнаты.

Еще со ступенек учуяла приторно-сладкий запах домика с красными фонарями. Сморщила нос — ну и дрянь, тошнотворная дрянь.

Шевельнула ушами, прислушалась. Внизу идет тихая беседа, слышны голоса гоблинов, натужное пыхтение гномов, периодически раздается голос Варды.

Я спустилась по скрипучим ступенькам.

За стойкой сидит рыжий, время от времени подставляет гоблину кружку. Тот наполняет ее ледяным молоком и пододвигает страннику. Рыжий в несколько глотков осушает и снова протягивает за добавкой.

Гоблин заткнул бутыль и убрал на полку.

— Завязывай с ледяным молоком, — посоветовал он. — Зубы неделю стучать будут, язык отхватишь. А некоторые животом маются.

Варда недовольно буркнул и оглянулся на меня.

Я выпрямила спину и гордо прошагала мимо. В дальнем углу заметила Лисгарда, тот уперся спиной в стену. Медленно отламывает кусочки пирога, кладет в рот и тщательно пережевывает, словно боится наткнуться на гвоздь или косточку.

Хотела подсесть к нему, но белокожий тоже смотрит недовольно, будто его обманули, поманили райскими кушачами, а потом прогнали взащей.

Пришлось сесть за пустой стол в центре таверны. Как из-под земли, выскочила зеленолицая гоблинша с подносом:

— Что желаешь, серая? Ледяное молоко, брага, яблочное пиво, свежий пирог из клюквы, пирожки с лягушачьими лапами?

Я замахала руками, пытаюсь остановить словесный поток карлицы. Затем смущенно поправила корсет и спросила:

— Воды можно?

Гоблинша недовольно скривилась, молча развернулась и скрылась за барной стойкой. Через секунду на столе блестел запотевший от холода каменный стакан с самой чистой водой.

Варда встал из-за стойки, лицо заметно подобрело. Я потянула носом — от рыжего несет приторной сладостью. Тут же демонстративно скривилась и, поднявшись, направилась к выходу.

— Надеюсь, ночь у всех прошла хорошо, — бросила я через плечо у самой двери.

Варда хмыкнул:

— Не плохо.

Белокожий насупился и промолчал, наверное, тяжело было спать на жесткой гномьей койке после неж-



ных простыней из паучьего шелка и приглушенного света адуляров.

Варда хрустнул шеей и с довольным лицом направился за мной. Лисгард подскочил, как ошпаренный, чуть не перевернув стол, и быстро догнал.

Мы молча покинули зачарованную таверну. Гном-страж проводил нас хмурым взглядом, почему-то тяжело вздохнул, наверное, тоскует по дальним странствиям, и закрыл тяжелую калитку.

Вчера дождь не дал увидеть окрестности, зато теперь, в утреннем свете, даже от таверны виден край Чумного леса.

Высокие искривленные деревья похожи на морских чудовищ, которые только и ждут момента, чтобы схватить толстыми щупальцами. Кое-где стволы подернуты голубоватым свечением. Свет чем-то напоминает адуляры, только в Эолуме они не вызывают дрожь в коленях.

Варда будто прочел мои мысли и успокоил:

— Так светятся гнилушки. Обещаю, это самая меньшая опасность, какую можно встретить в Чумнолесье.

Я хмуρο покосилась на него и фыркнула.

По мере приближения деревья приобрели странные очертания — тонкие стволы похожи на застывшие фигуры. Несмотря на раннее утро, над Чумным лесом клубится темная дымка, как бы предупреждая — не ходи туда, там смерть.

Я вытянула уши, кончики уперлись в капюшон, попыталась мысленно приободриться. Лисгард, как обычно, плетется сзади и дышит в затылок, кожей чувствую, как сверлит спину.

Он незаметно приблизился и спросил деликатно:

— Миледи, вы уверены, что стоит идти этим путем? Посмотрите.

Белокожий кивнул в сторону деревьев:

— У меня доспехи гореть начинают, адамантин чувствует черную магию.

— Черную? — переспросила я.

Он кивнул:

— Да. Мои клинки способны рассеять мрак, но сдается, чтобы побороть темноту Чумного леса, понадобится гораздо больше адамантина, чем у нас есть.

Я с сомнением покосилась на доспехи высокородного — те после дождя выглядят еще ярче, словно прямо на солнце ковали. Но лес большой, а доспехи одни.

— Умеешь ты подсыпать светлячков в адуляр, — пробормотала я под нос.

Затем с шумом выдохнула, задирая подбородок, чтобы поднять боевой дух и вселить уверенность в белокожего.

— Лисгард, успокойся, — проговорила я нарочно громко. — Чумной лес не так опасен, как все думают. Ну пропитан воздух магией, ну ходят всякие чудовища туда-сюда. Разве это самое страшное?

Варда молча шагает по мокрой от росы траве и сбивает крупные капли с кустов. Услышав мою браваду, хмыкнул и покачал головой.

— Ты права, красавица, — сказал он неопределенно, — права, как десять мудрецов Сильверела. Пропитанный магией воздух в целом не опасен, если долго не засиживаться на одном месте.

— А если задерживаться? — поинтересовалась я.

— Тогда клонит в сон, из которого можно не выйти, — ответил Варда. — А вот стычек с монстрами



можно избежать. Все же когда-то они были обычными животными.

Рыжий говорит убедительно, но вид такой, словно мыслями где-то далеко, а мы — всего лишь призраки. От недосказанности внутри шевельнулось тревожное, я чуть приподняла край капюшона, чтобы посмотреть в глаза страннику. Но тот нарочно отвернулся.

— Тебя что-то тревожит? — спросила я.

Странник кивнул, но промолчал.

Я выругалась про себя. Легче заставить светлого эльфа сожрать слизняка, чем вытащить из Варды хоть слово, если он не желает говорить.

Мы подошли к самому краю Чумного леса. Кривые стволы со скрипом раскачиваются, будто вот-вот покинут насиженные места и двинутся на поиски лучшей доли. Деревья зловеще шелестят листьями, тянут вверх кривые ветки. Между стволами мелькают быстрые тени, синие огни глаз холодно поблескивают в темноте.

Я осторожно вдохнула, стараясь дозировать порции отравленного воздуха, чтобы не очуметь в самом начале пути. В носу странно защекотало сыростью и чем-то очень знакомым.

Варда оглянулся, бросил оценивающий взгляд на сына казначея, затем внимательно посмотрел на меня.

— Держимся вместе, — сказал он серьезно. — Ни на что не отвлекаемся, смотрим по сторонам. Если увидите что-то странное...

Лисгард перебил его:

— Что-то еще более странное?

Странник глянул в глубину леса, где шныряют темные призраки, светятся гнилые стволы, и кивнул:

— Да. Если увидите что-то совсем дикое — смело обнажайте мечи и рубите что есть силы. Они точно

шадить никого не станут. И еще... — Он наклонил голову и проговорил тихо: — Као, держись поближе ко мне.

Лисгард охнул от очередного неприкрытого оскорбления, но Варда уже ступил на проклятую землю.

Я испуганно поспешила следом, за мной, раздраженно сопя, двинулся высокородный.

— Вам чего-то не хватает? — спросил он глухо.

— В каком смысле? — спросила я, оглядываясь.

Белокожий скривился и кивнул на странника, тот идет чуть впереди и делает вид, что не слышит.

— Кинулись за ним, словно на нем пылью на-мазано.

Я облегченно выдохнула и отмахнулась:

— Ты об этом... Просто спокойней, когда могучие эльфы с обеих сторон, а не с одной.

— Разумеется, — сказал Лисгард, еще больше кривясь.

— Жутко тут, — проговорила я. — Того и гляди, вылезет корявая лапа и утянет под землю.

— Причина лишь эта?

Я раздраженно дернула ушами и бросила на Лисгарда гневный взгляд, тот хотел сказать еще что-то, но когда за деревом мелькнуло темное, схватился за мечи и сосредоточился на дороге.

Мы все глубже уходили в лес от разгульной, но все же безопасной таверны. Еще в начале пути зрение переключилось на ночное, усилило яркость и контуры.

Видно, как в траве копошатся козявки, слишком большие для обычных муравьев, из-за кустов иногда высовываются морды. Сначала думала — зайцы, но когда пригляделась, кровь в жилах застыла. От зайцев у них только уши, остальное больше напоминает харю



вурдалака — глаза огромные, белесые, из пасти по два клыка с каждой стороны. Тела грузные и похожи на смаргов.

Я отвернулась и уставилась в спину странника, боясь смотреть по сторонам, но боковым зрением все равно видно, как за стволами перемещаются фигуры.

Чтобы как-то заглушить жуть, которая холодной змеей шевелится в районе живота, я спросила тихо:

— Темные эльфы видят ночью?

Из-за спины донесся вздох недовольного удивления, даже Варда чуть покосился через плечо. Взгляд беспокойный, уши шевелятся, как у зайца.

Он странно посмотрел на меня, но ответил так же тихо:

— Видят. Но они, как змеи, различают лишь тепло.

— Значит, если в темноте замерзнешь, не смогут заметить? — уточнила я.

Варда на минуту замолчал. В кустах, которые раньше были шиповником, заворчалось что-то большое. Оно недовольно засопело, я схватилась за антрацитовую рукоять. Ко всеобщему облегчению, тварь хрустнула ветками и с глухим топотом удалилась.

Рыжий вытер лоб и проговорил:

— Наверное, да. Правда, не представляю, как надо околеть, чтобы перестать излучать тепло.

За широким деревом хрустнуло, мы все разом обернулись, увидели лишь вытянутую тень с большими синими глазами. Она заинтересованно наклонила голову и спиной поплыла в глубину леса.

Рыжий глухо зарычал и вытащил меч. Тень безразлично глянула на клинок и растворилась. В темноте остались лишь два синих огонька, которые напоминают обычных светлячков.

Я повертела головой, теней стало больше. Они бесшумно носятся вокруг, но не нападают. Приблизившись к широкой спине странника, я спросила:

— Что это за твари?

Варда оглянулся. Лоб нахмурился, уши нервно дернулись.

— Это проклятые души эльфов. Они мирные, пока мы втроем.

— Что это значит? — не поняла я.

— Главное, не оставаться одному, — пояснил Варда. — Иначе...

Он глянул на белокожего и провел большим пальцем по горлу.

— Конец, — сообщил странник. — Будут в Эолуме петь прощальные песни по погибшим в Чумнолесье героям.

Меня всю передернуло, когда представила, как ледяные руки призраков проникают к самому сердцу, хватают внутренности и дергают на себя.

Мимо прогудела стайка светлячков размером с воробьев. Засыпанная ветками дорога озарилась призрачно-желтым светом, на несколько секунд видимость стала доступной для всех. Трещины в коре деревьев углубились, словно внутри проходы в другой мир, тени вытянулись.

Шорох высокородных сапог за спиной затих, белокожий остановился. Когда оглянулась, увидела, как разглядывает сияющие гнилушки возле кривого ствола. Козявки сделали небольшой круг и скрылись в зарослях, лес снова погрузился во тьму.

Я ускорила, боясь отставать от рыжего, когда догнала, снова покосилась назад.



Лисгард сделал шаг, тут же выругался под нос, зацепившись волосами за ветку. Думала, сейчас разразится приступом красноречия на тему высокой эстетики, но он лишь скрипнул зубами и поспешил за мной.

Не знаю, как долго углублялись в чащу, густая крона и темнота мешают определить время суток. Но, судя по плотности зарослей, шли, наверно, пару часов.

Варда замедлил шаг, пригнулся и стал осторожно продвигаться сквозь черные кусты.

— Ты чего крадешься? — спросила я нарочно громко, чтоб ободриться.

Рыжий резко развернулся, обхватив меня за шею, зажал рот. Я вытаращила глаза, он извиняюще скрипнул и осторожно разжал пальцы.

— Тише ты! — прошептал он в ухо раздраженно. — Мавок разбудишь своими воплями.

Я осторожно высвободилась из рук странника и обиженно отошла к Лисгарду. Тот стоит возле обгоревшего до черноты дерева, смотрит на Варду волком, пальцы угрожающе ползают по рукояти.

Он сверлил взглядом странника до тех пор, пока за кустами в очередной раз не хрустнуло. Тогда белокожий отвел взгляд. По благородному лбу сбежала тоненькая струйка, переползла на нос и сорвалась прозрачной каплей с кончика.

— Миледи, советую держаться рядом, — проговорил он тихо. — В случае опасности потребуется защита.

Варда глухо хохотнул, огибая темный, как душа демона, куст.

— Наша серая хорошо сражается, — шепнул он через плечо. — С ней точно не страшно.

Лисгард сморщил лоб, соображая, что имел в виду рыжий, затем его глаза расширились, в синей глубине полыхнуло пламя. Брови сошлись на переносице, солнечный эльф выхватил меч и отшагнул от черного ствола.

— Вы забываетесь, Варда, — процедил высокородный.

Рыжий резко развернулся, кончик меча нацелился в грудь белокожему, но дальше не двинулся. Варда принял боевую стойку на случай, если высокородный все-таки нападет.

Я испуганно вытянула уши и схватила Лисгарда за руку, стараясь опустить клинок.

— Сын казначея, ты что! — быстро зашептала я. — Успокойся, Варда совсем не это имел в виду. Правда, Варда?

Я зло посмотрела в серые, как адамантин, глаза и замерла в ожидании.

Рыжий нехотя опустил меч. Он отмахнулся от очередного светляка, который пытался устроиться на щеке, затем отошел на пару шагов.

— Конечно, не имел, — сказал Варда добродушно. — Я вообще ничего не имею. Все свое ношу с собой. Зачем иметь, если все время в дороге? Даже вон когда вдруг начинаю иметь — сразу отдаю кому-нибудь.

Он окинул меня странным взглядом, на лице простоватое выражение и глупая улыбка. Но в глазах пляшут дикие лешие, от которых в животе занимается горячий клубок.

Лисгард опустил клинок и медленно убрал в ножны, но лицо хмурое, глаза мечут синие молнии.



— Видишь, Лисгард, странник извинился, — проговорила я, выглядывая из-под капюшона.

Варда удивленно вскинул брови и тряхнул головой, убирая рыжую прядь со лба.

— Эм, наверное. Ага. За что, не понял, но извиняюсь великодушно, — сказал он и отвесил демонстративный поклон до самой земли. — Извини меня, благородный солнечный эльф, сам не знаю за что. Каюсь и уповаю на твою милость.

Лисгард оторопело уставился на рыжего, не понимая, издевается тот или всерьез. Прошла пара мгновений, прежде чем он выдохнул и ослабил уши.

— Извинения приняты, — сказал высокородный и отвернулся.

Варда выпрямился, покачал головой, мол, задирать вас — одно удовольствие, затем сделал несколько шагов сквозь черные кусты и замер.

— А теперь без шуток, — произнес он серьезно. — Вышли на Мавкино озеро. Обычно можно спокойно мост пересечь. Но была гроза, а ведьма говорила, не к добру. Так что всем тихо. Двигаться след в след, я вперед, вы — за мной.

Мутная дымка потянулась из-за деревьев и ползет над кустами, как рваное полотно. Воздух замер и стал похож на студенистый кисель, я замахала руками, пытаюсь расчистить видимость. Как ни странно, это удалось, дымка в нескольких местах прорвалась и расползлась в стороны, словно шербатая река.

Мы осторожно вышли из перелеска на окруженную черными стволами поляну. В середине большое озеро с деревянным мостом без перил. Снизу срываются капли и звонко барабанят по воде.

На широких листьях по всей поверхности тонкие фигуры. Пригляделась — голые девицы с зелеными волосами до самых пяток. Одни сидят с закрытыми глазами, подставив лица чернеющему небу, другие возлегли на листья кувшинок и дремлют. Крупные тела покрыты мелкими каплями. В свете гнилушек и светляков мерцают, словно драгоценности.

Я дернула Варду за рукав:

— Это кто?

Он прошептал не поворачиваясь:

— Так мавки же.

— Ого...

Рыжий пригнулся.

— Тихо, ни звука, — сказал он. — Прилипчивые они.

Словно воры, пригнувшись, мы двинулись к мосту. По пути пришлось несколько раз останавливаться и замирать, потому что Варде виделось шевеление среди мавок.

Я периодически косилась на девок. Эти сидят на воде, как довольные жабы, вон даже кожа зеленой отдает. Тяжелый запах щекочет ноздри. От постоянного пребывания в воде тело пропиталось тиной и водорослями.

Мост приблизился еще на несколько шагов. Когда пригляделась к мавке, что замерла у опорных балок, смогла разглядеть сквозь дымку идеальное лицо.

Скулы узкие, как у светлой эльфийки, пухлые малахитовые губы зовуще раскрыты, на коже, словно алмазы, блестят капли. Ресницы такие, что прямо выдергивай и вяжи веники. Зеленая грива перепуталась с водорослями, грациозно изогнута на плече, длинный конец уходит к самой воде.



Я сделала еще шаг, но, увидев спину девки, чуть не вскрикнула. Пришлось сжать губы и ускориться. Нелепо переваливаясь с ноги на ногу по черному илу, я приблизилась к Варде.

— Что... что с ней? — спросила я изумленным шепотом.

Он непонимающе уставился на меня, затем проследил за взглядом.

— У мавок нет спины, — выдохнул разочарованно странник. — Не знаю, за что их так. Может, потому, что утопленницы. А может, сомы съели.

Мы остановились у моста, где дымка превратилась в едва заметную рябь. Пахнет все той же сыростью и отголосками забытого прошлого. Понадобилась пара минут, чтобы привыкнуть к странному запаху.

Я осторожно выглянула из-за спины рыжего, помахала рукой перед лицом. Дымка немного разошлась, я стала разглядывать, что там у мертвячки сзади.

От желтоватого позвоночника расходятся ребра, под ними непонятно на чем висят темные пятна органов. Кости зеленоватые, словно молодой малахит, на одном позвонке небольшой нарост мха.

Со стороны озера резко повеяло тяжелым воздухом. В нос ударил крепкий запах ила и тины, я сморщилась.

— Гадость какая, — прошептала я. — Если от нее так несет, понятно, почему сидят печальные.

Варда обернулся, снова смахнул с лица прядь.

— Все, — прошептал он. — Теперь полная тишина.

Он осторожно ступил на мост, старые доски чуть слышно скрипнули. Рыжий на секунду замер — уши торчком, глаза круглые. Прислушалась, мавки продолжают нежиться под чернеющим небом. Плевать они

хотели на каких-то эльфах, которые ломаются через озеро.

Варда чуть расслабилась и двинулась дальше, выбирая для следующего шага доски покрепче. Я шагнула вперед. Наступаю след в след. Подо мной древко молчит, видимо, совсем легкая.

Сзади шелестит доспехами Лисгард, по дыханию слышно — старается быть как можно бесшумнее, хотя в броне оставаться незаметным — задача сложная, да и темно для солнечного эльфа.

Я подумала, высокородный старается сохранить лицо перед грубым странником, ну и передо мной, конечно. С каждым разом все труднее. Но солнечный держится молодцом, скрипит зубами, но молчит.

Размышления прервал громкий древесный треск за спиной, я резко обернулась.

Белокожий со сдавленной руганью гремит адамантином, руки машут, как мельницы, он дергается, пытаясь вытащить из дыры провалившийся сапог.

Сбоку послышался бесцветный голос Варды:
— Все. Приплыли.

Я глянула на рыжего. Тот стоит с бледным лицом и смотрит в сторону темной воды. Глаза не моргают, пальцы дергаются к рукояти, но почему-то меч выхватывать не спешит.

Среди мавок началось ленивое шевеление, остатки дымки разошлись. Одна мертвячка издала томный стон, подняв пушистые ресницы, и повернула голову.

Изумрудные глазищи уставились на меня, взгляд равнодушно скользнул вниз. Затем она посмотрела на Варду. Пухлые губы растянулись в улыбке, обнажив жемчужные зубы.



Мавка картинно подняла руки и потянулась, колыхнув огромной грудью с зелеными серединками. Потом демонстративно выгнула дырявую спину и засмеялась серебристым, как колокольчики, смехом.

Меня передернуло от возмущения и омерзения. Я подбежала к Лисгарду, топоча по доскам — все равно уже нашумели, — помогла вытащить ногу из дыры. Заглянула внутрь — в отверстии черная, как деготь, вода. От одного ее вида по коже побежали мурашки размером с жука.

Белокожий виновато забубнил:

— Оно случайно вышло. Вроде за вами шагал, а тут эти срамные девы... Загляделся...

Я мысленно простонала, но постаралась приободриться.

— Ничего. Не съедят они нас, в конце концов, — сказала я и просительно посмотрела на рыжего. — Не съедят ведь, Варда?

Странник все еще неподвижно стоит и смотрит, как мавки, одна за другой, просыпаются от блаженной неги. Нагие тела трясутся, они медленно приближаются к мосту, шлепая босыми ногами, будто по суше.

Воздух наполнился сверкающей пылью, слышались протяжные стоны и смех. Водяное эхо заиграло, показалось, голоса мавок живут сами по себе, перемещаясь над озером в хаотичном порядке.

Варда нехотя отвел глаза от пышных форм зеленых девок.

— Цепляй своего высокородного, и бежим, — проговорил он осипшим голосом.

Только он развернулся в сторону другого берега, перед ним возникла нагая зеленоволосая красавица с полным набором атрибутов. Рыжий схватился за руко-

ять, но мавка успела приблизиться, длинные пальцы легли ему на руку.

— Ну что ж ты, путник, — проговорила она чарующим голосом. — Негоже быть грубым с девицей. Али не хороша я?

Ладонь Варды разжалась и бессильно свесилась рядом с ножами, кадык нервно подпрыгнул.

— Хороша. Да больно зеленовата, — сказал он хрипло и отшагнул ко мне.

Мертвячка не отступала. Снова приблизилась к страннику, бесстыдно колыхая внушительными грудями. Талия такая тонкая, что рыжий вполне может обхватить ладонями. Зато бедра — всем бедрам бедра, широкие, как у деревенской девки. Зад дерзко вздернут, так и просит, чтоб пятерней припечатали.

Я сказала громко, стараясь переключить внимание рыжего на себя:

— Жуткая ты тварь, зеленая девка. Нырять в свое болото, и разойдемся миром.

Затем постучала Варду по плечу:

— Пинай эту жабу, и бежим.

Рыжий неотрывно смотрит в изумрудные глаза мавке, крошечные дорожки стекают по лбу, кожа пошла морщинами, словно решает в уме сложные задачи. На носу все время появляется крупная капля, наполняясь, срывается вниз.

— Да-да, — пробубнил он безвольно. — Сейчас пну, еще погляжу немного и пну.

Мавка подошла к нему, прижалась всей срамотой, тонкие руки обвились вокруг шеи. Из рта высунулся раздвоенный язык, скользнул по щеке. Девка довольно запрыгнула на рыжего, обхватив ногами торс.



Варда стоит, как каменный. Его тело стало напоминать эолумскую статую, только те из белого мрамора, а рыжий вроде как из смуглого.

Я с ненавистью посмотрела на мавку и прошипела, сжав под плащом антрацитовую рукоять:

— Мы ведь эльфы, а не люди. Чего пристаешь?

Она зовуще потерлась об одежду рыжего и проговорила певучим голосом:

— Не все ли равно? Люди, эльфы, гномы. Да хоть гоблины. Все хотят ласки. Добрый путник всегда приветит, приголубит хрупкую девицу. Посмотри, как притих. Поди, нравятся твоему страннику мои объятия. А коли нравятся, пускай остается с нами в темном озере. Обещаю быть нежной, пока не утопнет.

В затылке закипело, на глаза упала сиреневая пелена, даже не поняла, с чего вдруг такая ярость охватила. Выхватив темный клинок из ножен, я с ревом рубанула по зеленой коже.

Лицо мавки исказила гримаса боли, она с диким воплем отскочила назад, хватаясь за место, где только что была рука. Из обрубка брызнула зеленоватая жижа и тягучими струями закапала на доски. Отсеченная кисть бухнулась на доски, дергается, скребет ногтями, даже ползти пытается.

Странник моментально пришел в себя, тряхнул рыжей копной, глаза уставились меня. Взгляд такой, будто впервые видит.

Мавка заверещала жутким голосом:

— Душегубка! Жадная тварь! Не хочешь делиться!

Я перепрыгнула через оторопевшего Варду и с наскока рассекла голову зеленой гадине. Из раны брызнуло зеленью, еле успела увернуться, чтобы не заляпаться.

— Чего ты не рубил? — прокричала я зло. — Ждал, пока она милостью одарит?

Мавка на секунду замерла с расколотым на равные части черепом. Глаза скосило от удара, теперь обе половинки уставились невидящим взглядом в разные стороны. Колени девки подломились, она с грохотом рухнула на доски.

Я на всякий случай пнула ногой проверить, издохла ли. Та осталась неподвижной. Только разрубленные половинки качнулись в стороны.

Рыжий окончательно пришел в себя, с глаз слезла зеленоватая муть. Он запоздало выхватил меч и оскалился. Пару секунд стоял так, видимо, пытаясь сообразить, что делать дальше, потом потряс головой и проговорил, извиняясь:

— Так девка же вроде. Я как-то не рублю девок, хоть и человеческих.

Я раздраженно прошипела:

— Она давно не девка!

— Да как же... — отворачиваясь, пробормотал рыжий.

— Так-то, эльф Сильвирела, — бросила я. — Вот где твое слабое место. Никогда бы не подумала.

Затем оглянулась и обомлела. Жирные светляки с тяжелым гудением несутся из стороны в сторону. Вокруг Лисгарда собралась толпа большегрудых зеленовласок с широкими крупами. Девки задорно хохочут, дырявые спины сверкают позвонками, мавки бесстыдно ласться к белокожему.

Тонкие пальцы беззастенчиво бегают по алмазистой груди, как конечности многоножки, и лезут под одежду. Утопленницы звонко чмокают в высокородные губы и игриво стреляют глазами.



Солнечный неловко покачивается под напором голых мертвячек, взгляд глупый и безвольный.

Я прокричала в бессильной злобе:

— Да ну что вы, в самом деле! Это же дыропинные утопленницы!

Пока Варда определялся с моральной стороной убийства человеческой женщины-мертвячки, я кинулась на толпу нагих девиц. Замахнувшись в прыжке темным клинком, я воинственно закричала.

В этот момент мавки с дружным визгом обхватили Лисгарда и вместе с ним сиганули в воду. Я с грохотом приземлилась на пустое место и с жалобным стоном кинулась к краю моста. В груди все задрожало.

— Они утопят его! — прошептала я. — Затискают и утопят высокородного солнечного эльфа своими жабьими руками.

Поверхность озера пошла волнами, в черноте видно, как среди зеленозадых девок удаляется белоснежное лицо с пьяным взглядом.

Уши встали торчком, затылок горячий, как домна. В глазах горячее, наверное, светятся желтым. Варда наконец очнулся и подбежал; когда заглянул за край, его голос прозвучал тихо и виновато:

— Ему конец.

Я бессильно взвыла:

— Если бы ты не пялился на зеленую грудь, а рубанул по диагонали, белокожего бы не украли!

На плечо легла тяжелая ладонь, Варда печально вздохнул и попытался похлопать по спине. Я сбросила его пальцы, в правом глазу помокрело. Смахнув скатившуюся по щеке каплю, я процедила:

— Ни за что.

Затем скинула плащ, меч пришлось отцепить, но керис оставила на поясе.

Варда схватил меня за локти.

— Ты что задумала? Даже не смей, — ужаснулся рыжий и перехватил ладони, теперь они оказались на плечах. — Да пойми ты, он уже труп. Это бездонное озеро, солнечный сгинет, и ты вместе с ним.

Я высвободилась из крепких пальцев, которые вцепились так, что теперь синяки останутся, и глянула в глаза:

— Я иду за Лисгардом.

Варда запрокинул голову и прорычал:

— Дура!

Я пнула его в колено:

— Трус!

Зажав керис в зубах, я шагнула в сторону и рухнула в воду.

Темная поверхность моментально сомкнулась над головой, холодные потоки защекотали кожу, я прижала уши, чтоб не залило слуховые проходы. Пока пререкалась со странником, мавки утащили белокожего на приличную глубину. Я стала грести вниз, ночное зрение немного улучшило видимость, давая возможность хоть что-то разобрать в водяной линзе.

Я плыла и плыла, пока зеленозадая стайка не оказалась достаточно близко. Девки резвятся вокруг осоловелою Лисгарда, шныряют, как рыбы на нересте. Вода заполнена водорослями. Присмотрелась — это не водоросли, а бесконечно длинные космы утопленниц колышутся в толще воды и заворачиваются кольцами.

Время от времени какая-нибудь девка толкает белокожего в глубину. Одна, особо старательная, зависла



над животом и возится с замудренными клепками на поясе. От этого зрелища меня передернуло прямо в воде.

Чтобы приблизиться, пришлось поднапрячься. После нескольких мощных гребков я оказалась рядом со стайкой. Тут же ухватила за зеленые космы и рванула на себя.

Девка выбросила руки вперед, пытаясь ухватиться за ремень Лисгарда, но не успела. Я брезгливо притянула дырявую спину и полоснула по горлу мертвячку. Из раны хлынуло зеленое, вода вокруг помутнела.

Пришлось активно работать руками, чтобы немного расчистить видимость. К моему облегчению, зеленая муть быстро рассеялась и вода снова стала темной, но прозрачной.

Дважды труп мертвячки неподвижно завис перед лицом, словно она застыла в густом киселе. Чтобы подплыть к белокожему, пришлось с силой толкнуть ее в зеленый бок.

Стая мертвячек вертится вокруг высокородного, как полоумная белка. Мавки лапают доспехи и дергают за уши, но Лисгард, словно не здесь, спокойный и безмятежный. Только блее обычного.

Очередной прилив сиреновой злости накрыл с головой, я чуть не закричала в бешенстве. Но вовремя вспомнила, что под водой делать этого не стоит.

Я ухватила белокожего за ногу и потащила вверх. В этот момент мавки будто очнулись, вся толпа обернулась, оскалив зубы. По толще воды разнеслось противное цоканье.

— Серая эльфийская дрянь! — загалдели они на ломаном языке.

Хотелось ответить что-то в духе — себя видели? Но холодная вода быстро отрезвляет, приходится сжимать губы и шевелить конечностями что есть сил.

Вместе с потерявшим сознание Лисгардом я погребла вверх, но девки вцепились мертвой хваткой и тянут на себя.

Три зеленогрудых утопленницы отделились от стаи и кинулись ко мне. Одна впилась острыми, как иглы, зубами в плечо. Я проглотила боль, в помутневшей от зелени воде тоненькой змейкой протянулась багровая струя.

Очередной приступ гнева растекся по венам, едва не прожигая кожу. Я перехватила керис в другую руку и с силой ткнула лезвием в глаз мавке. Та взвыла и моментально разжала челюсти, зеленая нога слабо дернулась, девка стала медленно опускаться в глубину.

Две другие заплыли с обеих сторон и одновременно вцепились в меня. Одна попыталась разжать пальцы, чтобы вырвать клинок. Я мрачно ухмыльнулась и сжала пальцы так, что даже тролль не смог бы их распрямить.

Но когда ощутила, что воздух в легких заканчивается, бравада моментально исчезла. Белокожего снова окружила стая мавок, вновь принялась кружиться и ластиться.

Я начала погружаться глубже, мысленно проклиная все упырьское племя. Первобытный ужас медленно захватил сознание, в груди ухнуло, я усиленно забарахталась, надеясь если не выбраться, то приблизиться к поверхности. Лисгарда утащили быстро, потому что смирился, а я дергаюсь и раздражаю.

Во впадинке на шее неприятно дернулось, скоро внутри все начнет сокращаться, и рот сам заглотит



порцию воды. Я еще несколько раз дернулась и замерла, решив, что так легче беречь драгоценный воздух.

В толще воды разнесся страшный шипящий звук, через секунду грудь мавки пронзило огромное острие. Оно застряло в гнилом теле, из которого в стороны потянулись зеленоватые струйки.

Мертвячка опустила непонимающий взгляд вниз, изумрудные глаза расширились и неподвижно застыли на пике в груди. Она разжала пальцы и осталась висеть в воде.

Другая мертвячка удивленно выглянула из-за моего плеча. Взгляд удивленный и неверящий, словно прежде здесь, на глубине, им никто не вредил.

Еще секунду мертвячка таращилась на неподвижное тело соплеменницы, затем бросила Лисгарда и кинулась вниз.

Мимо со свистом пронеслась еще одна стрела и воткнулась в спину мавке. Остальные мертвячки обернулись, лица изумленные, в глазах страх и ненависть.

Шипящие звуки наполнили воду. Я сама не сразу поняла, что происходит. Только когда еще несколько мавок зависли с пробитыми грудинами, дошло — на толщу обрушился град копий.

Девки заклокотали на булькающем языке и бросились врассыпную.

— Душегубы!

— Эльфы проклятого леса!

— Безумный маг вам на голову!

Пользуясь смятением в стае мавок, я цапнула Лисгарда за сапог и что есть силы погребла вверх.

В легких предательски засадило, чернота неба слилась с темнотой озера, с огромным трудом удалось

разобраться, где верх, где низ. В голове шевельнулась страшная мысль — мне не выплыть.

Чувствуя, как холодеют пальцы, я бросила затравленный взгляд вверх. Сквозь водяную линзу смогла разглядеть темно-серое небо. До поверхности размахов пять, не меньше, вроде неглубоко, но легкие дергаются, как танцующие шуты.

Я сжала губы и зажмурилась. Появились странные, недостойные эльфа мысли о смерти, готовиться к которой в последнее время мое обычное состояние. Потом подумала, что когда-нибудь это должно случиться, не может безродной серой эльфийке все время везти. Может, так и задумано. Может, новонареченной Каонэль суждено спастись от палящего зноя, чтобы умереть в Мавкином озере.

Резкий рывок за волосы вывел из оцепенения, меня быстро потащило вверх. Когда открыла глаза, увидела, как темнота быстро удаляется вниз. Шевелиться не стала, только скосила глаза, проверяя, на месте ли белокожий. От облегчения чуть не выдохнула оставшийся воздух.

Бледное тело мерно покачивается рядом. Через несколько секунд новый рывок выдернул на поверхность. Я выпучила глаза и раскрыла рот, жадно глотая воздух. Затем быстро перевернула белокожего и подняла его голову над водой.

В спину уперлась широкая ладонь, Варда поддерживает умело, чтобы сама не пошла ко дну после такой встряски.

Он сплюнул в воду и проговорил быстро:

— Сейчас подашь его мне.

Рыжий в два гребка оказался возле опорной балки. Обхватив скользкий столб, он уперся куда-то ногой.



Затем моментально вскарабкался, лег на живот у края, свесив руки к воде. Сапоги громко пошерудили по деревянному насту, словно цепляются за что-то.

— Подсаживай! — скомандовал он и помахал руками.

Пришлось из последних сил грести к деревянному столбу, когда доплыла, набрала побольше воздуха и вытолкнула Лисгарда. От толчка снова с головой вогнуло в воду. Животный страх перед глубиной снова шевельнулся в районе солнечного сплетения. Словно перепуганная кошка, я забарахталась и поплававком выпрыгнула на поверхность.

Цепкие пальцы ухватили за волосы и больно потянули вверх. Я сцепила зубы, кричать от боли — самое низкое, что может эльф. Сильные руки перехватили под мышки и втащили на деревянную поверхность.

Я обессиленно перевернулась на спину и распласталась на досках. Над головой нависло черное небо. Вчерашняя гроза наполнила лес запахом мокрых листьев. Несмотря на то что воздух пропитан магией, он показался самым чистым и свежим, какой только может быть.

Медленно повернув голову, я глянула в сторону. Вымокший, хоть выжимай, Варда застыл над белокожим и хмурит брови. Лисгард лежит неподвижно, гаюиновые глаза уставились вверх.

Я вскочила как ошпаренная, ноги нелепо разъехались на мокрых досках. Мост качнулся, едва не сбросив меня обратно в воду. Взмахнув руками, я прогнула спину и застыла так на пару мгновений. Когда равновесие вернулось, кое-как собралась и подбежала к высокородному.

— Он жив? Он мертв? — спросила я встревоженно.

Варда отмахнулся и бросил:

— Да жив, жив он.

Рыжий сжал пальцами щеки белокожего, покрутил так и эдак, затем отвел руку в сторону и звонко шлепнул.

Тот дернулся, взгляд сфокусировался на страннике и стал медленно обретать ясность. Варда посадил его, быстро осмотрел лицо на всякий случай и повернулся ко мне.

— Он же солнечный, — сказал странник так, будто это все объясняет.

Я села на колени и непонимающе уставилась на Варду, тот раздраженно цокнул языком и проговорил:

— Не знаешь?

— Нет, — нервно сказала я.

— У солнечных барьер на холод и воду. Когда оказываются на грани, впадают в...

Он сделал несколько странных жестов, по которым должна понять, что соображаю все-таки не очень. Потом продолжил:

— Балансовое оцепенение, чтобы сохранить ресурсы.

Я надула губы и хотела обидеться, но вовремя вспомнила, что рыжий только что спас. Снова. Пришлось проглотить все колкости и язвости.

Чтобы оттереть коричневую муть с щек, пришлось долго скоблить их ногтями и тереть пальцами. Когда наконец удалось, все ладони оказались в тине и склизком иле. Я со вздохом поднялась и нацепила плащ, темный клинок нашла там же, где и бросила. Когда повесила на пояс, он угрюмо блеснул, словно приглашал к бою.

— Спасибо, Варда, — проговорила я.



Рыжий зыркнул на меня беспокойно, губы раздраженно скривились. Он еще раз бегло осмотрел Лисгарда и поднялся.

— Спасибо тут не поможет, — сказал он, перестегивая клепки с ножнами. — Надо торопиться. Сейчас они очухаются, опять вылезают. Уже не отобьемся.

Я скользнула взглядом по деревянному насту. На краю моста валяется наспех собранный лук, настолько огромный, что только ногами натягивать. Рядом пара пик из черного дерева.

В воздухе замелькала новая стайка жирных светляков, пространство наполнилось глухим гудением. Если верить опыту, после них должен прозвучать хохот, а потом полезут мавки.

Рыжий закончил с ремнем и перекинул лук через плечо. Гигантская конструкция осталась валяться на мосту, я покосилась на нее, думая, что захочет взять с собой, но рыжий даже не глянул, словно соорудить такое для него — раз плюнуть.

— Цепляй белокожего, и бежим отсюда, пока при памяти, — сказал он и подхватил Лисгарда под мышку.

Я взялась за белокожего с другой стороны и охнула — высокородное тело оказалось куда тяжелей, чем представляла.

— Как небольшой единорог, — пробормотала я. — Надо сказать, чтоб завязывал с медовой пылью.

Мы синхронно дернули вверх, таща солнечного через мост в сторону деревьев. Не то чтобы там безопаснее, но мавки не достанут — рыжий как-то обмолвился, мол, утопленницы привязаны к озеру проклятием или чем-то еще.

На лбу выступила испарина, тащить расслабленное тело все равно что труп перекатывать — такой

же неповоротливый и нескладный. Надеюсь, что он скоро окончательно очухается, мы поволокли его по Чумному лесу, оставляя за собой две неглубокие бороздки.

— Уфф, — выдохнула я, перешагивая через подозрительную кочку. — За спасение ему, конечно, благодарна. И за побег. И даже за гаюин, который благополучно утерян.

— Но? — подхватил рыжий и дернул высокородно го вверх, снимая с меня львиную долю тяжести.

Я вздохнула с облегчением и немного выпрямилась, хотя это не так просто, когда на плечо давит закованная в адамантин туша.

— Но, кажется, уже отплатила за все акты доброты. Рыжий хмыкнул, я добавила:

— Наверное, так думать плохо.

— Почему? — спросил Варда, перехватывая Лисгарда поудобнее. — Все пытаются урвать кусок получше. Ты со своим стремлением вернуть память просто одуванчик.

Я украдкой глянула на Варду и подумала: если бы этот потерял память, всем бы вокруг стало тошно. Начал бы калечить неугодных, свергать власть и разрушать города.

Глава 21

Черная ветка стукнула по щеке и едва не пропорола кожу. Я выругалась, перехватывая поудобнее Лисгарда; когда глянула вперед, с облегчением обнаружила, что до деревьев рукой подать.

После того как вошли в лес, еще полчаса тащили полусонного Лисгарда по гнилой листве.



Наконец он взбрыкнул ногами, я облегченно выдохнула — плечо уже затекло. Варда остановился, Лисгард замычал и уперся сапогами в землю.

— Неужели, — сказал рыжий и встряхнул его. — Ну, высокородный, оклемался?

Белокожий стряхнул широкие ладони Варды, голос прозвучал хрипло:

— Я могу идти.

Варда бросил, отворачиваясь:

— Ты и раньше мог. Будто прежде не отключался. Лисгард покачал головой.

— Это впервые, — сказал он.

Рыжий удивленно покосился на него, во взгляде мелькнуло недоверие. Пару секунд он изучал высокородного, одновременно шевеля ушами потому, что звуки в лесу совсем не дружелюбные. Потом глубоко вздохнул и хлопнул его по спине.

— Ничего, — проговорил Варда. — Все бывает в первый раз.

Развернувшись, рыжий быстро двинулся в глубь леса. Сырой валежник противно зачавкал под сапогами, но в остальном странник оказался абсолютно бесшумным. Перемещается, как лесная тень. Я кивнула белокожему и поспешила следом.

Сквозь Чумнолесье ползет еле заметная тропка, петляя между черными зарослями. Варда торопится, подгоняет, словно за нами нечисть гонится. Трухлявые пни выскакивают из земли, как живые, норовя поддеть за носок и повалить в кусты. Ветки цепляются за плащ корявыми пальцами.

Ночное зрение рисует все в ярком, почти безумном цвете. Деревья и кусты черные, но этот черный отличается от остальной темноты и выглядит, как если бы

на ведьминское платье положили антрацитовый клинок. Предметы выпуклые и объемные, а фигура рыжего кажется вообще разноцветной. Странник молчит, бросает беспокойные взгляды на стволы.

— Нехорошо это, — шепнула я за спину Лисгарду.

— Что? — не понял он.

Я кивнула на странника и проговорила еще тише:

— Рыжего сложно напугать.

Высокородный фыркнул, но промолчал.

За деревьями мельтешат темные фигуры, горящие глаза осторожно выглядывают из-за веток и провожают тоскливыми вздохами.

Я дернула плечами, эти твари не нападают лишь потому, что нас много. В груди завертелось знакомое сплетение страха и гнева, но пока оно не оформилось, толку от него мало.

Рядом хрустнуло, Варда резко развернулся, меч моментально оказался в ладони. Я по-заячьи прыгнула к нему за спину.

Лисгард все еще пошатывается после встречи с мавками, глаза мутные, веки полуприкрыты. Он заторможенно взялся за рукоять, но вытаскивать не стал, так и застыл со сжатой ладонью.

Варда прошептал:

— Помните, что говорил о животных?

— Что они недружелюбны? — предположила я.

— Ага, — сказал он и прижал уши. — Убивайте без раздумий.

В кустах снова затрещало, я завертела головой, не понимая, почему никто не заметил приближения. Потянула носом, в воздухе лишь запах сырой земли и тревожный шелест.



Из кустов показалась длинная морда, из ноздрей пар, на голове хищно сверкают рога. На каждом по несколько изогнутых пик, те цепляются за ветки, переламывая их, словно тростинки. Глаза горят мертвенно-синим огнем и неподвижно смотрят на нас.

Зверь оскалился и выпрямился, из кустов показалась огромная туша с длинной шеей. Копыта блестят, как у подкованного единорога, но блеск недобрый.

Варда побледнел и проговорил одними губами:

— Клыкастый лось.

Я чуть выступила из-за широкой спины и проговорила:

— По-моему, лоси безобидны.

Варда толкнул обратно.

— Ты это ему расскажи, — буркнул он и кивнул на тварь.

Та медленно покачивает головой, дикий взгляд медленно переползает с одного на другого. Мертвые глаза остановились на мне.

Пару мгновений он, не моргая, таращился, словно изучал самого слабого. Потом взревел и бросился вперед.

Варда толкнул в плечо и прокричал:

— Беги! Не останавливайся!

Клыкастая тварь налетела на рыжего и сбила, как деревянную чурку. Странник отлетел в сторону, спина стукнулась о дерево, я вскрикнула, испугавшись, что переломился хребет. К облегчению, Варда отпружинил на руках и кувыркнулся, меч грозно сверкнул в воздухе, лицо оскалилось.

Тварь замерла с растопыренными копытами, с губ закапала пена. Меня передернуло, по спине пробежала холодная струйка и скрылась в районе штанов. Клы-

кастая морда снова медленно повернулась ко мне и уставилась светящимися глазами.

Лисгард запоздало выхватил клинки, растерянный взгляд упал на рыжего. Странник присел, кончик меча сверкнул в темноте.

— Чего смотришь? — крикнул Варда белокожему. — Бей и беги!

Зверь выпустил из ноздрей белое облако, страшный рев сотряс воздух, он ринулся ко мне.

На секунду все замедлилось — черные деревья в темном киселе, лось с кабаньими клыками, перепуганные эльфы. Тварь размеренно приближалась, ломая на ходу ветки и деревца.

Я шумно выдохнула, наваждение растворилось, картинка вновь стала четкой и быстрой. И в ней лось с хрустом несется через кусты, зловеще сверкая глазами.

Резко развернувшись, я, как ошпаренная, кинулась сквозь Чумной лес.

Деревья замелькали черными полосками, меня понесла неведомая сила, словно в ноги вселился дух ветра. Плащ скрутился жгутом, капюшон сорвало. Уши распластались по голове, впереди выскочил валежник. Но я перемахнула его, едва коснувшись земли.

За спиной треск и глухой топот, сердце колотится, словно вот-вот пробьет грудную клетку, от этого ноги двигаются еще быстрее.

По обеим сторонам синеглазые тени сбились в стаи и преследуют с тихим шелестом.

— Вот дрянь! — вырвалось у меня.

С воинственным криком перелетела через трухлявый пенёк с гнилушками. Через секунду за спиной сухо затрещало, над ухом просвистели щепки. Лось разъяренно взвыл.



В голове трепыхнулась трусливая мысль — вдруг догонит, растопчет и сожрет не раздумывая. И никто меня не спасет. Местное зверье растащит кости по норам, а отравленные улитки переварят останки.

Внутри все сжалось, даже ноги размякли и потеряли упругость. Когда на бегу покосилась в сторону, с холодком в животе обнаружила, что сверкающих глаз прибавилось. Огоньки мерцают меж деревьев и несутся наравне со мной.

Из горла вырвался крик, злость вспыхнула в груди ализариновым пламенем.

— Ничего ты не получишь, гадина! — выпалила я, перелетая через огромное бревно. — Знай, как бегают серые эльфийки!

Тело налилось неожиданной силой, затылок раскалился, как доменная печь. В голове дятлом стучит единственная мысль — бежать.

За спиной словно выросли крылья, деревья замелькали по бокам и превратились в две черные полосы, словно и правда бегу по воздуху.

Впереди между стволами замаячило красное свечение, ночное зрение быстро сменилось дневным. Темнота постепенно рассеялась, но местность стала еще страшней. В воздухе засверкали багровые частицы, делая лес куда зловещее.

Через несколько секунд бега нос уловил запах песка и гари.

Это напугало и разозлило, но сзади все еще слышен топот лося. Пришлось на последнем издыхании рвануться вперед. Спустя пару мгновений я вылетела из леса, сапоги споткнулись о трещину в земле. Успела лишь заметить неестественно красный грунт и сухой воздух. Потом ноги подкосились, я рухнула на колени.

Я с жалостью подумала о себе и о том, что сейчас рогатая тварь вырвется из-за деревьев. В рот прилетела горстка песка, отплевавшись, я вытащила темный клинок и приготовилась.

За кустами грохнуло, будто тяжелая туша со всего размаху врезалась в твердое, послышался разочарованный вой и топот. Из-за дерева высунулась длинная морда с разъяренными глазами. Зверь жадно смотрит на меня, но на красную землю не наступает.

Я поднялась. Грудь ходуном, но дыхание ровное. Не понимая, что происходит, уставилась на лося. Тот ответил мне взглядом, полным ненависти, и громко фыркнул.

Зверь нападать не спешит, хотя видно — очень хочет. Немного отдышавшись, я поправила плащ и натянула капюшон.

— Что, съел? — бросила я.

Тварь сверкнула глазами из-под мохнатых бровей, от черных ноздрей дым, с клыков капает. Копыта нервно переступают рядом с черно-багровой границей.

— Бестолковая кляча, — усмехнулась я и убрала меч в ножны. — Боишься красного песка? Вот она я, подойди, возьми. Нет? Жалкий трус, а не клыкастый лось!

Тварь взревела, встала на задние ноги и стукнула копытами о невидимый барьер. Затем развернулась и с рычанием ускакала в глубину Чумнолесья.

Я села на край песчаника и стала ждать — неизвестно, как далеко остались Варда и Лисгард. Помню, как рыжий кинулся за рогатой тварью, а дальше безумный бег.

В воздухе появился знакомый терпковатый запах. Если бы Лисгард знал, как от него несет — удавился бы с горя. Варда, напротив — почти не пахнет.



Через некоторое время из зарослей вышли странник и белокожий, оба всклопоченные, держатся на расстоянии. Варда вытер с лица зеленую слизь и с уважением посмотрел на меня.

— В жизни не видел, чтобы кто-то так бегал, — сказал он.

Я пожала плечами:

— Оно само получилось.

Рыжий хотел присвистнуть, но дыхание еще скачет, получился жалкий писк.

— У тебя все само получается, — недоверчиво проговорил он. — Честно говоря, думал, разорвали. От клыкастого лося не убежать.

Я нахмурилась, хотела надуть губы, но решила, это совсем по-эолумски. Вместо этого недовольно дернула ушами под капюшоном и скривилась.

— Значит, я первая, — сказала я, вытирая губы от песка. — Где вас лешие носили? В кустах прятались?

Лисгард вспыхнул, уши вытянулись.

— Миледи, как вы могли? — проговорил он, оправдываясь. — Мы не поспевали за клыкастой тварью, а за вами — тем более.

Я отмахнулась и скорчила брезгливую физиономию.

Когда двинулись в глубину пустоши, горячий ветер стал срывать капюшон. В глаза полетел песок, мелкие крупинки полезли в складки плаща и рот. Я сильнее натянула края, стараясь прикрыть волосы, чтобы потом не вычесывать. Почва под ногами растрескалась, словно здесь дождей не было целую вечность. В особо глубоких щелях видно что-то оранжевое и светящееся.

На горизонте появилась темная полоска. Пока шли, она постепенно растягивалась и росла, будто

что-то древнее и нерушимое ползет из земли. Когда полоска заполнила впереди все небо, до меня с ужасом дошло.

— Забытая гора, — выдохнула я.

Нога зависла в полушаге, я оторопело застыла, хлопая ресницами. Эльфы тоже остановились, Варда приложил ладонь ко лбу козырьком.

— Лесная мать... — сказал он впечатленно..

Исполинские склоны растянулись по всему горизонту, гора единой стеной уходит вверх, словно это вообще не гора, а еще один мир, который прилип к нашему. Вершина где-то есть, но она так высоко, что закрыта густой красной дымкой.

— Так просто не бывает, — прошептала я. — Навероятно, чтобы боги позволили появиться такому.

Представила, как небесный мастер сотни лет назад вздул земную твердь и построил исполинское творение. Время не пожалело гору, проело ветром и дождями глубокие расселины. Холод и жара разрушили часть породы.

Сквозь завесу багровых облаков солнечный свет едва пробивается, но даже его достаточно, чтобы от величия начали подкашиваться колени.

Мы ускорились, словно единороги, которые почувяли близость дома. Красная, выжженная магией земля тянется до самого подножья.

Я покосилась назад, полоска Чумного леса осталась далеко позади вместе с зараженными зверями. В воздухе прозрачное марево и напряженный звон, словно опасность исходит даже от песчаных крупинок.

— Пустовато здесь, — проговорила я.

— Неудивительно, — отозвался рыжий. — Вокруг пустыня.



Лисгард что-то недовольно пробубнил, потом сказал так, чтоб все услышали:

— Все же странно. Даже звери из Чумного леса сюда не сунулись.

Варда покосился на него через плечо и зачем-то ускорился.

— А что им тут делать? Еды нет, воды тоже. Какой зверь полезет в такое место?

Высокородный поравнялся со мной.

— Нет, — сказал он, качая головой. — Что-то не так. Даже проклятые души благоразумно остались на границе темноты. А они, как понял, способны проникать куда угодно.

Я хотела сказать, что согласна с Лисгардом, но перед глазами неожиданно все поплыло, под кожей забегали огненные муравьи.

Дыхание сперло, я схватилась за грудь и выкрикнула:

— Ализариновая дрянь!

Варда метнулся ко мне и успел подхватить прежде, чем упала на колени.

— Какого лешего? — простонал он. — Безумный маг заполнил долину железной пылью! Я отдам свой гаюин. Даром, что помру, тебе нужнее.

Он сунул руку за пазуху, но Лисгард остановил и проговорил тихо:

— Подождите.

Белокожий снял с пояса маленький мешочек, зашуршали завязки, он достал белоснежный камень и вложил в ладонь.

— Миледи, держите, — проговорил он спокойно. — Сейчас он нужен, как никогда.

Я схватила сверкающий предмет и быстро сунула в корсет. Красный дурман моментально отступил, как страшный сон, тело наполнилось небывалой энергией. Гаюиновая сила в один миг вернула ясность и очистила сознание.

Тут же колыхнулась жуткая мысль про откат. Подумала: если все это железная пыль и камень работает на полную мощность, значит, стукнет потом серьезно.

Я выпрямилась, колени затряслись, но усилием воли заставила их успокоиться. Пришлось несколько раз глубоко подышать, легкие заполнил сухой, но такой ценный воздух.

Взглянув на белокожего, заметила, как потупил взгляд, смотрит куда-то под ноги и неуверенно мнет-ся. В голове зашевелилось смутное подозрение, уши потептели.

Я шагнула ближе и спросила:

— Гаюин все время был у тебя?

Он молча кивнул.

— Но почему? — не поняла я. — Почему не ушел, когда мог? Что заставило тащиться через три земли навстречу смертельной опасности, терпеть постоянные оскорбления от странника?

Лисгард поднял на меня синие, как бездонное море, глаза и скорбно посмотрел.

— Ах, миледи Каонэль, — проговорил он смиренно. — Я ведь не из-за камня отправился. И не страх расправы выгнал за пределы Эолума.

Я вылупила глаза. Медленно стало доходить истинное значение поведения белокожего, странные взгляды и томные вздохи. По мере осознания этого уши мои под капюшоном теплели, когда ими стало можно резать адамантин, приступ вины нахлынул



беспощадно и остро. Мысли перепутались, дыхание сбилось.

В раздумья врезался резкий голос Варды, он сложил руки на груди и смотрит грозно.

— Тебе лучше? — спросил он. — Отлично, надо идти. Хочешь получить свой Талисман? Или будешь дальше стоять разинув рот и пялиться на белоухого?

Я дернулась, как от пощечины, и послала рыжему яростный взгляд. Тот ответил таким же, ноздри раздулись, брови сшиблись на переносице. Мне пришлось отшагнуть от Лисгарда. Стараясь не смотреть в гаюиновые глаза, я развернулась к красному от облаков склону.

— Не раскатывай губы, странник, — бросила я. — Или сам хочешь завладеть Талисманом?

Я прищурилась, пытаюсь прочитать мысли странника. В ализариновом свете кажется, что его шевелюра объята пламенем, а он — демон из подземного мира. Случайно забрел на поверхность и решил остаться.

Варда закатил глаза и хмыкнул:

— Что? Память потеряла ты.

Я удовлетворенно кивнула.

— Именно. Идем, — сказала я и уверенно зашагала по красной земле в сторону горы. — Заберем мой талисман.

Под ногами сухо хрустит земляная корка, кое-где рассыпалась в труху, образовав небольшие красноватые пятна. Когда наступаю, в воздух взлетает багровое облачко, затем быстро оседает на сапоги и плащ.

На огромной территории тоскливо завывает ветер. Он, как одинокий странник, ищет покоя, но обречен вечно скитаться по миру. Иначе погибнет, превратившись в затхлый воздух болота или пустынное марево.

Очередной порыв бросил в лицо горсть песка, еле успела зажмуриться. Несколько песчинок все равно попали на роговицу и теперь больно режут.

Я простонала и с остервенением потерла кулаком. Вроде полегчало, хотя так и не поняла, вылезли проклятые песчинки или так и остались где-то под веком.

Нос уловил очередную струйку железного запаха. Я скривилась от омерзения и с силой выдула воздух ртом. Прилипшие к губам песчинки слетели и затерялись в красных холмиках. Стараясь казаться незаметной, я вытерла лицо от пыли и бросила в сторону осторожный взгляд из-под капюшона.

Белокожий идет молча, то смотрит по сторонам, то упускает взгляд к пыльным сапогам. На меня не глядит. Но на лице такая скорбь, что внутри все переворачивается, сжимается и переворачивается снова.

Я незаметно приблизилась к нему, стараясь, чтобы странник не заметил, но от него не ускользнуло мое шевеление. Приготовилась услышать самодовольную насмешку, но рыжий лишь нервно дернул ушами.

Оказавшись достаточно близко к высокородному, я начала мягко:

— Лисгард, ты не подумай. Я благодарна за камень. То, что ты сделал, неоценимо. Без твоей помощи не забралась бы так далеко.

Рядом насмешливо фыркнул Варда, я проигнорировала и продолжила:

— Мало кто способен уйти из самого Эолума за серой эльфийкой непонятного рода и племени только лишь потому...

Я на секунду осеклась, подбирая слова, высокородный в надежде поднял на меня взгляд. В глотке запершило, будто глотнула лимонного сока. Прошло



несколько мгновений прежде, чем прочистила горло и собралась с духом.

— Потому, что сам так решил, — сказала наконец я.

Белокожий отвернулся, но даже так уловила тоску в синих глазах.

— Да, миледи. Сам, — проговорил он. — И ни о чем не жалею.

Я замолчала. Больше заводить душещипательную тему с солнечным эльфом не пыталась. От короткого разговора остался странный осадок, словно швырнула ему в лицо колье из белого гаюина. С полчаса терзалась, раздираемая чувствами вины и совести. Варда поглядывал со странной ухмылкой, но пару раз в серых глазах заметила сострадание.

Только споткнувшись о камень, смогла прогнать сомнения. Потом поглядела на печального высокородного, который смотрит стеклянными глазами под ноги. Затем перевела взгляд на Варду. Этот глядит вперед с вызовом, под чешуйчатыми доспехами перекачиваются тугие мышцы. Лицо серьезное и волевое.

Я вздохнула и прошептала едва слышно:

— Все. К лешему.

Глава 22

Мы прошли около часа по выжженной земле, а Забытая гора почти не приблизилась. Вокруг сплошной песок и высохшая красная корка. За время дороги не попалось ни одного живого существа.

Я вытерла налипшую на губы пыль и спросила Варду:

— Ты уверен, что Безумный маг вообще здесь бывал? Пустошь будто вымерла пару тысяч лет назад.

Рыжий еще больше напрягся, брови хмурятся, взгляд, как голодного волка. Когда он покосился на меня, плечи непроизвольно дернулись, а меж лопаток пробежала волна мурашек. Когда он вновь уставился на гору, я облегченно вздохнула.

— Вымерла, — сказал странник. — До того как маг превратил Сильверел в Чумнолесье, здесь цвели пышные луга и журчали ручьи. Вон там...

Он указал куда-то в сторону:

— Паслись бесчисленные стада. Потом безумец пришел и потребовал отдать часть леса на том лишь основании, что он владеет тайными знаниями древних эльфов.

— Древних эльфов? — переспросила я.

Он кивнул и ответил:

— Да. Но это невозможно. Древних давно нет. Но сил у мага оказалось достаточно. Процветающий лес и долина превратились в, сама видишь, что.

Он поковырял пальцем в носу, под ногтями остались мелкие песчинки.

— Хотя, может, все не так плохо, — добавил он утрюмо. — Говорят, у темных эльфов те еще подземелья.

Хотела спросить про темных. Не успела. Воздух разорвало от сухого древесного треска, мощная звуковая волна отбросила назад. Я рухнула на спину и больно стукнулась затылком.

В ушах заревело, горячая волна растеклась по голове, как сигнал опасности и атаки. Хотела выругаться, но ощутила во рту соленое. С трудом подняв руку, я



провела ладонью по губам, на пальцах осталась красная полоса.

Я скривилась и зло сплюнула. На потрескавшуюся землю шмякнулся кровавый сгусток и быстро впитался в почву. Изголодавшаяся по влаге земля едва не зашипела, проглатывая частицы влаги.

Думала, врожденная ловкость позволит быстро встать, попыталась приподняться, но тело одеревенело и не слушается.

Раздался еще один хрустящий треск, за ним полыхнули желтые, как ядовитое солнце, молнии. Красное облако с яркими всполохами возникло прямо над землей и стремительно понеслось навстречу.

Из облака в стороны метнулись огненные стрелы. Я с усилием сгруппировалась и все же увернулась от полыхающей пики. Та с грохотом врезалась рядом. В почве осталась дымящаяся раскаленная дыра с обугленными краями.

Я уперлась в землю, поднявшись, замерла на трясущихся ногах. Тело быстро восстановило баланс, но страшно до потери сознания.

В куче песка стоит Варда, лицо искажено яростью, губы скривились, короткие клыки хищно блестят в красном зареве. В ладони зажата рукоять клинка. Рядом, хватаясь за голову, ползает Лисгард, наверное, сильно шарахнуло звуком.

Со стороны горы быстро приближается красное облако, поднимая кучи песка и пыли. В самой сердцевине вспыхивают пятна, по краям молнии.

Рыжий пнул воздух:

— Вот дрянь! Не догадался, лесной олух! То-то слишком тихо в начале пустоши.

— Что происходит? — попыталась выяснить я, но странник еще больше взбесился.

Он хлопнул себя по лбу и проорал:

— Решил, маг под горой, заметный и понятный. Дурак. Теперь нос к носу столкнемся с человеческой заразой.

— Ты же любил людей, — заметила я неожиданно охрипшим голосом.

— Это не человек, — бросил странник ядовито и сплюнул под ноги. — Это худший представитель рода.

Он повернулся ко мне, посмотрел в глаза:

— Прости, Као, если что не так.

Затем шагнув вперед, вскинул меч над головой и прокричал страшным голосом:

— Сегодня сдохнешь, безумная тварь!

Облако постепенно замедлило движение, через несколько мгновений остановилось перед нами. Воздух загудел, будто бесчисленный рой вырвался на свободу. Ослепляющие всполохи забегали быстрее, из дымки посыпались искры.

Я прищурилась, пытаюсь уберечь чувствительные глаза.

Из облака показалось сухое угловатое лицо с бешеными глазами, один белый, другой красный, как у единорога. Рот кривится в беззубой улыбке.

Маг хищно прищурился и глухо засмеялся так, как могут смеяться лишь злодеи.

Пока он плавил воздух красным дымом, Лисгард поднялся. В руках сверкнули клинки, лицо бледное, как у мертвяка. Я простонала и быстро покачала головой, надеясь отговорить его от геройств.

Но белокожий поднял взгляд, и внутри меня все перевернулось. Он немигающее уставился на безумца,



лицо холодное и отрешенное, словно готов к последней битве.

В носу стало щекотно, терпкий запах так уплотнился, что можно ложкой есть.

Я проговорила себе:

— Чую магию. Всюду чую.

Безумный маг перестал смеяться и посмотрел на Варду разноцветными глазами.

— Не думал, что пройдете сквозь Чумной лес, — проговорил он глухим, вкрадчивым голосом, от которого волосы встали дыбом. — Обычно его хватает, чтобы оградиться от гостей. Сдохну, говоришь? Посмотрим.

Я представляла мага иначе. Думала, будет вопить и скакать, как полоумная белка. Но его леденящее душу равновесие пугает сильнее ярости и гнева.

Из облака показалась худосочная рука, маг ткнул в рыжего и ухмыльнулся.

— Кажется, я тебя помню, — проговорил он заговорщицки. — Ты тот самый лесной эльф, который все рвался поквитаться со мной за уничтожение Сильви-рела.

— И поквитаюсь, — выдавил рыжий.

Маг усмехнулся.

— Какая ирония, — сказал он. — Странник погибнет от той же руки, что и его лес.

Лицо Варды посерело, на лбу вздулись жилы, в глазах бешенство, едва удерживается, чтобы не кинуться нам мага. Но, видимо, выбирает момент.

— Не будь так уверен, безумная тварь, — процедил он, скрипнув зубами.

Маг наигранно вскинул хищные брови.

— И кто же мне помешает? — спросил он, улыбаясь левым углом рта. — Ты? Или, может, этот?

Он кивнул на Лисгарда, который неподвижно стоит с горящими, как синие факелы, глазами. Пальцы сжали рукояти, лицо искривилось праведным гневом. Нос сморщен, а верхняя губа приподнялась, приоткрывая совсем не высокородный оскал.

Облако вокруг мага колыхнулось, когда он вытянул руку вперед.

— Непростительно глупо надеяться, что солнечный эльф сможет защитить вас от моей магии, — проговорил он ледяным пугающим тоном. — Я сожгу вас. Сожгу всех и наконец заберу мой драгоценный Талисман. Удача снова благоволит мне, поэтому вы станете первыми жертвами на алтаре моего величия.

В эту секунду я наконец поняла, почему его прозвали безумным. Нормальный эльф, гном, гоблин — да кто угодно не может так хладнокровно рассуждать о том, как сейчас будет пускать кровь трем невинным жертвам.

— Он не просто безумный, — прошептала я. — Он чокнутый на всю голову.

Маг издал звук, похожий на шипение, и махнул ладонью. Из облака посыпались мелкие искры, запахло серой и копотью. Я простонала, понимая, что снова столкнусь с огнем.

Пальцы безумца полыхнули красным, раскаленный столб с треском вырвался из ладоней. Лисгард бросил мечи и проорал гулким голосом:

— Все назад! За меня!

Я растерянно захлопала ресницами, изумленная резкой переменой белокожего, но Варда цапнул за пояс и дернул в сторону от полыхающей стрелы.



— Бесполезно, — проговорил безумец снисходительно и начал быстро рисовать пассы в воздухе.

Тонкие губы забормотали заклинания, подбородок задрожал. Лицо мага мучительно искривилось, но он только быстрее забормотал. На мерзкой роже забегали тени, какие бывают в темноте от костра.

— Ну что? — спросил маг вкрадчиво, уставившись на рыжего цветными глазами. — Готов оросить пустыню эльфийской кровью? Нет? А я готов.

Он щелкнул пальцами, столб огня расширился, колыхнулся, как беспокойное море. Смертоносная стена загудела и понеслась на нас.

Варда буквально втащил меня за спину Лисгарда. Я задргала ногами, пытаюсь противиться такому беспардонному обращению, но пальцы рыжего крепко вцепились в пояс.

Белокожий покосился через плечо, взгляд на пару секунд потеплел, он как-то странно улыбнулся мне. Затем улыбка погасла, и высокородный повернулся к безумцу.

Раздались слова на ломаном эльфийском, том самом, который нельзя использовать за пределами Эолума. Ладони солнечного эльфа засияли, от пальцев отделились золотистые нити и окутали нас мягким светом.

В это мгновение огненная лавина с ревом обрушилась сверху. От удара тоненький кокон затрясся, запахло гарью и озоном. Белокожий побледнел, хотя куда еще бледнее. На лбу выступила мелкая испарина.

Я рванулась к нему, но рыжий удержал. Высокородный уперся ладонями в желтую стену и держит защиту, пока безумец швыряет в нас огненные сгустки.

В голове судорожно заметались мысли, я попыталась придумать, как выбраться, но ужас перед огнем вытравил остатки ума.

— Безумный маг убьет нас и заберет Талисман, — пробормотала я в панике. — Заберет. И конец всему.

Странник слышал мои слова, но сделал вид, что не заметил, только крепче прижал меня, чтобы не вырвалась.

Руки затряслись, в ушах гремят водопады, я завертела головой в поисках подсказки, но всюду лишь выжженная пустыня и горящий воздух.

Уши Лисгарда покраснели, как кровавый закат, и обвисли. Нос заострился, еще немного, и потеряет сознание. Я вцепилась в локоть странника, развернула и моляще посмотрела в глаза. Варда заглянул через плечо белокожего и вгляделся сквозь защитный кокон в мага. Тот раззадорился, швыряет сгустки, словно деревянные мячики.

— Варда, миленький, сделай что-нибудь! — простонала я.

Лесной эльф отшатнулся:

— Говорят, опасность сближает. А я не верил.

Я пнула его в ногу и прошипела:

— Да что ты несешь! Лисгард сейчас расплавится, а мы за ним.

— А я что сделаю? — зло рывкнул странник. — Я не солнечный, чтобы вот так...

Он кивнул на белокожего:

— С огнем играть.

Я сильнее сжала локоть рыжего, он резко вырвал и проговорил хрипло:



— Каонэль, я выйду вперед между всполохами. Маг не ожидает. Это даст время прорваться мимо облака и бежать к горе.

— Ты же погибнешь! — выдохнула я, в ужасе вытаращив глаза.

Когда представила, как пламя охватывает рыжую голову, как медленно вздувается и пузырится кожа, обугливаются длинные, остrokонечные уши, мне поплохело. Затем могучее тело молча упадет на выжженную землю, потому что эльфы не кричат от боли. И бесславно погибнет, как бандит с большой дороги.

Я закричала прямо в ухо страннику:

— Нет! Так не пойдет!

Варда резко развернулся, брови сшиблись на переносице, взгляд стал отчаянным и решительным.

— Да? — выпалил он. — А что ты предлагаешь?

— Не знаю! Должен быть другой способ!

Под плотным плащом кожа взмокла, по груди катятся крупные капли и тонут где-то в складках корсета. На лбу выступила испарина.

Я приподняла капюшон в надежде, что горячий ветер, если не остудит, хотя бы высушит застилающий глаза пот. В лицо ударила новая волна жара, глаза защищало.

— Проклятье гоблинов! — прошипела я. — Защитная пленка Лисгарда вот-вот порвется!

Когда уши опалило горячим, я всхлипнула и опустила край. Тут же завертела головой, надеясь все же увидеть хоть что-нибудь спасительное. Но на сотни перелетов стрелы безжизненная пустошь с огненными полосами и яркими всполохами. Только исполинский склон закрывает горизонт.

Безумный маг начал терять терпение, слишком долго белокожий сдерживает огненную мощь. Он высунул из облака посох с янтарным набалдашником и произнес:

— Глупые эльфы, неужели думаете, что сможете противостоять Безумному магу? Я в одиночку поставил на колени Сильвирел.

Варда зарычал в бессильной злобе, маг улыбнулся спокойно и жутко.

— Вы мне на один зуб, — добавил он.

Когда безумец взмахнул посохом, янтарный конец нацелился прямо на нас. В середине набалдашника завертелся оранжевый вихрь.

Не успела я подумать о забытых богах, как красная молния с треском выстрелила из жезла. Послышался жалобный стон Лисгарда. Полыхающая стена выросла вдвое, превратившись в раскаленную волну.

Я подставила ладони под локоть высокородному. Силы его медленно покидают, уши дрожат, кончики постепенно слабеют и свешиваются.

Почва впереди забурлила, из земли с грохотом полезли каменные шипы. Мелкие осколки рассыпались по песку и засверкали, как глаза голодных ящериц.

В эту же секунду порыв ветра разорвал тучи, красная пелена вокруг вершины на секунду рассеялась. В небе полыхнула золотистая точка и быстро помчалась вниз.

— Начинается! — прокричала я сквозь шум. — Не успеваем!

Маг повернул огромную голову, глаза алчно полыхнули. Тонкие губы растянулись в хищной улыбке, обнажая редкие длинные зубы.

Он глухо засмеялся и выплюнул сгусток лавы.



— Наконец-то. Мой Талисман, — произнес он величественно и снова посмотрел на нас. — Пора заканчивать. Не думал, что так долго продержитесь. Даже немного жаль убивать таких самоотверженных эльфов. Но ничего не поделать. Вы мешаете моему восхождению. Не зря ведь чародей меня выбрал.

Услышав о чародее, я передернулась и в смятении уставилась на мага.

— Ты убил его? — проговорила я неверяще и подалась вперед, едва не опалив лицо.

Маг посмотрел на меня так, словно только что заметил. В глазах снисхождение на границе с презрением, голова наклонилась в попытке заглянуть под капюшон.

— Должен признаться, — проговорил он с досадой. — Не смог. Его сила оказалась велика, пришлось склонить голову. На время.

Он вскинул посох и пропел какое-то заклинание. Как сквозь пелену донеслось слабое значение слов на старом, но очень знакомом языке. Стена огня поднялась и беспощадной лавиной хлынула на кокон.

Колени Лисгарда подломились, он осел на землю. Пальцы затряслись, лицо стало пергаментным, под глазами легли черные круги.

Я едва успела подхватить под второй локоть. Высокородный уперся в колено спиной и захрипел.

Варда посмотрел на меня с отрешенным спокойствием. Взгляд бесстрастный, как у приговоренного, словно сейчас на костер восходить начнет.

— Я вас вытащу, — проговорил он.

Меч блеснул в ладони, странник развернулся и шагнул к барьеру.

Внутри все оборвалось, когда подумала, что рыже-волосую голову поглотит пламя. В груди стало жечь, словно Безумный маг уже проник в самую душу и медленно испепеляет кусочек за кусочком.

Будто в тумане, я наблюдала, как Варда перехватывает меч в другую руку, проверяет на ошупь колчан и лук, потом заносит ногу для шага.

На секунду пустыня оказалась далеко подо мной, будто кто-то поднял над этим кошмаром и показал мир, как он есть. Гора в недосыгаемой дали, вывернутые из земли камни, маг вместе с огненными шарами, даже эльфы показались ничтожными и пустыми.

Вспышка радости ослепила и затуманила взор, когда зрение вернулось, мир снова оказался погружен в огненное безумие. Передо мной стонет Лисгард, с трудом удерживая барьер, рядом Варда развернулся и готов шагнуть навстречу гибели.

— Вы оставите меня один на один с человеческой тварью? — вырвалось у меня. — Вы погибнете!

Но рыжий промолчал, только сильнее сжал челюсти и приблизился к самому краю барьера.

Что-то странное и забытое шевельнулось в районе солнечного сплетения. Ощущение росло и вертелось пульсирующим комком, пока не превратилось в сплошную волну, которая стала носиться по всему телу.

Где-то на задворках разума слышались голоса, мелькнули какие-то образы, настолько бесплотные, что проще списать на остатки ализаринового бреда.

Хотела потрясти головой, чтобы выгнать видения, которые появились не вовремя, но перед глазами полыхнуло сиреневым. Затылок перестал ощущаться, будто совсем расплавился и сзади видны мозги.



Я вскочила и гаркнула, звук вырвался непривычный и клокочущий:

— Стой!

Сверху в ответ раздалось громовое карканье. Раскаленный воздух пустоши сотрясся, каменные шипы задрожали. Я вскинула голову и опаленными глазами глянула в небо.

Сквозь ализариновую пелену мчится огромный ворон с белыми глазами. Птица повернула блестящую голову, строгий взгляд уперся в меня.

Как зачарованная, я уставилась на него, не в силах оторваться. Что-то древнее и одновременно родное вспыхнуло в груди, тугая волна прокатилась по телу.

Из вороньей глотки снова вырвалось чудовищное карканье. Безумный маг на мгновение замешкался и поднял изумленный взгляд в небо. Растрепанные волосы встали дыбом, как у взбешенного кота.

— Ты же погиб! — прошептал он оторопело.

Все на секунду застыли, только Лисгард продолжал шептать заклинания. Пока Варда неверяще таращился, птица пошла вниз по крутой дуге, сверкая перьями.

— Не может быть... — проговорил рыжий.

Птица сделала над нами несколько кругов, по телу прокатилась волна прохлады и умиротворения. В ладонях легонько закололо, как если бы отлежала руки. Каким-то древним чутьем ощутила — огонь мне больше не помеха.

В районе солнечного сплетения завертелось странное, давно забытое ощущение, неведомая сила растекалась от центра к конечностям и устремилась наружу. Тело загудело.

Повинуясь какому-то внутреннему чувству, я дернула странника и схватила за плечи.

— Ты не умрешь! — прогремела я не своим голосом. — Слышишь? Следи за Лисгардом, ему совсем плохо.

Мы одновременно посмотрели на высокородного. Сын казначея держится на последнем издыхании, не давая огню добраться до нас.

— А мог опустить руки, — проклокотала я, пугаясь собственного голоса. — Ему пламя безвредно. Подождал бы, пока маг отвлечется, и можно бежать.

Варда отшатнулся, едва не выронив меч, взгляд дикий, уши торчком, словно я тоже враг. Но проговорил многозначительно:

— Он солнечный. Врожденное благородство мешает. Хотя тут не только это.

Вершина Забытой горы снова обнажилась. Золотое сияние приблизилось к белоснежному пику и вспыхнуло сотнями частиц. Я решительно шагнула к границе кокона, чувствуя, как тело переполняет забытая мощь.

— Что ты затеяла? — закричал Варда. — Вернись! Я покачала головой.

— Просто верь мне, — сказала я и шагнула в пламя.

Скользкие языки огня лизнули кожу — мягко и шершаво, как котята. Ожидала, что выбившиеся из-под капюшона локоны вспыхнут, словно пучок соломы, но они остались лежать серебристыми прядями.

В центре солнечного сплетения крутится водоворот. Сиреневая пелена на глазах засветилась и превратила мир в сплошную лиловую картину. Мощь в теле с каждой волной становится все ощутимей, приходится концентрироваться, чтобы не качаться.



Я прошла по горящей земле мимо спрятанных в кокон Варды и Лисгарда. Рыжий застыл с вытаращенными глазами, уши дрожат. Бледный, как восковая бумага, Лисгард оперся спиной на странника и сухими губами лепечет защитные заклинания.

Безумный маг иронично приподнял бровь, но во взгляде смогла различить удивление.

— Какое самопожертвование, — сказал он снисходительно. — Думаешь, магия белоглазого ворона спасет? Она и ему-то не очень помогла. Молись своим богам.

Он очертил янтарным набалдашником несколько кругов в воздухе и прошипел что-то совсем по-змеиному.

В момент, когда маг был готов выпустить столб пламени, пальцы охватила холодная дрожь. Как во сне, я вскинула руки и прокричала слова на клокочущем языке. Где-то в глубине памяти мелькнули образы, слышался многоголосый шепот, словно сотни ртов тихо вторят друг другу.

Кажется, я каркнула, как настоящий ворон, из ладоней метнулись сиреневые снопы и с силой ударили в лицо Безумному магу.

Тот завопил как ошпаренный. Морщинистая физиономия на мгновение затянулась ализариновой дымкой. Когда облако рассеялось, на месте красного глаза образовался черный провал.

Мага перекосило от боли, он вперил в меня оставшийся глаз.

— Это невозможно, — прошипел он, теряя самообладание.

— Как посмотреть, — сказала я все тем же клокочущим голосом.

— Не знаю, откуда эта сила, — выдавил маг. — Но клянусь проклятым лесом, я сотру тебя в порошок! Всех сотру!

Безумец махнул посохом и выплеснул чудовищную огненную лавину, но я ощутила лишь шершавый ветерок на коже. Он скользнул по лицу и сорвал капюшон.

Волосы получили долгожданную свободу и с шелестом выметнулись из-под покрова. Уши встали торчком и легонько качнулись от натиска огненной массы.

Брови мага взлетели на лоб, рот раскрылся. Он вытаращил белый глаз и отшатнулся вместе с ализириновым облаком.

— Серая... Живая... — проговорил он неверяще.

Я слушала его вполуха, потому что все звуки перекрыл мощный гул в теле. Настолько сильный, что похож на рокот грозы. Иногда сознание выключается; когда прихожу в себя — помню размытые лица и эхо голосов. Они кажутся знакомыми, но очень далекими.

Мощный вихрь в груди раскрутился так, что удерживаться стало сложно, меня зашатало. Пришлось расставить ноги, чтобы не потерять равновесие. Маг воспользовался паузой и метнул столб огня с такой силой, что тот побелел.

Пламя обрушилось на меня со всей мощью, под напором пришлось прикрыть лицо и отступить на пару шагов. Несмотря на защиту ворона, кожу закололо, запахло палеными волосами. Я опустила взгляд на локон и с негодованием обнаружила, что прядь подгорела с конца и стала намного короче.

Маг вскинул голову. На месте выжженного глаза светится красный уголек, а зрачок в белом сузился до такой степени, что вообще не видно.



— Тебе не справиться со мной в одиночку, серая! — прокричал он.

В голове мелькнуло подозрение, но руки уже разошлись в стороны в широком замахе.

— Уми, нечисть! — прокричала я каркающим голосом и схлопнула ладони.

Между мальцами полыхнуло, сиреневая волна метнулась в сторону Безумного мага.

Воздух затрещал, запахло грозой и одновременно горелым деревом. Лиловая масса булавой пронеслась над землей и с треском врезалась в искривленную яростью физиономию.

Магическая волна прожгла мага насквозь и оставила выгоревшую дыру в центре ализаринового облака. Дымка моментально уменьшилась, багровые цвета побледнели. Всполохи превратились в мерцающие огоньки, затем в точки, и через несколько мгновений растворились.

Облако сжалось до размеров кошки и с оглушительным хлопком исчезло. О землю стукнулась палка. Присмотрелась — посох Безумного мага.

Жезл одиноко лежит на опаленной земле и загадочно поблескивает янтарным наконечником.

Над головой раздалось знакомое карканье, не громкое, но достаточное, чтобы заметить. Ворон сделал несколько показательных кругов, разгоняя мощными взмахами багровые тучи. Он таинственно сверкнул белым глазом и умчался вдаль.

Я проводила его печальным взглядом и вздохнула, в голове роятся мысли, но они такие мутные и быстрые, что ни одну не удается поймать.

Рваные облака вокруг горы растаяли, как весенний снег, и исполинский монумент предстал во всей

красе. Вершины не видно, но белоснежные склоны ослепительно сверкают в лучах полуденного солнца. Темные скалы вокруг, наоборот, смотрят с холодной серьезностью.

Я опустила руки и потерла занемевшие кисти. Ноги стали ватными, тело гудит, словно улей. Голоса затихли, образы испарились, в голове медленно всплыла мысль — я уничтожила Безумного мага. Я, простая серая эльфийка без рода и племени.

Крупная дрожь сотрясла тело, по мышцам прокапала судорога. Когда ноги подкосились, я рухнула лицом в красный песок. Кожу обожгло горячим, сигнализируя, что действие вороньей магии закончилось. Я простонала уже своим, эльфийским, голосом и попыталась вдохнуть, но воздух застрял где-то на полпути к легким.

Сиреневый поток истощил силы, словно из меня вылили всю кровь. Язык пересох и прилип к нёбу, как в пустыне, когда очнулась под палящим солнцем.

В корсете отвратительно жжется. С тяжелым хрипом перевернулась на спину и сунула пальцы в складку на груди. Угловатый предмет плотно врезался в кожу, словно желает проесть и оказаться в глубине тела.

Нервно пошерудив ослабшими пальцами под выемкой, я вытащила белый гаюин. Камень светится, как взбешенный адуляр, пульсирует, обжигая кожу. Я аккуратно положила его рядом и сжала кулаки, сквозь пальцы посыпался песок.

— Варда, откат, — прохрипела я.

Рыжий быстро отпустил обессиленного белокожего. Тот качнулся, но удержал равновесие. Сквозь надвигающуюся пелену увидела скорбный взгляд вы-



сокородного. Он трясущимися руками вытащил из-за пояса бурдюк и протянул Варде.

— Ледяное молоко, — проговорил он слабо.

Странник выхватил емкость и в три прыжка оказался рядом. Меня скрутила очередная конвульсия, уши прилипли к голове.

— Проклятье гоблинов, — простонала я. — Этот гаюин — настоящая пытка.

Боль поползла по телу, как живая. Варда запрокинул мне голову и насильно влил в глотку хорошую порцию ледяного молока.

Внутренности моментально сковало, странник не пожалел жидкости — даже пальцы на ногах онемели. Ледяные цепи сдавили тело, я застыла в смиренном ожидании, считая мерцающие точки перед глазами.

Через несколько секунд холод отступил, на смену пришла бодрость тела и ясность ума. Конечности потеплели и наполнились живительным теплом. Я pokrутила головой и села.

Варда поддерживает меня под спину, боится, что повалюсь обратно, стукнусь головой и еще что-нибудь забуду.

Хотела отмахнуться и сказать, что больше не о чем беспокоиться, с Безумным магом ведь покончено. Но посох полоумного поднялся в воздух и вертикально замер.

Уши у всех встали торчком.

— В нем остались силы? — прохрипела я.

Варда секунду наблюдал за ожившим посохом, затем лицо вытянулось, уши прижались.

— Беги за Талисманом! — прокричал он и вскочил.

— Что еще? — выдохнула я, но рефлексy сработали еще быстрее.

Я взлетела на ноги, горячий ветер ударил в спину, аж чуть не рухнула обратно. Волосы вздыбились, упали на лицо, полезли в рот, пришлось отплеиваться. Потом откинула копну назад и пригладила.

Меня качнуло, голова еще кружится, зрение скачет с дневного на ночное. Я часто и глубоко задышала, приводя себя в норму.

Варда бросился к посоху, на лету кидая Лисгарду бурдюк с ледяным молоком.

— Быстро пей! Ты нужен! — крикнул рыжий и бросил быстрый взгляд в мою сторону. — Что стоишь! Беги к горе!

Я растерянно выпалила:

— Да что происходит?

Лисгард поймал бурдюк дрожащей рукой, ослабшие пальцы откупорили горлышко. Он с жадностью сделал несколько больших глотков.

В глазах полыхнуло синим, кожа высокородного моментально приобрела привычный сияющий цвет. Наверное, на них ледяное молоко действует мягче — не замерз ни на секунду. Он буквально подпрыгнул и кинулся на помощь к Варде.

Тот добежал до посоха и вцепился обеими руками. На вид жезл спокоен и послушен — висит себе в воздухе, светится янтарным набалдашником, но странник держит так, словно тот может вырваться.

Подбежал Лисгард с бешеными глазами.

— Что делать? — спросил он торопливо.

Варда зло крикнул:

— Что-что, держать изо всех сил. Посох после смерти мага уничтожит себя. И нас с собой прихватит.

— Темная магия? — переспросил высокородный.

Варда покачал головой.



— Любому посоху нужен хозяин, — сказал он быстро. — Пока будем держать, не взорвется.

— А потом?

— Надо направить его энергию в действие. Иначе все.

Лисгард страшно выпучил глаза, схватил деревянную рукоять, аж костяшки побелели. Странник вывернул шею и крикнул так яростно, что я вздрогнула:

— Проклятье гоблинов! Что стоишь? Беги!

Я очнулась, словно на голову вылили ушат ледяной воды, по телу прокатилась горячая волна. Ноги стремительно понесли меня к склону.

Ветер пустыни обжигает лицо, в ушах свист, словно не бегу, а лечу на огромном вороне. Сапоги шелестят по растрескавшейся земле, под подошвами рассыпаются сухие чешуйки, но так тихо, что кажется, бегу на носочках. Безжизненная пустыня молча проносится со всех сторон.

В голове пульсируют две мысли — Талисман и эльфы. Хотела на бегу оглянуться, но побоялась увидеть две кучки красного пепла, которые могут остаться от Варды и Лисгарда

Плащ распахнулся и колышется, как два огромных крыла. Спереди надвигается стена, но настолько медленно, будто стою на месте.

Когда я перелетала груды камней, облака вокруг горы озарились сиянием, небо в просветах полыхнуло золотистой вспышкой.

— Сейчас! — выдохнула я.

Тут же в груди бухнуло, с ужасом поняла, что на вершину этой горы мне не забраться и за неделю. В этот момент за облаками вспыхнуло.

Стараясь прогнать позорные мысли, припустила сильней и бежала до тех пор, пока почва не пошла вверх. Наконец-то начался склон, который больше похож на затяжную взлетную полосу для гигантских птиц.

На секунду остановившись, я подняла голову, чтобы понять, как двигаться дальше и в каком направлении.

В этот момент завеса облаков прорвалась, золотистая капля пронеслась сквозь дыру и рухнула на скалу у самого подножья. Рядом с Забытой горой она как муха на щеке у тролля.

Не веря своему счастью, я сорвалась с места и помчалась к скале. Уши распластались по голове, плащ сваялся за спиной в трубку. Под ногами мелькнуло темное, только когда приземлилась, поняла, что перелетела широкую трещину.

Это придало уверенности, до скалы осталось четверть перелета стрелы, я ускорила. Через несколько секунд с разбегу налетела на шершавый склон.

— Проклятье гоблинов! — крикнула я.

Но тело среагировало быстрее, чем ум. Ноги напряглись и оттолкнулись от валуна у подножья. Пришлось сосредоточиться на балансе, чтобы удерживать равновесие на крохотных выступях.

Надо быстро перебирать пальцами и отталкиваться, чтобы подниматься по стене. С облегчением поняла, что вешу совсем мало и едва успеваю коснуться уступов. Но все равно из-под сапог летят мелкие камешки.

Я взлетала по крутой стене несколько минут, потом вскинула голову, чтобы проверить, как далеко еще



подниматься. Со стоном обнаружила, что преодолела лишь половину.

Вершина скалы сияет нежно-желтым, блестящие капли, словно брызги, падают на склоны и катятся вниз. Кажется, гора фонтанирует искрами.

А далеко в стороне белоснежный склон Забытой горы притягивает взгляд, словно мед пчелу. Я подумала о пчелах, которые вообще-то умные, и мироустройство у них хорошее. Есть одна матка и толпа рабочих для добычи еды. Еще немного трутней. Ну, это люди называют их трутнями и считают бесполезными. Но эльфы умнее. Мы знаем — трутни поддерживают баланс между мужскими и женским козявками. Благодаря этому улей гармонично процветает.

Как Эолум:

Я тряхнула головой и прошептала под нос:

— Какие, к лешему, пчелы?

Каменный склон кончился, вместо него под ногами захрустел снежный наст, твердый и гладкий. Сапоги скользят по сверкающему полотну, как по жирной пленке.

Я выругалась, но скорость не сбавила, лишь стала сильнее вбивать ноги. Корка неохотно, но все же поддается, когда трескается, сапоги проваливаются в рыхлое.

— Снег... — бормотала я, пока карабкалась по ледяной шапке. — Почему так много? Ближе к солнцу должен таять. А он, как сахарная глазурь.

Под левой ногой хрустнуло, пробитая мной ступенька оказалась слишком глубокой, нога ушла по самое голенище сапога. Пришлось полминуты возиться, чтобы выбраться из рыхлой каши.

Когда получилось, снова полезла вверх, отплывая от льдинок.

— Надо спросить у Варды про снег, — снова забубнила я. — Он знает. Он все знает. А мне простительно, я эльфийка. Хотя Лисгард говорит, эльфийки хрупкие, ранимые создания. Видел бы меня сейчас...

Небо озарилось новой вспышкой. Разноцветные искры закружились в воздухе, подобно танцующим мотылькам. Я сделала последний рывок, ладони уперлись в ледяной уступ, подтянувшись, вывалилась на крохотный пятачок.

Ладони саднит, ободрала, пока карабкалась. Даже не глянула, это даже не боль, так, ерунда какая-то.

Вскочив на ноги, я развернулась в середину пятачка. В самом центре снежного наста лежит пятиугольный плоский предмет, грани переливаются радужным сиянием.

Внутри все затрепетало.

— Вот он, — прошептала я. — Золотой Талисман, который вернет память, расколдует Чумной лес, оживит Сильвирел и сделает мир во всем мире.

По щеке пробежала горячая дорожка. Даже вытирать не стала, все равно никто не видит.

На секунду я забыла обо всем — о Безумном маге, прах которого разносит ветер, о Лисгарде, самоотверженно державшем огненный щит, даже о самодовольном красавце Варде. Перед глазами лишь золотистый предмет, манящий теплым светом.

В груди разлилась блаженная усталость, какая бывает после трудной работы, а результат превышает ожидания. Я чуть улыбнулась Талисману, почему-то считая, что он все чувствует, и медленно подошла.



Колени подогнулись — опустившись на землю, взяла в ладони сияющий осколок.

— Наконец-то я тебя нашла, — проговорила я ласково.

Грань загадочно сверкнула. Раньше Талисман казался чем-то цельным, но стороны разной длины, углы тоже неровные, словно это кусок из магической мозаики.

По гладкой поверхности прошла цветная волна, все сильнее завораживая.

— Ты прекрасен, — выдохнула я. — Прекрасен, как тысяча Элумов и гаюинов, вместе взятых.

В этот момент в долине что-то гроыхнуло. Я вскочила как ужаленная и подбежала к краю склона.

Там, где оставила Варду с Лисгардом, клубится красный дым, медные кольца поднимаются и рассеиваются в верхних слоях. Ализариновая земля вокруг покрылась слоем рыхлого песка, багровая дымка быстро затягивает пустошь.

— Боги, нет! — закричала я, прижав Талисман к груди.

Плохо соображая, бросилась вниз по склону. Мир померк, время стало резиновым, а видимость мутной и прерывистой. В голове замелькали картинки, словно бездушные декорации, все ускорило и смазало.

Помню, как клубы снега вылетали из-под сапог, скатываясь по склону, вспарывая твердый наст. Как выдрала огромный пласт замерзшей корки, чтобы не сорваться в свободное падение. Где-то в уголке сознания тихо отозвалась боль. Несравнима со странным жгучим огнем, который часть за частью испепеляет внутренности. Будто в груди разрастается сквозная дыра и холодная пустота заполняет мысли.

Потом были каменные откосы, и я кубарем катилась по широким уступам, кувыркаясь в воздухе. Спина ударялась об острые края, обдирались руки, я летела мимо скал, пока с грохотом не достигла подножья.

После того как с разгона шарахнуло о покатый валун, меня отбросило в сторону. Картинка крутится после смертельного спуска. В руке намертво зажат остроконечный Талисман, даже тролли не смогли бы разомкнуть пальцы.

Я, шатаясь, встала на колени, пришлось приложить титанические усилия, чтобы подняться. Когда все же удалось, я на заплетающихся ногах побежала в сторону красного облака.

В голове гроыхает при каждом шаге, отдает пульсом в висках, затылок горит. Кончики ушей болят, будто порвала при падении.

— Только не их... — шептала я. — Может, я плохая, очень плохая. Но я не вынесу, не вынесу...

Титаническими усилиями добралась до места схватки с магом. Дымка вокруг постепенно пожелтела и осела. Со смертью мага железо в долине превратилось в песок.

Я замерла, тело сковал такой ужас, что в горле пересохло, сердце затихло, словно совсем остановилось. В голове мелькнуло страшное, но додумать не смогла — не хватило сил.

Переступив с ноги на ногу, я сильнее вгляделась в плотное облако. Прошло несколько мгновений. Вокруг тишина.

Жгучее чувство в центре солнечного сплетения стало нестерпимым, пальцы сжали Талисман так, что в ладони закололо.



— Ва-арда! Ли-исгард! — прокричала я в непроглядную пустоту.

Слух напрягся до предела. Но на пустоши лишь завывание ветра и шелест перекатывающихся песчинок по обгоревшей земле. Губы затряслись, к горлу подступил тугой комок, дыхание сперло.

Я, как в бреду, зашептала:

— Не хотела... Я не хотела...

Холодная пустота заполнила разум, боль в груди стала невыносимой. Еще немного — и разорвет пополам. Две половинки серой эльфийки останутся лежать на песке, пока голодное воронье не растащит.

— Как жжется...

Мелькнула слабая мысль: эльфы умеют терпеть боль. Любую, хоть адамантиновую, хоть железную, даже гаюиновый дурман. Но вытерпеть это невозможно. Нельзя сконцентрироваться на боли, источника которой не видишь.

В памяти всплыла картинка, как первый раз увидела Лисгарда в сияющих доспехах. С двумя клинками, красивого и уверенного. В тумане проплыл образ Варды, с нахальной ухмылочкой и безупречными мышцами.

Невидящими глазами я таращилась в дымку, по локтям потекло горячее. Я медленно перевела взгляд и увидела, как по рукам бегут багровые струйки.

— Талисман! — выдохнула я. — Он всемогущий!

Разжав ладонь, посмотрела на предмет. Острые края золотой пластины глубоко врезались в кожу, оставив кровоточащие порезы.

Я поднесла его к губам и задумалась над тем, как работает. В эту секунду из облака послышался хруст песка. Меня сковало страхом и обреченностью.

Дымка нехотя поползла в стороны, сквозь багровую завесу медленно проступили знакомые черты. В тающем облаке вырисовалась могучая фигура с дерзкими рыжими волосами.

Я впала в оцепенение, всеобъемлющее чувство облегчения едва не подкинуло над землей, словно с меня столкнули гору. Жжение в груди превратилось в тупой спазм, дыхание сперло.

Желтая пелена быстро отступила. На щеке странника свежий шрам, левая рука по локоть в крови, в кулаке переломленное древко посоха. На месте янтарного набалдашника обломанные зубья. Рыжий смотрит немигающими глазами, уголки губ чуть подрагивают.

Рядом выплыла белоухая фигура. Обруч на лбу перекосялся, адамантиновые доспехи в красной пыли, лицо грязное, в багровых каплях. За ним искрится круглый портал, радужные цвета переливаются всполохами, заворачиваясь в крошечные вихри.

Я всхлипнула и кинулась на шею страннику. Тот подхватил и прижал к себе. Уткнувшись лицом в плечо могучему эльфу, я почувствовала себя слабой, но защищенной.

Губы задрожали, глаза наполнились горячей влагой. Я снова всхлипнула, слезы градом покатались по щекам на чешуйчатую броню.

Странник погладил по голове, как маленькую.

— Ну-ну. Чего ты? — проговорил он.

Голос надорвался, я выдавила сквозь слезы:

— Думала, вы погибли.

От рыданий глаза и нос распухли, а постыдные слезы все катятся. Странник терпеливо гладит меня по волосам, успокаивает и говорит что-то теплое. Не разбираю что, но, видимо, очень действенное.



Наконец, отстранившись от лесного эльфа, я вытерла мокрые щеки. Постепенно вернулось самообладание. Посмотрев на распоротую щеку, я коснулась края раны, рваной и глубокой.

Варда дернул головой и скривился.

— Вот этого не надо делать, — предостерег он. — Само заживет.

Я робко опустила руку и взглянула на Лисгарда.

Тот неподвижно стоит возле портала и наблюдает, как постепенно прихожу в себя. В этот момент поняла, что не готова к боли, которую нельзя терпеть.

Странник отошел в сторону и кивнул на сына казначея.

Нервно улыбнувшись рыжему, я запахла свавлявшийся на спине плащ. Красная пыль налипла на грудь, лицо тоже все в мелкой взвеси. А после рыданий, наверное, по щекам размазаны грязные полосы.

Я тяжело вздохнула и подошла к белокожему. В гаюиновых глазах смирение и тоска, от которой даже у меня засосало под ложечкой.

— Во мне все оборвалось, когда пустошь накрыло, — прошептала я и обняла высокородного за плечи. — Думала, умру.

Лисгард отстранил меня и слабо улыбнулся.

— Да, мы тоже, — ответил он.

Повисла неловкая пауза, за которую успела подумать, что-то пугающее все же есть в солнечном элфе. Словно дар шамана ему передан, но пока дремлет.

Я отстранилась и кивнула на портал.

— Откуда он? — спросила я робко.

Белокожий скользнул взглядом по сияющей дыре в воздухе и тяжело вздохнул. Голос прозвучал бесцветно.

— Когда посох начал вырываться из рук, — объяснил он, — Варда придумал направить последний всплеск силы на создание портала. Мне пришла мысль про Эолум.

Я понимающе протянула:

— После этого посох взорвался?

Листард кивнул.

— Да. Наконечник разлетелся, но открыл портал, — сказал он и вытер кровь с щеки. — Силы хватит, чтобы один раз добраться до Эолума. Талисман у вас, миледи, цель путешествия достигнута. Но гаюин возвращать вам не стану.

Я нервно хихикнула и покосилась на портал. Тот переливается, как десяток радуг, края искрятся и бросают холодный свет на песок.

— Вот уж правда, — согласилась я, опуская взгляд. — Хватит с меня гаюиновой силы. Оставим королю прелести откатов и отпаивание ледяным мо-
локом.

Высокородный слабо улыбнулся, по лицу скользнула тень, он опустил взгляд на Талисман и вздохнул так тяжело, словно на него опустили Забытую гору. Затем подбадривающе кивнул, мол, чего медлишь.

Уши мои задрожали, пришлось выждать несколько секунд, чтобы успокоиться перед событием. Затем подняла пластину над головой и посмотрела на белокожего.

— Спасибо за все, — громко сказала я и обратилась к артефакту: — Хочу вспомнить, что было! Верни мою память!

Мы замерли в напряженном ожидании.

Со стороны Чумнолесья донесся встревоженный крик зверя. Напугать его могло только что-то более



ужасное, чем он. Сухой ветер, протяжно воя, носится по пустынной земле, песчинки перекатываются с тихим шелестом. Красная дымка совсем рассосалась, открывая выжженную магией пустыню. Небо расчистилось, будто даже наблюдает за нами. Но вершины Забытой горы все равно не видно. Рядом напряженно пыхтит белокожий. Варда, наоборот, затаил дыхание.

Я вытянула поцарапанные уши и зажмурилась. Внутри шевельнулась тревога. В голове подозрительно пусто, как в кармане тролля.

Снова попыталась заглянуть в глубину себя в надежде, что вот сейчас обязательно что-то колыхнется, поток воспоминаний хлынет в голову.

Но там тишина.

Я разомкнула веки и сокрушенно покачала головой:

— Не работает...

Лисгард с сочувствием посмотрел в глаза, холодные пальцы коснулись щеки. По спине пробежала волна мурашек, будто дара шамана хватает пока лишь на вызывание дрожи и синие вспышки в глазах.

Высокородный эльф выпрямился, подбородок поднялся, он занял привычную манерную позу. Лицо такое же одухотворенное и невозмутимое, с каким влетел в подвал фермерской деревни.

Я вздохнула, понимая, что сын казначея никогда не перешагнет через правила Эолума.

Лисгард оглянулся на портал, затем шагнул ко мне.

— Миледи, вернемся вместе? — горячо зашептал он в лицо. — Я отдам королю гаюин, отец убедит простить вас. Мы сможем жить в Эолуме, никто, обещаю, никто не сможет навредить. В этот раз так и будет.

Можете мне верить, миледи Каонэль. Талисман у вас, но видите...

Высокородный покосился на артефакт, словно тот дохлая мышь.

— Он не работает, — продолжил он. — Все, что вынесли, — зря. Идемте со мной. В сияющем городе ждет новая жизнь, в которой не нужны воспоминания.

Я уставилась на Лисгарда, пытаюсь понять резкую перемену. Манерный, сдержанный высокородный эльф исчез, на его месте возник почти фанатик с голодным блеском в глазах и горящими ушами.

Сзади слышалось недовольное хмыканье странника.

— Тебя долго ждать? Или устала? Могу понести, — сказал он громко.

Я осталась лицом к белокожему, поцарапанные уши потеплели, через секунду запылали, словно их опустили в ализарин. Лисгард нервно сглотнул и посмотрел мне через плечо. Лицо исказилось сожалением.

— Почему? — спросил он сдавленно.

Я захлопала ресницами и покосилась на Варду.

Высокородный повторил:

— Почему он?

Лисгард выжидательно уставился на меня гаюиновыми глазами, синее пламя полыхнуло длинными языками. Лицо строгое и требовательное, будто я снова взяла белый камень.

Меня затрясло, в затылке заворочалось странное, неизвестное ощущение. Будто кто-то методично пытается пробраться до середины головы и долбит в черепушку. Я сцепила пальцы и подняла взгляд на Лисгарда.

— Не, не знаю... — пробормотала я.



Сзади хрустнул песок, Варда быстро выступил из-за спины, мягко оттолкнул меня в сторону и с силой впихнул Лисгарда в портал.

— Доброй дороги, высокородный, — крикнул он вдогонку. — И спасибо за, гм, все.

Лисгард потерял равновесие и навзничь провалился в сияющую дыру. Последнее, что успела увидеть, — изумленные синие глаза. Губы что-то прошептали, но я не успела разобрать.

Поверхность портала поплыла мелкой рябью, цветные искры рассыпались в разные стороны. Пустошь озарилась вспышкой, и сияющий вихрь погас.

Я секунду тарашилась на место, где только что стоял Лисгард и крутился портал. Теперь там только красный песок и выжженная земля. Из трещин в почве торчат сухие травинки, каким-то чудом уцелевшие при разрыве посоха.

Взгляд медленно переполз на Варду, постепенно дошло, что случилось.

— Ты что сделал! — завопила я на странника. — Ты все знал!

— Что знал? — спросил странник невозмутимо.

Я еще больше взбесилась.

— Высокородный нужен был как щит от огня! Ты специально его взял!

— Это ты его взяла.

— Что-о? — изумилась я.

— Сама знаешь что, — проговорила он, прищурившись, словно кот, которому поставили миску со сливками.

— У меня в памяти дыра! — закричала я.

Странник пожал плечами и сказал спокойно:

— Знаю. Не страшно.

— Даже не попрощалась, — всхлипнула я, опуская плечи.

Странник отмахнулся и решительно шагнул ко мне.

— Попрощалась, — проговорил он с улыбкой.

Я гневно посмотрела на него. В глазах рыжего скачут веселые гоблины, или лешие, или не знаю.

Варда присел, одной рукой ловко закинул меня на плечо. Затем развернулся на месте и двинулся в сторону Чумного леса.

Я беспомощно задрогала ногами и стала колотить его кулачками по широкой спине.

— Ты, ты самодовольный, напыщенный Варда! — завопила я. — Ты грубиян! Ты, ты...

Мои удары только развеселили странника, слышались сдержанные смешки. Он подкинул меня и переложил повыше. В живот уперлись чешуйчатые наплечи.

— Грубиян напыщенный, и все, что хочешь, — с нежностью произнес он.

Я устала колотить по доспехам, руки слабо повисли на спине.

— Талисман не работает, — проговорила я обессиленно.

Варда ускорил шаг, из-под пяток полетели блестящие крупинки, на песке образовалась цепь остроносых следов.

Странник чуть оглянулся и сказал:

— Сделаем, чтоб работал.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЗОЛОТОЙ ТАЛИСМАН

Орловский Гай Юлий

Генер Марго

ПОТЕРЯННАЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Кондратьева*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Андриановой*

Корректор *Т. Остроумова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:

Serhii Bobyk, Selenit, Kanea / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com;

StephM2506 / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 13.12.2016. Формат 84х108¹/₃₂.

Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 4000 экз. Заказ № 39486.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством электронных носителей в АО «Саратовский полиграфкомбинат».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59. www.sarpk.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ



Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:
142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**
*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**
+7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса:**
142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза». Тел.: (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел.: (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел.: (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42.

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум».
Тел.: +38-044-2909944.

**Полный ассортимент продукции Издательства «Э»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д.46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14.



ISBN 978-5-699-94353-1



9 785699 943531 >





Люди не смогли ответить на вопрос, кто такая Каонэль.
Солнечные эльфы пришли в замешательство, пытаясь понять,
откуда взялась своенравная красавица с пепельной кожей,
какая сила таится в желтых глазах.

Друзья стремятся разгадать загадку серой эльфийки.
Но больше всех это хочет выяснить она сама.

Чтобы вернуть память, эльфийка
пускается в опасный путь на поиски
Золотого Талисмана...

ISBN 978-5-699-94353-1



9 785699 943531 >